

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЗАКОННОСТЬ**

7

1 9 5 3

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР,
ПРОКУРАТУРЫ СССР И ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

30-й ГОД
ИЗДАНИЯ

№ 7

10 А Б
СССР 5 3

1972/9.
ЗНИИ Юстиции СССР

ЗАБОТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ОБ УКРЕПЛЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Коммунистическая партия Советского Союза — вождь советского народа, руководящая и направляющая сила советского общества. Мудрая и последовательная политика Коммунистической партии, являющейся жизненной основой советского общественного строя, пользуется безраздельной поддержкой нашего народа.

Советские люди хорошо знают, что для Коммунистической партии нет других интересов, кроме интересов народа, что вся ее многогранная и плодотворная деятельность направлена на обеспечение победы коммунизма.

Высшим законом для Коммунистической партии является всемерное повышение благосостояния народа, непрерывное улучшение материального и культурного уровня населения, максимальное удовлетворение постоянно растущих потребностей советского общества.

Коммунистическая партия хранит, как зеницу ока, величайшее завоевание революции — дружбу народов нашего многонационального социалистического государства. Партия неустанно воспитывает советских людей в духе патриотизма и пролетарского интернационализма, проводит решительную борьбу со всякого рода проявлениями космополитизма и буржуазного национализма.

Морально-политическое единство советского народа представляет собою гранитный фундамент, на котором зиждется наше социалистическое общество, является ярчайшим свидетельством торжества национальной политики Коммунистической партии.

Особой заботой Коммунистической партии Советского Союза является укрепление мощи и силы социалистического государства — несокрушимого бастиона мира во всем мире, надежного оплота лагеря социализма, главного орудия построения коммунизма в нашей стране.

Важную роль в укреплении Советского государства играет социалистическая законность, утвердившаяся в результате слома старой буржуазной государственной машины и ликвидации ненавистной народу буржуазной законности.

Социалистическая законность представляет собою новый тип законности, невиданной в истории человечества и коренным образом отличающейся от законности всех предшествовавших классовых обществ.

Буржуазная законность была и есть в руках господствующих классов орудием угнетения и порабощения большинства народа, средством подчинения и закабаления трудящихся масс. Насквозь фальшивая и лицемерная, буржуазная законность, на словах провозгласившая равенство всех перед законом, на деле всегда была глубоко враждебна трудящимся и направлена на защиту интересов эксплуататоров.

Великие основоположники марксизма Маркс и Энгельс более ста лет назад в «Манифесте Коммунистической партии» вскрыли подлинную сущность буржуазной законности, указав, что буржуазное право есть возведенная в закон воля буржуазии.

Антинародный характер и реакционная сущность буржуазной законности с особенной силой проявились в эпоху империализма, когда буржуазия пытается избавиться от ею же созданной и ставшей для нее невыносимой законности. Буржуазия империалистических стран растоптала принцип законности: отбросила прочь куцую буржуазную законность и даже жалкие остатки сильно урезанной законности эпохи так называемых буржуазно-демократических свобод.

Социалистическая законность в нашей стране выражает волю всего народа, направлена на защиту интересов всего советского общества, состоящего из дружественных классов и сцементированного нерушимым морально-политическим единством.

С первых же дней Советской власти социалистическая законность используется как мощное орудие укрепления советского общественного строя, ограждения его от каких бы то ни было посягательств, защиты великих революционных завоеваний нашего народа.

Конституция СССР, являющаяся высшим этапом в развитии социалистической законности, представляет собою поистине великую хартию социалистических свобод. Она законодательно закрепляет то, что добыто и завоевано народом, гарантирует советским гражданам великие права, обеспечивает условия их осуществления.

Коммунистическая партия Советского Союза проявляет особую заботу об укреплении социалистической законности, о дальнейшем ее развитии, о правильном ее осуществлении. Строжайшее соблюдение советских законов всеми организациями и учреждениями, точное и неуклонное выполнение требований закона, заботливая охрана прав граждан, гарантированных советским законом, — этого добивается наша партия от всех своих членов, от всех работников государственного аппарата.

Коммунистическая партия неоднократно указывала на необходимость всемерного укрепления социалистической законности, строжайшего соблюдения советских законов. VI Чрезвычайный Всероссийский съезд советов принял 8 ноября 1918 года специальное постановление, в котором указывалось на необходимость точного соблюдения законов в целях дальнейшего укрепления Советской власти. Январский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 году указал, что строжайшее проведение в жизнь закона об охране общественной собственности является первейшим долгом каждого коммуниста, каждого рабочего и колхозника. XVII съезд партии предложил строго соблюдать советские законы, привлекать к ответственности тех, кто полагает, что законы для них не обязательны.

XIX съезд нашей партии с новой силой подчеркнул необходимость строжайшего соблюдения законности. В отчетном докладе XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) товарищ Г. М. Маленков говорил, как о большом зле, о том, что у нас есть немало работников, полагающих, что партийные решения и советские законы для них не обязательны, вообразивших, что у нас будто бы есть две дисциплины: одна для рядовых людей, а другая — для руководителей, которые

думают, что им все позволено, что они могут не считаться с государственными и партийными порядками, нарушать советские законы, бесчинствовать и творить произвол. «Пора понять, — говорил он, — что у нас в партии одна дисциплина и для рядовых членов партии и для руководителей, что советские законы одинаково обязательны для всех советских людей, больших и малых. Для руководителей, повинных в недобросовестном отношении к выполнению решений партии и правительства, допускающих беззаконие и произвол, не может быть никаких скидок на их положение».

Партия и Правительство проводят решительную борьбу с нарушениями советских законов, строго наказывают тех, кто попирает права граждан, гарантированные законом, твердо пресекают всякую попытку проявления произвола и беззакония, от кого бы она ни исходила. Прямым следствием огромной работы, проводимой Коммунистической партией по идейно-политическому и культурному воспитанию трудящихся, по преодолению пережитков капитализма в сознании людей, является безраздельное господство в нашей стране социалистической идеологии, рост социалистического сознания, проявляющегося в политической и производственной активности трудящихся.

Подавляющее большинство советского народа сознательно выполняет законы, честно относится к выполнению своего общественного долга, бережно относится к государственной и общественной собственности. Социалистический правопорядок и законность в настоящее время укрепились, а преступность в стране значительно сократилась.

На органы прокуратуры и суда возложены ответственные обязанности по проведению борьбы с преступностью, по обеспечению всей своей деятельностью точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Нужно признать, что в работе органов прокуратуры и суда все еще имеются серьезные недостатки, в особенности в деле соблюдения ими требований закона. До сих пор не искоренены такие нетерпимые факты, как неосновательное привлечение к уголовной ответственности отдельных граждан, иногда даже с содержанием их под стражей, и осуждение невиновных. Подобные действия представляют собой извращение социалистической законности, грубейшее нарушение прав граждан, в частности права на неприкосновенность личности. К сожалению, в некоторых местах свыклись с такими позорными явлениями, примирились с ними.

Настало время повысить ответственность прокуроров, следователей и судей за порученное им дело, строго взыскивать с лиц, повинных в привлечении к уголовной ответственности и осуждении честных, ничем неопороченных советских граждан. Необходимо в органах прокуратуры и суда создать атмосферу нетерпимости к любым проявлениям беззакония и произвола, неустанно воспитывать следователей, прокуроров и судей в духе неуклонного и строжайшего соблюдения советских законов, в духе нетерпимости к любым и всяким отступлениям от требований закона.

Следователь, прокурор и судья должны быть страстными поборниками социалистической законности, неподкупными ревнителями советских законов, надежными стражами прав граждан, гарантированных Конституцией СССР и другими законами.

Для воспитания судебных и прокурорских работников огромное значение имеет правильная организация идейно-политической работы в органах прокуратуры и суда, систематическое повышение политических знаний прокуроров и судей, овладение теорией марксизма-ленинизма.

Важную роль должно играть изучение и распространение опыта лучших прокуроров и судей, примеров образцового выполнения служебного долга, правильного отправления правосудия, точного и неуклонного соблюдения законов.

Нужно вооружить наши кадры правильным пониманием политики партии, задач, стоящих перед прокуратурой и судом, довести до сознания каждого судебного и прокурорского работника, что строжайшее выполнение требований закона является его первейшим партийным и советским долгом.

Между тем зачастую имеет место неправильный подход к оценке деятельности органов прокуратуры и суда — преимущественно на основе статистических данных, тогда как решающим при оценке их работы должно быть то, как проводилась в практической деятельности политика партии, как отправлялось социалистическое правосудие, как обеспечивалось точное соблюдение законов. Под этим углом зрения и необходимо перестроить ревизионную работу как в центре, так и на местах.

Во многих прокуратурах работа по надзору за соблюдением законности организациями и учреждениями находится в загоне, нет должного сочетания работы по борьбе с преступностью с осуществлением надзора за соблюдением законности, которому уделяется явно недостаточное внимание. Между тем надзор за точным исполнением законов всеми организациями и учреждениями является важнейшей функцией прокуратуры. Задача заключается в том, чтобы решительно улучшить деятельность отделов общего надзора, повысить их роль и обеспечить правильное осуществление всеми органами прокуратуры надзора за строжайшим соблюдением законности.

Конституция СССР, выражая волю всего советского народа, провозгласила социалистическую собственность священной и неприкосновенной основой советского строя. Она обязывает граждан СССР беречь и укреплять социалистическую собственность. Подавляющее большинство рабочих, служащих, колхозников свято выполняет эту обязанность, зорко оберегает народное добро, прилагает все усилия к умножению социалистической собственности.

Но у нас еще есть отдельные отсталые элементы, которые становятся на преступный путь, растаскивают народное добро, норовят залезть в государственный карман. Такие люди, число которых становится все меньше и меньше, окружены презрением и ненавистью, они клеймены позором, как враги народа. Последовательно проводя политику всемерного укрепления социалистической собственности, наше государство принимает необходимые меры к ограждению ее от покушения со стороны антиобщественных элементов.

Исключительно важной задачей советской законности является беспощадная борьба с вражеской агентурой, шпионами и диверсантами, засылаемыми в нашу страну разведками империалистических государств, в первую очередь американской разведкой.

В Советском Союзе давно ликвидированы эксплуататорские классы. Поэтому иностранные разведки не могут рассчитывать на сколько-нибудь значительную социальную опору внутри нашей страны. Но они используют для своих гнусных целей разного рода отщепенцев, изменников Родине, мерзких фашистских преступников.

В этой связи следует сказать о деле Берия — заклятого врага нашей партии и советского народа, агента международного империализма, разоблаченного благодаря своевременным и решительным мерам, принятым Президиумом ЦК КПСС. Вся наша партия, весь наш народ единодушно и полностью одобряют эти меры по разоблачению и пресечению преступ-

ных антипартийных и антигосударственных действий Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить МВД СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза.

Наша партия беспощадно разоблачает врагов, как бы они ни маскировались.

Наша партия учит советских людей постоянно и на любом участке проявлять высокую революционную бдительность, всегда держать порох сухим против явных и тайных врагов.

Особая ответственность в связи с этим ложится на органы прокуратуры и суда, которые должны зорко стоять на страже интересов государства, быстро изобличать шпионов и диверсантов, решительно пресекать их вражескую деятельность, беспощадно, как этого требует советский закон, расправляться с ними.

Работники прокуратуры и суда должны приложить все усилия к тому, чтобы высоко держать знамя советской социалистической законности, чтобы с честью выполнять возложенные на прокуратуру и суд важные и ответственные задачи.

БОЛЬШЕ ЗАБОТЫ О МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТАХ

С. Зайцев

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране», органы юстиции и прокуратуры из года в год пополняют свои кадры молодыми специалистами, окончившими высшие и средние юридические учебные заведения.

И в нынешнем году в наши органы приходит серьезное пополнение молодых специалистов — юристов.

На выращивание молодых кадров, которые отвечали бы высоким требованиям, предъявляемым к работникам юстиции и прокуратуры, направлены весь учебный процесс, вся политико-воспитательная работа в юридических вузах и школах. Источником повышения идейно-теоретического уровня обучения в юридических учебных заведениях и идейно-политического воспитания учащихся являются постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. и постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, сыгравшие решающую роль как в подготовке и воспитании молодых кадров для органов юстиции и прокуратуры, так и в повышении идейно-теоретического уровня и юридической квалификации всех судебных и прокурорско-следственных работников.

Молодые специалисты-юристы приступают к судебной и следственно-прокурорской деятельности. Они полны энергии и желания принести наибольшую пользу родине.

Молодые специалисты прошли хорошую школу. Но школа — это только подготовительная ступень, а настоящая закалка кадров получается на живой работе, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей.

И молодые специалисты нуждаются в помощи, в повседневной заботе о них. Молодых специалистов нужно терпеливо изо дня в день выращивать, заботливо воспитывать, оказывая им всяческую поддержку. Только при этом неременном условии они вырастут в хороших практических работников.

Что должно быть обеспечено молодым специалистам, что требуется для этого от руководителей органов юстиции и прокуратуры? Забота о жилищном и трудовом устройстве молодых специалистов, чуткое отношение к их нуждам, правильное проведение стажирования, повседневная помощь им в освоении судебной и следственно-прокурорской работы, идейно-политическое воспитание их — все это обязательные условия, которые позволят вырастить из молодых специалистов хороших практических работников.

Долг руководителей органов юстиции и прокуратуры — воспитать молодых специалистов в духе высокой идейности, партийной принципиальности, неподкупной честности, в уменьи применять марксистско-ленинскую теорию на практике, в уменьи бороться с трудностями и преодолевать их на работе.

Долг руководителей органов юстиции и прокуратуры — воспитать в молодых специалистах сознание высокой ответственности за непоколебимую охрану прав граждан, предусмотренных советскими законами,

воспитать их как борцов за социалистическую законность и правопорядок, непримиримых в борьбе с преступностью.

Молодые специалисты-юристы получают серьезную теоретическую подготовку в юридических институтах. Но в постановке обучения в юридических учебных заведениях есть существенный недостаток, заключающийся в том, что студенты во время обучения не получают нужных знаний в области судебной и следственно-прокурорской работы и первоначальных навыков в ней.

Жизнь показывает, что молодые специалисты слабы в ведении следствия, в оформлении следственных документов, в разрешении разнообразных вопросов судебной и прокурорско-следственной практики, в применении процессуальных норм, в вопросах методики и тактики следствия, в поддержании государственного обвинения в суде.

Молодые специалисты оказываются недостаточно подготовленными для выполнения сложной, политически ответственной работы в суде и прокуратуре. Так, например, обучаясь в юридическом институте, они не получают нужных знаний о прокурорском надзоре, о задачах и функциях, о формах и методах деятельности прокуратуры, а между тем все это крайне необходимо хотя бы для тех учащихся, которые по окончании юридического института будут работать на следственно-прокурорской работе.

Существенные недостатки в подготовке юристов в значительной мере являются результатом недооценки производственной практики учащихся юридических вузов и школ. Производственная практика учащихся должна быть органической частью учебного процесса и служить закреплению теоретических знаний учащихся и приобретению ими первоначальных навыков судебной и следственно-прокурорской работы. Молодые специалисты-юристы, направляемые в органы суда и прокуратуры, идут на самостоятельную судебную или следственно-прокурорскую работу. Естественно требование, чтобы эти молодые специалисты были хорошо подготовлены к самостоятельной работе. К этому обязывает та государственная работа, на которую назначаются молодые специалисты по окончании юридических учебных заведений.

Между тем производственная практика учащихся юридических институтов и школ не отвечает этим требованиям. В юридических учебных заведениях учащимся еще не прививают в нужной мере навыки судебной и следственно-прокурорской работы. Это сказывается особенно в первые месяцы работы молодых специалистов в органах юстиции и прокуратуры.

На руководителях органов юстиции и прокуратуры лежит тем большая обязанность помочь молодым специалистам преодолеть эти недостатки, помочь им быстрее войти в курс работы этих органов, ознакомить молодых специалистов с теми задачами, которые поставлены Конституцией СССР перед судом и прокуратурой, с состоянием социалистической законности в области и с той работой в борьбе за ее укрепление, которую проводят суд и прокуратура.

В целях приобщения молодых специалистов к сложной и ответственной работе в качестве судей, следователей и прокуроров и создания им необходимых условий для работы, в органах юстиции и прокуратуры молодые специалисты проходят стажирование, во время которого они получают навыки судебной и прокурорско-следственной работы в дополнение к теоретической подготовке, полученной ими в юридическом институте или школе.

В органах юстиции установлен порядок стажирования молодых специалистов, пришедших на работу в эти органы, в процессе которого они

непосредственно знакомятся со структурой, организацией и практической деятельностью народного суда и подготавливаются к судебной работе.

Под руководством опытного народного судьи молодые специалисты практически и последовательно исполняют обязанности секретаря суда, секретаря судебного заседания, судебного исполнителя, что помогает молодому специалисту быстрее усвоить порядок работы суда, права и обязанности отдельных работников суда. Стажер должен приобрести навыки практической организации работы суда, оформления дел, подготовки и проведения судебных заседаний.

Основное внимание во время стажирования уделяется тому, чтобы молодой специалист получил навыки в подготовке и проведении судебного процесса. Для этого он вместе с народным судьей принимает поступающие в суд уголовные и гражданские дела, исчисляет государственную пошлину, разрешает вопросы о передаче дела по подсудности, устанавливает недостатки искового заявления, назначает дела к слушанию в судебном или подготовительном заседании, разрешает вопросы о вызове свидетелей, истребовании документов и т. д.

Молодой специалист тщательно изучает все дела, поступающие в народный суд, по каждому делу составляет краткую справку и до рассмотрения уголовного дела в подготовительном заседании докладывает его народному судье; присутствует на подготовительных заседаниях суда, составляет проекты протоколов и проекты определений подготовительного заседания, которые передает на заключение народному судье. По отдельным делам, по поручению судьи, молодой специалист ведет параллельные протоколы судебного заседания по уголовным и гражданским делам; после удаления состава суда на совещание он составляет проекты приговора, решения, определения, обязательно ссылаясь на закон, а после окончания судебного заседания передает составленные им проекты перечисленных судебных документов на заключение народному судье. Само собою разумеется, что все составленные стажером документы имеют только учебное значение и ни в каком случае не должны приобщаться к делам или подшиваться в наряды.

При поступлении кассационных жалоб и протестов молодой специалист знакомится с ними и перед отправкой их вместе с делами в кассационную инстанцию проверяет, подписаны ли протоколы и определения подготовительного и судебного заседания, пронумерованы ли и подшиты ли все материалы по делу, составлены ли статистические карточки, правильно ли уплачена государственная пошлина и т. д.

При изучении организации работы народного суда молодой специалист совместно с народным судьей составляет план работы на каждый месяц, присутствует при проведении народным судьей занятий с народными заседателями, после чего сам проводит одно-два занятия с ними при участии народного судьи, присутствует на собраниях при проведении отчетов народного судьи перед избирателями. Молодой специалист усваивает под руководством народного судьи или работников управления юстиции, как нужно изучать и обобщать судебную практику по уголовным и гражданским делам; он ежедневно присутствует при приеме народным судьей посетителей и выполняет его поручения по проверке жалоб на волокиту с исполнением судебных решений, на несвоевременную высылку копий решений и т. д.; он учится, как проверять работу судебного исполнителя, как вести и проверять его денежную отчетность.

В течение непродолжительного времени стажирование может проводиться в областном суде, где молодой специалист прикрепляется к опытному члену суда, рассматривающему дела и по первой инстанции.

Таковы основные положения правильной организации стажирования молодых специалистов в органах юстиции.

В ряде областей проводятся совещания молодых народных судей, на которых молодые специалисты не только сами обмениваются опытом, но и учатся опыту старейших народных судей. Например, в Саратовской области на таком совещании поделился опытом своей работы один из опытейших народных судей области т. Звягин; он рассказал о том, как он ведет работу, какими методами он добился хороших результатов и авторитета среди населения. На такого рода совещаниях, завершающихся обычно семинарами по рассмотрению важнейших категорий дел, молодые специалисты воспринимают у опытных судей положительные методы их работы, что еще больше содействует росту молодых специалистов.

Это — хорошее начинание, заслуживающее широкого распространения.

В органах прокуратуры установлен порядок стажирования молодых специалистов, в силу которого они сразу же по приезде в областную прокуратуру, до направления в район, проходят под руководством областного прокурора обязательные десятидневные семинарские занятия. Прокурор области сам беседует с молодыми специалистами и знакомит их с теми задачами, которые поставлены Конституцией СССР перед органами прокуратуры, с состоянием социалистической законности в области и с той работой в борьбе за ее укрепление, которую проводит прокуратура; он рассказывает, какие обязанности налагают важнейшие постановления Партии и Правительства на работников прокуратуры, какая большая ответственность возложена на них, каким поэтому высоким требованиям политической подготовленности, принципиальности, моральной устойчивости, безукоризненности личного поведения должны отвечать прокурор и следователь. Молодые специалисты должны быть строго предупреждены об особенной осмотрительности при решении вопросов, связанных с арестами и привлечением граждан к уголовной ответственности.

Последующие собеседования на семинарах посвящаются организации работы в районной прокуратуре, работы народного следователя и помощника районного прокурора, кругу их обязанностей, чтобы молодые специалисты полностью представляли себе организационную сторону работы районной прокуратуры. Затем с молодыми специалистами проводятся занятия по методике расследования различного рода преступлений, в первую очередь наиболее характерных для данной области, по методике пользования следственным чемоданом при расследовании преступлений.

Получив в процессе этих занятий непосредственно в областной прокуратуре первоначальные навыки ведения следствия, как и работы по каждому из видов прокурорского надзора, молодые специалисты разъезжаются в районы, уже будучи введенными в курс прокурорско-следственной работы, что позволяет им быстрее освоить новую для них работу.

Во время последующего стажирования в районной прокуратуре по должности народного следователя молодой специалист знакомится с методикой и порядком выполнения следственных действий и порядком их процессуального оформления. Он участвует в следственных действиях, выполняемых прокурором или следователем (допросы свидетелей, очные ставки, обыски, выемки, осмотр места происшествия, следственный эксперимент). Он составляет проекты следственных документов (постановления о возбуждении уголовного дела, о принятии его к своему

производству, об избрании меры пресечения, о предъявлении обвинения, о производстве обыска, выемки, о назначении экспертизы и т. д.), проекты обвинительных заключений по делам, планы расследования, планы допроса обвиняемых, свидетелей и т. д. Все эти документы составляются от имени лица, производящего расследование по делу (прокурора, следователя), и ими подписываются. Прокурор или следователь обязаны внимательно просмотреть составленные стажером документы, указать ему на допущенные ошибки и в случае необходимости сами составить тот или иной документ для наглядного сличения их.

Стажеру может быть поручено под руководством прокурора или следователя составление протоколов обыска и выемки, протокола осмотра места происшествия, ведение записи показаний обвиняемого или свидетеля по несложным делам. Составленные стажером документы проверяются производящим расследование по делу прокурором или следователем и им подписываются.

Стажер знакомится с правилами ведения и ознакомления надзорных производств, с порядком учета арестованных, приостановленных дел, вещественных доказательств, оформления следственных дел, с постановкой делопроизводства в районной прокуратуре, порядком и формами учета и отчетности по следствию.

Приобретая таким путем необходимые навыки, молодой специалист переходит затем к самостоятельному расследованию по несложным уголовным делам под руководством следователя или прокурора, которые обязаны сами присутствовать при производстве стажером наиболее важных следственных действий и на конкретных делах и примерах учить его методически правильно проводить и оформлять и умело применять тактические приемы в расследовании преступлений.

Таковы основные положения правильной организации стажирования молодых специалистов в органах прокуратуры.

В целях закрепления ими навыков следственной работы и дальнейшего повышения их квалификации, по окончании стажирования со всеми молодыми специалистами в областной прокуратуре проводятся семинары (лекции и практические занятия) на темы: о пределах и содержании предварительного следствия, о планировании предварительного следствия, о применении научно-технических средств при расследовании, о следственном осмотре (с применением инсценировки места происшествия, следственного чемодана, с проведением осмотра документов), об общих условиях назначения и производства экспертизы, о тактике допроса обвиняемого и свидетелей, об организации работы по участковой системе.

В ряде областей после этих семинаров проводятся совещания для обмена опытом работы молодых специалистов, что еще больше содействует их росту.

Такое совещание, например, было проведено в феврале нынешнего года в прокуратуре Башкирской АССР. На этом совещании десять молодых специалистов рассказали о том, как они проводили расследование по более характерным уголовным делам, о том, с какими трудностями они встретились на работе, высказали свои претензии к следственному отделу прокуратуры республики. После проведения семинарских занятий и совещания с молодыми специалистами прокуратура Башкирской АССР разослала специальное письмо районным и городским прокурорам, в котором, опираясь на состоявшийся обмен опытом молодых специалистов, указала, как следует усилить им повседневную помощь в работе.

Это хорошее начинание прокуратуры Башкирской АССР заслуживает широкого распространения.

Оно важно и в связи с участковой системой работы следственного аппарата органов прокуратуры, требующей от каждого следователя знания состояния преступности на территории его участка, повышения инициативы в выявлении и раскрытии преступлений, точного соблюдения закона о подследственности, неуклонного улучшения качества и сроков следствия, установления деловой связи с органами милиции и ревизионно-контрольными органами, усиления работы по предупреждению преступлений, повышения политической и юридической квалификации.

Система и основные элементы стажирования молодых специалистов в органах юстиции и прокуратуры всем своим содержанием направлены к тому, чтобы всячески содействовать росту молодых специалистов, закалке их на живой, практической работе.

Стажирование молодых специалистов в органах юстиции и прокуратуры включает молодых специалистов в творческую судебную и следственную деятельность, прививает им самостоятельность и культуру в работе, выдержку и такт, инициативу, вдумчивость, умение выявить методы совершения преступления, найти и изобличить виновных, установить истину по делу.

Стажирование молодых специалистов в органах юстиции и прокуратуры служит задаче привития им тех высоких личных качеств, которые в своей совокупности образуют морально-политический облик советского судьи, следователя, прокурора.

Руководители органов юстиции и прокуратуры должны серьезно заботиться о том, чтобы вооружить молодых специалистов на преодоление трудностей, чтобы они неустанно работали над повышением своего идейно-теоретического уровня, над дальнейшим совершенствованием своих юридических знаний, чтобы они научились по-государственному осмысливать те сложные явления общественной жизни, с которыми им приходится сталкиваться в судебной и следственной работе, в борьбе с преступностью, в борьбе за социалистическую законность, чтобы они отвечали тем высоким морально-политическим требованиям, которые предъявляются к работникам суда и прокуратуры.

Богатейший опыт нашей партии показывает, что кадры растут тем быстрее, чем больше проявляется заботы об их марксистско-ленинском образовании. И молодые специалисты, пришедшие на работу в органы юстиции и прокуратуры, все без исключения, обязаны работать над повышением своего идеологического уровня, систематически и настойчиво овладевать учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, овладевать богатым политическим опытом нашей партии, чтобы не отстать от жизни и стоять на высоте задач партии.

Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза обязывают нас еще выше поднять уровень работы по воспитанию кадров.

Идейно-политическое воспитание молодых специалистов должно способствовать глубокому осознанию и безупречному выполнению каждым из них своего служебного долга, осознанию ими своей строгой ответственности за порученное дело и неуклонное выполнение законов.

Повышение своего идейно-теоретического уровня, воспитание в себе творческого отношения к марксистско-ленинской теории, прочное и глубокое усвоение ее и изучение в тесной связи с практикой коммунистического строительства, проникновение духом непримиримости ко всяким проявлениям буржуазной идеологии, ко всяким буржуазным влияниям в науке права, — таковы требования, предъявляемые к молодым специалистам, которые должны научиться пользоваться теорией марксизма-ленинизма и при решении вопросов, связанных с судебной и следственно-прокурорской практикой, и быть при этом принципиальными и стойкими

в своей правде, непримиримыми к антигосударственным проявлениям.

Руководители органов юстиции и прокуратуры должны помнить, что работать с молодыми кадрами — это значит повседневно заботиться об их идейно-политическом воспитании, о дальнейшем повышении их идейно-теоретического уровня. Такая забота является одной из важнейших обязанностей руководителей органов юстиции и прокуратуры. Молодых специалистов следует вовлекать в вечерние университеты марксизма-ленинизма, они должны быть активными участниками постоянно действующих семинаров при районных комитетах партии. Многие молодые специалисты, будучи хорошо подготовленными, с большим желанием выступают с докладами на совместных семинарских занятиях работников прокуратуры, суда и милиции. Это хорошее начинание молодых специалистов получило распространение, например, в органах прокуратуры Башкирской АССР.

Во время стажирования молодых специалистов важно тщательно изучать их достоинства и недостатки, помогать им выработать в себе необходимые для судебного и прокурорско-следственного работника качества, привить любовь к этой работе.

Забота о молодых специалистах должна заключаться и в том, чтобы во-время замечать способных из них и смело выдвигать их на руководящую судебную и прокурорскую работу. Для этого надо терпеливо «повозиться» с молодыми специалистами, чтобы помочь им лучше освоить работу, закалиться на ней и подняться выше.

Больше заботы о молодых специалистах, больше заботы о выращивании и воспитании молодых кадров судебных и следственно-прокурорских работников — в этом залог успешного осуществления органами юстиции, суда и прокуратуры задач, поставленных перед ними XIX съездом нашей партии.

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТВЕ

Г. Бахаров

Литовский народ под руководством Коммунистической партии добился огромных успехов в строительстве социализма. Из нищей и обездоленной полуколонии империалистов, какой была Литва при господстве буржуазии, Литовская Советская Социалистическая Республика превратилась за годы существования Советской власти в цветущую социалистическую республику.

Великие преобразования, происшедшие за годы социалистического строительства, укрепили советский государственный строй Литвы. Коммунистическая партия и Советское правительство неослабно заботятся об укреплении советского правопорядка и социалистической законности в республике. За годы Советской власти в Литве выросли многочисленные кадры советских юристов, работающих в органах юстиции и прокуратуры. Последние выборы народных судов еще больше способствовали укреплению социалистической законности.

В Литовской республике за последние годы сократились случаи нарушения социалистической законности и сократилась преступность, укрепился советский социалистический правопорядок. В деле укрепления социалистической законности в республике значительную работу проводят под руководством партийных организаций местных Советов депутатов трудящихся, органы прокуратуры и суда.

Важнейшей заботой социалистической законности является охрана социалистической собственности — священной и неприкосновенной основы нашего государства. Количество случаев посягательства на социалистическую собственность в республике за последние годы сократилось, и охрана социалистической собственности значительно улучшилась. В этом сказалась большая работа, которую ведут партийные и советские организации республики по воспитанию в гражданах чувства бережного и заботливого отношения к социалистической собственности, а также работа органов прокуратуры и суда по пресечению преступных посягательств на социалистическую собственность.

Однако на отдельных предприятиях республики, в колхозах и в особенности в торгующих организациях и промысловой кооперации еще имеют место факты посягательства на социалистическую собственность, чем наносится значительный ущерб государству. Это свидетельствует как о неудовлетворительной работе руководителей этих организаций по охране социалистической собственности, так и о неудовлетворительной работе органов милиции, прокуратуры и суда.

В целях устранения этих недостатков прокуратура Литовской ССР (и ее органы на местах) в истекшем 1952 году и в текущем году производила неоднократные проверки исполнения законов об охране социалистической собственности (на предприятиях легкой, пищевой и других отраслей промышленности, в системе «Заготзерно», потребительской кооперации, госторгах и т. д.). Проверками вскрывались серьезные изъяны в охране и сохранности государственного и общественного достояния, факты неудовлетворительного подбора кадров, попустительства

и ротозейства, неудовлетворительное выполнение действующих правил о внутриведомственном финансовом контроле и документальных ревизиях учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и строительных, непринятие руководителями во многих случаях установленных законом мер по выявленным хищениям и недостаткам, факты отсутствия надлежащего учета, незаконные нарушения правил о пропусках и т. д.

Обобщив результаты этих проверок, прокуратура республики вошла с представлением в Совет Министров и ЦК КП Литвы, которыми были приняты соответствующие решения, обязывающие руководителей министерств устранить эти серьезные недостатки. Ряд лиц, виновных в беспечном отношении к охране народного достоинства, был строго наказан.

Работники органов прокуратуры Литовской ССР сами еще в ряде случаев допускают медлительность в расследовании хищений социалистической собственности и крайне неудовлетворительно обеспечивают возмещение ущерба, причиненного государственным и общественным организациям. Серьезные ошибки и недостатки допускаются и в судебных органах.

Органы прокуратуры республики должны не ослаблять борьбы с расхитителями социалистической собственности, устранять волокиту в расследовании. В начале текущего года прокуроры городов и районов провели сплошную проверку во всех важнейших хозяйственных и торгующих организациях республики в отношении своевременности передачи в следственные органы материалов о расхитителях социалистической собственности. Такое мероприятие позволило устранить многие факты несвоевременной передачи материалов и несвоевременного расследования и судебного рассмотрения дел. Эти проверки необходимо рекомендовать прокурорам делать как можно чаще.

В 1952 году органы прокуратуры Литовской ССР уделяли большое внимание выявлению нарушений Устава сельскохозяйственной артели.

Прокуратура республики организовала и провела через районных прокуроров во всех районах проверку правильности расчетов с колхозами со стороны государственных и общественных организаций. В результате вмешательства районных прокуроров была взыскана в пользу колхозов значительная сумма дебиторской задолженности. Прокурорами районов было предъявлено большое количество исков в пользу колхозов, подавляющее большинство которых было судами удовлетворено.

В процессе проверки прокуроры многих районов установили, что особенно неудовлетворительно производят расчеты с колхозами подведомственные Министерству сельского хозяйства организации и предприятия, в частности МТС. В связи с этими сигналами и пользуясь материалами районных прокуроров, прокуратура республики провела проверку в Министерстве сельского хозяйства и установила, что последнее слабо контролировало состояние расчета с подведомственными ему предприятиями и учреждениями. На основании всех этих материалов прокуратура республики вошла с представлениями в Совет Министров и ЦК КП Литвы, и последними были приняты соответствующие решения.

Получив сигналы о проникновении в отдельные колхозы республики частнопредпринимательских элементов и заключении ими от имени колхозов незаконных сделок, наносящих ущерб колхозам и государству, прокуроры ряда районов произвели специальные проверки, в результате которых было установлено, что правления отдельных колхозов вступили

в незаконные сделки с частнопредпринимательскими элементами и спекулянтами, а последние заключали от имени колхозов с государственными учреждениями и организациями договоры на производство несвойственных колхозам ремонтно-строительных работ, за что колхозам уплачивалось частниками от 15 до 25%, а остальные суммы расхищались. Действуя от имени колхозов, частнопредпринимательские и спекулятивные элементы производили от имени колхозов наем рабочей силы и незаконно получали от государственных организаций строительные материалы, наживая от этих операций за счет государства крупные суммы денег.

Проверкой было установлено, что председатели некоторых исполкомов (Рассейняйского, Прекульского, Салантайского) не только знали об этих незаконных сделках, но в ряде случаев сами наталкивали на них правления колхозов, выдавали незаконные справки частникам и колхозам для получения денег в банке и т. д. В других колхозах были установлены факты скупки спекулянтами от имени колхозов лошадей и перепродажи их заготовительным органам от имени колхозов.

Во всех этих случаях виновные были привлечены к ответственности. Материалы проверок обсуждались по представлениям прокуроров партийными и советскими органами на местах. Прокуратура республики вошла с представлением в ЦК КП Литвы и Совет Министров, которыми были приняты специальные решения по этому вопросу.

Во многих колхозах республики еще имеют место факты растаскивания и разбазаривания колхозного добра, колхозных общественных земель. Однако отдельные прокуроры районов все еще слабо осуществляют надзор за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели и не ведут достаточно решительной борьбы с этими фактами. Прокуратура Литовской ССР должна добиться в ближайшее время устранения этих серьезных недостатков и активизировать надзорную работу всех районных прокуроров республики.

В прошлом году заметно возросла активность общенадзорной работы районных прокуроров Литовской ССР. Общенадзорная работа стала проводиться более организованно и целеустремленно. По заданиям прокуратуры республики прокуроры городов и районов произвели в 1952 году и в начале текущего года ряд больших и глубоких проверок исполнения важнейших законов на предприятиях, в колхозах, совхозах и учреждениях республики, вскрыли и помогли местным советским и партийным органам устранить значительное количество нарушений законов.

Прокуратурой республики было внесено в ЦК КП Литвы, Совет Министров и Президиум Верховного Совета республики свыше сорока представлений по актуальным вопросам. На основании этих представлений руководящими органами Литовской ССР принят ряд решений, направленных на дальнейшее укрепление законности в республике, а работники некоторых республиканских организаций, допуская нарушения советских законов, строго наказаны.

Значительную роль в повышении активности прокуроров в общенадзорной работе сыграло то обстоятельство, что отдел общего надзора прокуратуры республики стал более тщательно разрабатывать методику каждой намечаемой и проводимой проверки.

В общенадзорной работе прокуратуры есть еще и серьезные недостатки. Прокуратура республики не добилась слаженной работы по общему надзору всех звеньев органов прокуратуры. Значительное количество общенадзорных проверок в результате неумелого их проведения или недостаточно продуманного выбора объектов для проверок было

проведено безрезультатно. Большое количество протестов приносится прокурорами городов и районов несвоевременно. Так, в 1952 году 14,9% протестов на незаконные решения исполкомов были принесены в срок свыше месяца с момента принятия решений. Во многих случаях не ставился вопрос об ответственности нарушителей закона. Очень плохо организован надзор за законностью приказов, издаваемых руководителями предприятий и учреждений.

Наряду с такими хорошо работающими по общему надзору районными прокурорами, как прокурор Алитусского района т. Кведеревичус, есть немало районных и городских прокуроров, явно не понимающих всей важности общенадзорной работы.

Прокуратура республики, ее отдел общего надзора, слабо организует обмен опытом работы районных и городских прокуроров и плохо распространяет лучшие образцы прокурорских протестов, представлений, мало указывает на ошибки и недостатки отдельных прокуроров. Эти недостатки необходимо как можно быстрее устранить.

Особенное внимание в осуществлении общего надзора должно быть обращено на своевременное выявление нарушений прав граждан. Такие факты в республике имеют место.

Заведующим Вильнюсским областным отделом коммунального хозяйства Сычуговым П. А. и главным бухгалтером Романовым было дано указание Зарайскому отделению Госбанка СССР о прекращении выплаты заработной платы служащим районной строительной конторы за непредставление баланса за 1952 год. В результате незаконного распоряжения десять человек два с лишним месяца не получали заработной платы. Областным прокурором это незаконное распоряжение не было опротестовано.

В работе органов прокуратуры и суда еще не изжиты факты необоснованного возбуждения уголовных дел и арестов граждан, допускаются грубые нарушения закона при расследовании и рассмотрении уголовных и гражданских дел.

Народный суд 2-го участка г. Клайпеды под председательством народной судьи т. Мицкевичус решением от 27 марта 1953 г. удовлетворил иск Клайпедского отделения Литсовхозснаба о выселении ответчицы Снигиревой Г. А. из ведомственной квартиры со всеми проживающими с ней лицами, с предоставлением ей другой жилой площади, находящейся на территории межсовхозных мастерских в дер. Жерденинкай — на расстоянии от г. Клайпеды свыше трех километров. Снигирева приказом по Клайпедскому отделению Литсовхозснаба от 15 сентября 1952 г. за № 87 была уволена с работы по тем мотивам, что она не обеспечила порученного участка работы, хотя на должность бухгалтера была принята 5 июня 1950 г. и работала свыше двух лет. Суд, вынося свое незаконное решение о выселении, нарушил права Снигиревой, так как переселение ее из города в деревню связано с нарушением нормальной ее работы.

27 апреля 1953 г. судебные исполнители 2 и 3-го участков народного суда г. Клайпеды вместе с работниками милиции и управляющим Клайпедским отделением Литсовхозснаба предложили Снигиревой согласно исполнительному листу выселиться совместно со своим мужем Быховец в дер. Жерденинкай. Снигирева категорически отказалась освободить квартиру, о чем был составлен акт. В акте было указано также, что Снигирева нанесла побои судебному исполнителю (на самом деле побоев она не наносила). На основании этого акта 27 апреля 1953 г. народный суд 2-го участка г. Клайпеды возбудил уголовное дело в отношении Снигиревой и ее мужа Быховец по ч. 1 ст. 73 УК РСФСР и в отношении их

избрал меру пресечения — содержание под стражей. 7 мая 1953 г. они были арестованы. Только благодаря вмешательству прокуратуры республики дело в отношении Снигиревой и Быховец 9 мая 1953 г. было прекращено за отсутствием состава преступления, и они были освобождены из-под стражи, а решение народного суда 2-го участка г. Клайпеды от 27 марта 1953 г. о выселении Снигиревой из квартиры опротестовано как незаконное в Верховный суд Литовской ССР.

Следует подчеркнуть, что городской прокурор г. Клайпеды т. Масанов не опротестовал незаконного решения суда и не принял мер к немедленному ограждению прав граждан.

В республике имеют место факты администрирования со стороны отдельных должностных лиц местных советских и хозяйственных организаций.

Например, у члена колхоза «Каминай» Пасвальского района т. Самуленис заместителем председателя Пасвальского районного исполкома Леоновым и заведующим общим отделом Кривицкас была незаконно изъята автомашина «Москвич», принадлежащая ему на правах личной собственности. 7 июля 1952 г. по иску Самуленис к Пасвальскому районному исполкому Биржайский народный суд присудил взыскать с районного исполкома стоимость автомашины или возвратить автомашину. Однако Самуленис длительное время не получал ни денег, ни автомашины, и виновные в этом оставались ненаказанными.

Серьезные нарушения законности допускаются в ряде случаев отдельными работниками милиции.

Например, в г. Каунасе специальной проверкой, проводившейся по жалобам, были установлены факты незаконных задержаний и т. д. Виновные в этом длительное время оставались ненаказанными, а прокуратура г. Каунас (прокурор т. Милинавичус) крайне слабо боролась с этими нарушениями.

Органы прокуратуры должны решительно усилить борьбу с нарушениями закона, тщательно проверять каждое заявление, каждую жалобу трудящихся о нарушении их законных прав и добиваться строжайшего наказания виновных.

Партия учит нас, что малейшее нарушение закона является нетерпимым злом, нарушающим интересы Советского государства и наносящим глубокий вред интересам советских людей.

Основной закон нашего государства — Конституция СССР — стоит на страже прав советских граждан на их личную собственность, на труд, на отдых, на обеспечение в старости и на образование.

Следует постоянно иметь в виду, что особо охраняется нашей Конституцией неприкосновенность личности, жилища и тайна переписки граждан. Статья 127 Конституции СССР устанавливает, что гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности и никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Ныне, когда главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, дальнейшее усиление функций хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы в нашем государстве приобретает особенное значение. В связи с этим усиление социалистической законности и охрана прав советских граждан является важнейшей основой дальнейшего развития и укрепления нашего государства.

Особые обязанности на работников прокуратуры возлагает указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амни-

стии». Освобождая осужденных из мест заключения, органы государственной власти заботятся об их немедленном трудоустройстве, о приобщении к созидательному социалистическому труду. Задача состоит в том, чтобы амнистированные были действительно приобщены к общественно-полезному созидательному труду, чтобы за их дальнейшей судьбой внимательно следили партийные, советские и профсоюзные органы, оказывая им всемерную помощь. Между тем специальная проверка, проведенная прокуратурой Литовской ССР, показала, что имеют место случаи незаконного отказа амнистированным в приеме на работу, не проявляется заботы о них; органы милиции в ряде случаев незаконно отказывают в прописке. Поэтому все прокуроры должны усилить надзор за тем, чтобы строго соблюдались указания о трудоустройстве амнистированных. Прокуратура Литовской ССР, установив такие факты, вошла со специальным представлением в ЦК КП Литвы и в Совет Министров Литовской ССР.

Органы прокуратуры Литовской ССР добились некоторого улучшения в следственной работе по устранению фактов волокиты и сокращению сроков расследования. Однако качество расследования остается низким. Особо неудовлетворительна работа следователей по возмещению ущерба по делам о хищениях государственного и общественного имущества.

Хотя в основном все следователи обучены применению научно-технических средств, сосредоточенных в следственном чемодане, лишь немногие из следователей применяют их в своей повседневной работе.

Обмен опытом на проведенной в этом году республиканской научно-методической конференции показал, что ряд следователей значительно повысил свое следственное мастерство, показывает хорошие образцы умело проведенного следствия. Народный следователь прокуратуры Мажейкяйского района т. Лепене на протяжении 1952 года не имела ни одного прекращенного дела в стадии предварительного следствия, ни одного дела, возвращенного судом на доследование. По делам, законченным расследованием т. Лепене, не выносилось оправдательных приговоров. Ряд дел был ею возбужден по собственной инициативе. Этих успехов т. Лепене добилась в результате того, что она планирует свою работу, работает по участковой системе и хорошо изучила свой участок, поддерживает деловую связь с органами милиции. Тов. Лепене всегда знает, какие дела находятся в производстве милиции, и активно включается в расследование по тем делам, которые в порядке ст. 108 УПК должны поступить к ней в производство. Тов. Лепене повседневно поддерживает тесную связь с контрольно-ревизионными органами. Она своевременно обеспечивает возмещение ущерба государству. Тов. Лепене — активная общественница, часто выступает с докладами о социалистической законности перед населением, а в связи с этим получает от населения сигналы о совершаемых преступлениях и нарушениях законности. Тов. Лепене выдвинута прокуратурой республики на руководящую работу.

Серьезных успехов добились в своей работе также народные следователи Шилутского района т. Станкус, Дзержинского района г. Вильнус т. Шулус, Юрбаркского района т. Лукошус и ряд других следователей.

Следственный отдел прокуратуры республики несколько улучшил организацию своей работы, однако слабо изучает работу народных и старших следователей, не добился того, чтобы примеры хорошей работы лучших следователей широко популяризировались среди всех сле-

дователей, не добился такого положения, чтобы большинство следователей работали хорошо. Недостаточно оказывается отделом методическая помощь молодым следователям. К устранению этих серьезных недостатков сейчас принимаются необходимые меры.

Решающее значение в борьбе за укрепление социалистической законности в республике по линии органов прокуратуры имеет работа с кадрами. Республиканская прокуратура за последние годы проделала некоторую работу по улучшению работы с кадрами. Из числа литовцев-юристов на руководящую работу выдвинут 71 человек; хорошо показали себя на работе выдвинутые на руководящую работу гг. Галинайтис, Кириенко, Таркаускас и др. За 1952—1953 гг. прокуратурой был организован ряд учебно-методических семинаров и конференций. В отделах прокуратуры республики и в аппаратах прокуратур областей прошло стажирование несколько десятков работников. На Московских, Харьковских и Ленинградских курсах Прокуратуры СССР прошли переподготовку немало прокурорско-следственных работников литовцев. Многие заочно учатся в ВЮЗИ и в средней юридической школе. В аппарате прокуратуры республики систематически проводятся лекции на юридические и политические темы.

Слабо и недостаточно проводится работа по воспитанию молодых прокурорско-следственных кадров, в результате чего еще велика текучесть кадров, все еще имеют место аморальные поступки отдельных прокурорско-следственных работников. В настоящее время, когда на руководящую работу выдвинуто много молодых и недостаточно опытных работников, этот участок работы приобретает еще более важное значение. Усиление воспитательной работы, оказание помощи в работе выдвинутым работникам, улучшение работы с резервом и по стажированию выдвинутых работников — все это неотложные и важнейшие задачи, стоящие перед прокуратурой республики.

Совершенно недостаточно прокурорско-следственные работники ведут пропаганду и разъяснение советских законов перед населением. В этом прежде всего повинна прокуратура республики, работники которой также редко выступают с докладами на юридические темы перед населением. Пропаганда советского законодательства должна стать важнейшей обязанностью каждого работника органов прокуратуры.

Органам прокуратуры Литовской ССР за последнее время очень слабо оказывается помощь со стороны отделов и управлений Прокуратуры СССР. Выезды в Литовскую ССР для оказания помощи очень редки.

Серьезные претензии работники органов прокуратуры Литовской ССР имеют и к редакции журнала «Социалистическая законность». Нам представляется важным, чтобы советские ученые-юристы и редакция журнала в первую очередь занимались освещением на страницах журнала того, как решаются задачи укрепления социалистической законности на современном этапе охраны прав граждан. Если журнал и помещает иногда статьи, имеющие серьезное практическое значение для работников юстиции, то раздел, касающийся работы органов прокуратуры, ведется редакцией плохо. Редакция журнала очень слабо освещает работу большой армии работников прокуратуры, она почти не помещала статей руководящих работников прокуратур союзных республик, краев и областей и, что совершенно недопустимо, крайне слабо отражала практику работы основного прокурорского звена — районных прокуратур. Это происходит потому, что редакция оторвалась от практических работников органов прокуратуры, да в значительной степени и от судебных работников (в течение последних лет, например, в прибалтийских республиках не было проведено ни одной читательской конференции).

Мне кажется также совершенно неправильным такое положение, когда на страницах журнала не критикуются недостатки в работе центральных аппаратов союзного масштаба, а критика других органов проводится главным образом «сверху», в статьях руководящих работников этих аппаратов. Такое положение превращает журнал в некое дополнение приказов, директив и циркуляров, которые и без того в достаточном количестве направляются в периферийные органы.

Между тем в работе центральных аппаратов Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР имеется немало бюрократических извращений и недостатков, которые не только можно, но и должно критиковать. В качестве примера сошлемся хотя бы на то обстоятельство, что за последние годы в Прокуратуре СССР не созывалось ни одного совещания прокуроров республик, краев и областей, важнейшие приказы и директивы издаются без всякого совета с периферийными работниками. Недостатки в работе центрального аппарата Прокуратуры СССР, отмеченные на последнем Всесоюзном совещании руководящих работников органов прокуратуры в 1948 году, устраняются слабо и т. д.

Такое положение, конечно, совершенно нетерпимо. Редакция должна была после решений XIX съезда партии развернуть широкую критику недостатков в работе научных юридических учреждений и в органах прокуратуры и суда на основе широкого привлечения авторского актива из научных работников и работников-практиков.

Практическим работникам органов прокуратуры, в частности работникам советских прибалтийских республик, было бы ценным почерпнуть богатый опыт работы органов прокуратуры и суда Российской Федерации, Украинской ССР и Белорусской ССР, учесть их недостатки, однако на страницах журнала давно уже не выступали ни прокуроры этих республик, ни другие руководящие работники, и опыт их работы не освещался.

Было бы ценным, чтобы редакция организовала действенную связь работников юридической науки и практики на страницах журнала, однако этого не делается.

Руководители Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР должны принять меры к устранению серьезных недостатков в работе журнала «Социалистическая законность» и в кратчайший срок перестроить его работу.

Практические работники хотели бы видеть наш журнал живо и остро освещающим вопросы юридической теории и практики в свете решений XIX съезда КПСС и труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», широко практикующим обмен опытом работы, неустанно развертывающим критику недостатков работников юридической науки, органов суда и прокуратуры, в первую очередь критику снизу. Чем скорее это будет сделано, тем успешнее будут воспитываться и наши юридические кадры.

Журнал «Социалистическая законность» должен мобилизовать наши кадры, и научные и практические, на скорейшее осуществление великого плана построения коммунистического общества, на повышение политической бдительности всех наших работников, должен поднимать их политический уровень.

РОЛЬ МОТИВИРОВКИ ПРИГОВОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИХ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ

(Из практики Верховного суда СССР)

Кандидат юридических наук Я. Мотовиловкер

Советский суд является одним из важнейших органов Советского государства — органом, осуществляющим социалистическое правосудие. Социалистическое правосудие есть одна из форм государственной деятельности.

Суд социалистического государства — не только орган государственного принуждения, но и орган воспитания. Всей своей деятельностью суд воспитывает советских граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма.

Воспитательную задачу суд осуществляет и в ходе всего судебного процесса. Но особенно велико воспитательное и общественно-политическое значение судебного приговора, вынесение которого является важнейшей частью судебного процесса.

Приговор подводит итоги рассмотрению дела в суде, представляя собой решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого (п. 9 ст. 23 УПК РСФСР). Постановленный с соблюдением закона и в соответствии с высокими принципами коммунистической морали, приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка.

Для успешного выполнения таких грандиозных задач недостаточно, чтобы приговор был правилен сам по себе. Необходимо, кроме того, чтобы приговор был убедительным, создавал в обществе уверенность в безусловной правильности выраженного в нем судебного решения.

Вопрос об умении убедить массы в правильности тех выводов, к которым приходит суд, занимает особое место в осуществлении советским судом воспитательной задачи. «Советский суд, — пишет акад. А. Я. Вышинский, — должен прежде всего уметь убедить, доказать, подчинить общественное внимание своему моральному влиянию и авторитету. Убедить массы в правильности своих решений, направленных против вражеских остатков эксплуататорских классов и их агентуры, против кучки недисциплинированных и разложившихся людей из своего собственного класса, — это исключительно важная общественно-политическая задача» («Теория судебных доказательств в советском праве», 1950, стр. 26). Этой цели в первую очередь и главным образом служит мотивировка приговора, в которой судом дается оценка всем имеющимся доказательствам и обосновываются конечные выводы из всей совокупности доказательств по вопросам о виновности или невиновности подсудимого, квалификации преступления и назначении меры наказания.

Мотивировка приговора повышает ответственность судей за выносимый приговор, предупреждает формальное отношение при решении столь важного вопроса о виновности или невиновности подсудимого. Она обеспечивает осуществление требования ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» о производстве судьями оценки имеющихся в деле доказательств по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Для подсудимого требование подробной мотивировки приговора означает обеспеченную возможность узнать в случае отклонения выдвинутых им доказательств, соображений или доводов, что именно и почему послужило основанием к их отклонению. Охрана законных интересов обвиняемого состоит в обязанности выяснения и оценки судом всех обстоятельств, опровергающих обвинение или смягчающих ответственность подсудимого. Требование мотивировки приговора, таким образом, является существенной гарантией осуществления права обвиняемого на защиту.

Мотивировка приговора является, кроме того, одним из необходимых условий осуществления права на его обжалование.

Для вышестоящего суда требование приведения мотивов в приговоре означает возможность проверки правильности внутреннего убеждения судей первой инстанции, которое при отсутствии мотивов оказалось бы безотчетным, не поддающимся контролю вышестоящего суда.

Из сказанного видно, насколько значительны роль и значение мотивировки приговора, служащей в одно и то же время и гарантией убеждения масс в правильности судебного решения, и гарантией обеспечения права обвиняемого на защиту, и гарантией действенной проверки обоснованности приговора вышестоящим судом.

Значение судебного приговора и судебного решения, пишет А. Я. Вышинский, определяется «не столько избранной судом мерой наказания или предметом гражданского спора, сколько силой судебской аргументации, силой положенных в основу приговора или решения доводов, иначе говоря, обоснованностью и убедительностью изложенных в приговоре (или решении) доказательств» («Теория судебных доказательств в советском праве», 1950, стр. 27).

Целесообразность и необходимость мотивировки приговора, следовательно, вне всякого сомнения. Поэтому, хотя требование указания мотивов приговора и выпало из редакции УПК РСФСР 1923 года (такое требование содержалось в ст. 338 УПК РСФСР редакции 1922 года и содержится в УПК других союзных республик, например, Украинской ССР, Узбекской ССР), оно действует сейчас и действовало и до принятия Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик.

На необходимость приведения мотивов приговора указал, например, 47-й Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 7 июня 1934 г., в котором констатировалось, что «очень часто объективное изложение установленных судом данных подменяется декларациями и отвлеченными рассуждениями на общеполитические темы; никаких доказательств действительного совершения подсудимыми приписываемых им преступлений не приводится» («Сборник постановлений и разъяснений Верховного суда СССР», 1936, стр. 47).

С принятием Закона о судостроительстве, ст. 15 которого обязывает вышестоящие суды проверять не только законность, но и обоснованность приговора, необходимость мотивировки приговора становится еще более очевидной; мотивировка является единственным средством, обеспечивающим вышестоящему суду возможность проверки обоснованности приговора, основанного на внутреннем убеждении судей.

С особой силой категорически подчеркнута требование тщательной мотивировки судебных приговоров в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре». В нем, кроме того, содержится ряд ценных указаний о характере, предмете и содержании тех мотивов, которые должны быть приведены судом при решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого.

Указания постановления Пленума «О судебном приговоре» относительно мотивировки приговора сводятся к следующему.

1) Поскольку приговор есть решение о виновности или невиновности подсудимого, то мотивированный приговор должен содержать изложение доводов, положенных судом в основу своего решения, т. е. изложение тех суждений, которые привели суд первой инстанции к выводу о фактических обстоятельствах дела. Поэтому ни в какой степени не удовлетворяет требованиям закона одна общая ссылка приговора на то, что «вина подсудимого подтверждается материалами дела». Ничего в этом вопросе не меняют ни дополнительная ссылка на тот или иной вид доказательств (например, указание приговора, что «вина подсудимого подтверждается показанием свидетелей»), ни ссылка на фамилии свидетелей и на листы дела, ни даже пересказ показаний свидетелей при отсутствии во всех подобных случаях анализа доказательств и указания мотивов, которые привели суд к тому или иному решению.

«Общая ссылка суда в приговоре на листы дела без анализа доказательств и без приведения мотивов, — говорится в определении Воднотранспортной коллегии Верховного суда СССР от 11 октября 1950 г. по делу Попова и других, — лишает приговор силы убедительности («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 28).

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 мая 1952 г. говорится: «Суд... сослался в приговоре на показания свидетелей Б., З., Г., не указав, какие именно показания этих свидетелей и в какой части подтверждают виновность К. или Е.» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 7).

2) Доводы суда в его решении должны быть основаны на имеющихся в деле доказательственных материалах, рассмотренных в судебном заседании. Оценка доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. При этом мотивировка приговора (или определения) должна быть логически последовательной, не содержать внутренних противоречий. Всякого рода логические ошибки, противоречия между доказательственным материалом и фактами, указанными в приговоре, между резолютивной и мотивировочной частью приговора делают мотивировку порочной и могут служить поводом к отмене или изменению приговора (определения).

Так, например, суд признал установленным, что «У. совершила убийство спавшей И. в состоянии внезапного сильного душевного волнения, возникшего у У. вследствие оскорблений и угроз, которые ей нанесли И. и ее гость». Внутреннее противоречие приговора заключается в том, что поскольку У. убила И., когда последняя после ухода гостя легла спать и заснула, следовательно, убийство совершено через определенный промежуток времени от момента нанесения У. угроз и оскорблений; суд же исходил из момента внезапности как необходимого признака, определяющего связь между психическим состоянием, в котором совершилось убийство, и теми факторами, которые вызвали это состояние. Непоследовательность приговора вытекала в данном случае из неправильного изложения установленных судом обстоятельств («Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. V, стр. 15, определение от 1 апреля 1944 г.).

Неправильность вывода суда из правильно установленного факта проистекает иногда из того, что суд исходит из необоснованных предположений при оценке установленных фактов.

Так Сахалинец был признан виновным в том, что похитил хранившиеся на территории пристани хурму и рис. В качестве одного из мотивов приговора значилось, что Сахалинец по своей работе слесаря-транспортника имел непосредственное отношение к грузам на 19—20-й при-

стани, в складах которой хранились, между прочим, рис и хурма. Указав, что данное обстоятельство не служит еще доказательством обвинения в хищении, Пленум Верховного суда СССР следующим образом определил порочность сделанного вывода о виновности Сахалянца: «Вывод этот, — указал Пленум, — исходит из совершенно неправильной и необоснованной предпосылки, что всякое лицо, причастное по роду работы к тем или иным материальным ценностям, дает всегда повод заподозрить себя в хищении или покушении на хищение этих ценностей» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. I, стр. 13).

Верховный суд СССР последовательно придерживается требования ст. 23 «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик», согласно которой суд должен основывать свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании.

Поверхностное проведение судебного следствия, без проверки доказательств, собранных на предварительном следствии, следовательно, с нарушением принципов устности и непосредственности уголовного процесса, исключает возможность вынесения обоснованного приговора.

Подобное нарушение, допущенное судом первой инстанции, может быть исправлено вышестоящим судом, — действующим не в условиях устности и непосредственности и не имеющим в своем составе народных заседателей, — не иначе, как путем отмены данного приговора с направлением дела на новое рассмотрение.

В такой же мере лишены убедительной силы мотивы приговора, основанного не на доказательствах, а на предположениях.

Отменяя приговор по делу Марутова, признанного судом виновным в хищении бязи при отсутствии уличающих доказательств, Судебная коллегия Верховного суда СССР указала: «Вывод суда о виновности Марутова в хищении бязи основан не на доказательствах, а на предположении о том, что «бязь эту, кроме подсудимого Марутова, похитить никто не мог» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 10).

Приговор не может быть основан на умозаключении, вытекающем из фактов, которые могут служить обоснованием и для других версий, исключаяющих виновность подсудимого. При отсутствии других данных, подтверждающих это умозаключение, последнее не может быть положено в основу обвинения, поскольку вывод суда о виновности остается в таких случаях только вероятным, предположительным. Тем более необоснованным должен быть признан приговор в случае приведения в мотивировочной части в качестве улик фактов, которые имели место или могли иметь место по обстоятельствам, опровергающим или не подтверждающим версию обвинения.

Тесно к этому примыкают случаи необоснованности приговора ввиду недостаточности доказательств, положенных в основу обвинительного приговора. Так, например, одним фактом неоформления или ненадлежащего оформления произведенных расходов нельзя мотивировать обвинение в хищении при отсутствии данных, устанавливающих факты изъятия и присвоения имущества. При отсутствии в деле других объективных данных о виновности подсудимого в разбойном нападении Верховный суд СССР признал необоснованным обвинение Кулиева, основанное лишь на заявлении потерпевшей, что она по росту и голосу опознала в одном из грабителей осужденного Кулиева. «Одна же улика, — указывает Верховный суд, — опознание по росту и голосу — не могла служить достаточным основанием для осуждения Кулиева» («Ученые труды ВИЮН» 1946 г., вып. VIII, стр. 225).

В других случаях суды неосновательно мотивируют доказанность

вины подсудимого одним лишь его признанием, несмотря на то, что оно как по своему содержанию, так и по отношению к обстоятельствам дела не может рассматриваться как бесспорное доказательство виновности осужденного. Суды не учитывают, что, хотя признание обвиняемого является одним из видов доказательств, никакого изъятия из общих правил допуска, проверки и оценки доказательств закон для признания не делает и признание может лечь в основу приговора только в соответствии со всеми обстоятельствами дела в их совокупности.

В такой же мере порочной является мотивировка приговора, основанная исключительно на оговоре другого обвиняемого, не подкрепленном другими вескими данными.

В отдельных случаях суды при недостаточности улик прибегают в подтверждение версии о виновности подсудимого к недопустимому мотиву о том, что «обвиняемый веских доказательств в свое оправдание не представил». О подобном мотиве Верховный суд СССР говорит следующее: «... суд в подтверждение виновности Кузнецова привел мотив, который совершенно извращает положение обвиняемого в процессе. Следственные органы и суд должны собрать доказательства виновности обвиняемого, а не обвиняемый должен представлять суду доказательства своей невиновности» («Ученые труды ВИЮН» 1946 г., вып. VIII, стр. 229).

3) Доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, должны быть указаны конкретно, «с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства» (постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре». Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства, «суд должен в приговоре указать, почему именно эти доказательства им отвергнуты» (там же).

При вынесении обвинительного приговора должно быть, следовательно, указано, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие оправдывающие его доказательства. Точно так же оправдательный приговор должен содержать убедительные мотивы, в силу которых суд считает опровергнутыми выводы обвинительного заключения и указанные в нем доказательства, на которых оно основано.

Одна ссылка в мотивах приговора на то, что доводы подсудимого не могут быть положены в основу приговора, поскольку они противоречат, например, показаниям потерпевших по делу, ни в какой степени не может быть признана убедительной, так как подобный метод оценки доказательств, исходящий из предпосылки о заранее якобы предустановленном преимуществе одних доказательств перед другими, противоречит принципу ст. 319 УПК РСФСР.

«Суд признал не заслуживающими доверия все доказательства обоснованности доводов подсудимых, — указывает Судебная коллегия Верховного суда СССР в своем определении от 13 июня 1951 г., — только потому, что они противоречат показаниям потерпевших. Такой метод оценки доказательств противоречит ст. 316 УПК Азербайджанской ССР» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 9, стр. 20).

С другой стороны, в такой же мере неубедительно поспешное опорочивание в приговоре или определении показаний свидетелей со ссылкой на неприязненные отношения свидетелей с подсудимыми, без проверки причин, вызвавших такие отношения, или со ссылкой на предположительный или неконкретный характер свидетельских показаний без указания, в чем именно заключается неконкретность этих показаний.

Вывод суда о том, что одни показания внушают более доверия, чем другие, не может быть обоснован одной ссылкой в мотивах на свою внутреннюю убежденность в том без указания, почему именно суд пришел к такому выводу.

Исходя из смысла ст. 285 УПК РСФСР, предписывающей свидетелю избегать «изложения сведений, источник которых им не может быть указан», должен быть признан необоснованным приговор, основанный на показаниях, не поддающихся проверке вследствие невыясненности или неизвестности источника, из которого свидетель получил сообщаемые ими сведения (например, когда свидетели показывают, что сообщаемые ими сведения известны им от третьих лиц, не показав при этом, где, когда и от кого они слышали сообщаемые ими сведения).

4) В приговоре должны быть приведены мотивы, на основании которых суд пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого подсудимого. Указание в приговоре, в чем именно и на основании чего признан каждый из подсудимых виновным, представляется тем более необходимым при обвинении нескольких подсудимых по различным эпизодам обвинения.

5) Приговор должен содержать юридическое обоснование. Суду необходимо обратить особое внимание на квалификацию преступления, указывая в приговоре «мотивы применения соответствующей статьи Уголовного кодекса или иного уголовного закона» (постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебном приговоре»).

Наличие неправильного юридического обоснования или отсутствие его является нередким недостатком приговоров. Так Архангельский областной суд, применяя к подсудимому Зимину принцип сложения наказания, совершенно необоснованно мотивировал свое решение неоднократной судимостью Зимина в прошлом и его недисциплинированностью в лагере. Такая мотивировка, естественно, не могла быть признана правильной, так как в качестве мотивов суд привлек обстоятельства, которые по действующему закону не имеют никакого значения для решения вопроса о поглощении или сложении наказания (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1943 г., вып. VI, стр. 18).

Ошибочные мотивы приводят часто к ошибочной квалификации действий подсудимого.

6) Отступая от требований санкции, установленной законом за данное преступление, или применяя условное осуждение, суд должен привести в приговоре мотивы назначения такого наказания. Судебное решение о назначении наказания ниже низшего предела, указанного в законе, или о применении условного наказания не может ограничиться общей ссылкой на степень общественной опасности подсудимого, а должно содержать изложение тех обстоятельств, которые, по мнению суда, снижают степень этой опасности, и тех мотивов, которые привели суд к выводу о том, что степень опасности подсудимого не требует обязательной его изоляции.

На вопрос, вступают ли мотивы приговора в законную силу и подлежат ли они обжалованию, следует дать положительный ответ. «При вынесении оправдательного приговора, — говорится в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 22 мая 1941 г., — гражданский истец может подавать жалобу только в отношении той части приговора, которая касается решения суда о судьбе гражданского иска, не затрагивая вопроса об отмене оправдательного приговора. В частности, такая жалоба может касаться мотивов приговора, влияющих на судьбу иска...» («Сборник действующих постановлений Пленума Верховного суда СССР», 1946, стр. 94—95).

Бесспорно, что подобную жалобу на мотивы оправдательного приговора вправе принести и подсудимый, если приведенные в приговоре мотивы в той или иной части нарушают его интересы. Так, оправдательный приговор за недоказанностью самого события преступления или за недо-

статочностью улик для обвинения подсудимого, как известно, означает освобождение подсудимого не только от уголовной ответственности, но и от обязанности возместить ущерб, понесенный потерпевшим. Оправдательный же приговор по мотивам отсутствия в действиях обвиняемого, причинившего ущерб потерпевшему, состава преступления не лишает потерпевшего возможности предъявления к оправданному в порядке гражданского судопроизводства иска о возмещении вреда, причиненного действиями оправданного. Следовательно, мотивы оправдательного приговора могут оказаться далеко не безразличными для подсудимого. Стало быть, неправильным было бы лишить подсудимого права обжалования оправдательного приговора ввиду несостоятельности мотивов последнего.

Приведенные выше соображения о значении и роли мотивировки приговора относятся в полной мере и к мотивировке определений вышестоящих судов, в частности, к мотивировке определений кассационной инстанции. Требование мотивировки таких определений предупреждает формальное отношение к вопросу о проверке законности и обоснованности обжалованного (опротестованного) приговора. Тщательная мотивировка определения повышает качество работы вышестоящих судов и придает определению убедительность силой своей судебской аргументации.

В своем директивном письме от 17 августа 1935 г. № 41 Верховный суд СССР указал, что «отсутствие или недостаточность, неполнота мотивировки при оставлении приговоров в силе понижает ответственность за выносимые определения и способствует формальному отношению к рассмотрению дел. Кроме того, такая практика противоречит принципам советского суда, поскольку подавший кассационную жалобу должен и имеет право знать мотивы, послужившие основанием к отклонению доводов, приведенных в кассационной жалобе. Отсутствие или неполнота мотивировки определений об отмене приговора затрудняет работу судов первой инстанции, которым направлено дело на новое рассмотрение, поскольку они подчас лишаются возможности понять, в чем сущность недостатков приговоров и что ими должно быть конкретно сделано для исправления этих недостатков» («Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», 1946, стр. 92).

Независимо от содержания кассационного определения мотивировочная его часть дает возможность вышестоящим судам выполнить свое назначение по повышению качества судебной работы и квалификации судебных работников.

На эту сторону вопроса обратил внимание Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 28 октября 1935 г.: «Определения суда высшей инстанции должны не только служить ответом сторонам по данному делу, но и являться источником инструктивных указаний для суда первой инстанции» («Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», 1946, стр. 187). В постановлении 47-го Пленума Верховного суда СССР указывалось, что ввиду инструктивного значения для судебной практики определений кассационных и надзорных инстанций и персональной ответственности судей этих инстанций за выносимые ими определения абсолютно недопустимы безмотивные определения этих инстанций (ст. 421 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) («Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», 1946, стр. 116). Необходимость тщательной мотивировки кассационных определений была с особенной силой подчеркнута в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря

1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке».

Характер мотивов определений зависит от того, оставлен ли в силе, отменен или изменен обжалованный (опротестованный) приговор.

1) В случае оставления приговора в силе вышестоящий суд не может ограничиться общей трафаретной ссылкой, что приговор соответствует материалам дела, а должен обязательно указать, какими конкретными данными опровергаются доводы жалобы или протеста. Вышестоящий суд обязан дать оценку и представленным сторонами дополнительным материалам, обосновывающим и подкрепляющим доводы данной стороны.

2) В случае отмены приговора за неисследованностью обстоятельств дела и направления его на новое рассмотрение с той или иной стадии в определении должны быть приведены и конкретизированы те обстоятельства, которые нуждаются в дополнительном выяснении.

3) Отменяя или изменяя приговор, вышестоящий суд должен указать, чем опровергаются мотивы, положенные судом в основу приговора, какие законы нарушены и в чем заключается их нарушение.

4) В случае снижения наказания суд должен привести мотивы, дающие основание для такого снижения. Равным образом, отвергая ссылку суда первой инстанции на смягчающие обстоятельства, вышестоящий суд обязан указать мотивы, по которым эти обстоятельства не могут считаться смягчающими.

Передавая дело на новое рассмотрение, суды в своих определениях не вправе предрешать вопрос о доказанности обвинения или давать указания суду первой инстанции, какие доказательства должны быть судом приняты и какие отвергнуты. Такие указания вышестоящего суда противоречили бы основному принципу советского уголовного процесса, согласно которому приговор выносится на основе оценки доказательств судом по своему внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Этим, в частности, объясняется правило, согласно которому, признав неправильным наказание, назначенное по приговору, и считая необходимым передать по этим основаниям дело на новое рассмотрение, вышестоящий суд должен отменить приговор в целом, а не только в части назначенного наказания.

Следовательно, считая, например, необоснованным оправдательный приговор, вышестоящий суд не может противопоставить приговору мотивированное утверждение о доказанности обвинения.

В определении Верховного суда РСФСР (по делу Ненашева и Филатовой), которым приговор был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение, указывалось, что присвоение государственных средств осужденными Ненашевым и Филатовой путем составления фиктивных документов на произведенные работы доказано материалами дела. В своем определении от 9 декабря 1950 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отметила: «Таким образом, в нарушение ст. 320 УПК РСФСР Верховный суд в своем определении предрешал вопрос о доказанности обвинения, что могло быть установлено только приговором по делу» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 8).

На неправильность и незаконность мотивировки другого определения судебной коллегии Верховного суда РСФСР по этим же основаниям указал Верховный суд СССР в своем определении по делу Чеснокова. Оправдательный приговор по этому делу был отменен определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР с указанием суду, «что при

новом рассмотрении дела в основу приговора следует положить показания свидетелей Мартынова и Риттера, не доверять которым у суда не было никаких оснований».

«Советский закон, — указывает по этому поводу Верховный суд СССР, — не дает суду второй инстанции права предопределять, каким свидетелям суд первой инстанции должен при рассмотрении дела по существу верить и каким не верить» (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 2 марта 1940 г., «Ученые труды ВЮОН» 1946 г., вып. VIII, стр. 217—218).

Таким образом, для прокуратуры, органов расследования и суда обязательно при новом рассмотрении дела лишь указание вышестоящего суда на допущенные и подлежащие устранению нарушения закона, на следственные действия, которые должны быть произведены, на обстоятельства, которые должны быть выяснены и исследованы, на путь оценки доказательств в целях получения правильных конечных выводов по существу дела. Но определение вышестоящего суда не может предрешать выводов суда, вновь рассматривающего дело по существу, о виновности или невиновности подсудимого.

Для обеспечения законности и обоснованности приговора особенно важна правильная его мотивировка.

Постоянное совершенствование и улучшение работы судов в части, касающейся мотивировки их приговоров и определений, представляет собой одно из важнейших звеньев в цепи мероприятий, направленных на улучшение всей судебной работы по уголовным делам в целом.

недостатков или нарушений в их деятельности, установленных при рассмотрении уголовного дела в суде первой или второй инстанции. Такого же рода частные определения выносятся при рассмотрении дела в порядке судебного надзора. Пленум Верховного суда СССР выносит в таких случаях частное постановление¹.

Частные определения подобного рода чаще всего выносятся судами второй инстанции, ибо самый характер работы судов второй инстанции дает для таких определений более обширный материал.

О вынесении таких определений при кассационном рассмотрении дела в адрес судов первой инстанции упоминается и в действующем УПК РСФСР (ст. ст. 419, 439).

Судебная практика широко использует порядок вынесения частных определений в целях содействия устранению недостатков и недочетов в работе судебных и следственно-прокурорских органов. По этому вопросу имеются руководящие указания Пленума Верховного суда СССР. В постановлении Пленума от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре» указано, что в тех случаях, когда допущенные нарушения не требуют отмены приговора, вышестоящие суды обязаны в частных определениях указать судам на допущенные ими нарушения². Еще более развернутые предписания содержатся в руководящем указании Пленума от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке». Пленум, указывая, что вышестоящие суды должны повысить требовательность к судам первой инстанции в отношении строгого соблюдения социалистической законности при рассмотрении дел, предписывает вышестоящим судам частными определениями указывать суду на допущенные им нарушения, в случае же необоснованного осуждения или необоснованного оправдания вследствие невнимательного и небрежного отношения к рассмотрению дела вышестоящие суды, кроме того, отменяя приговоры, должны в случаях необходимости сообщать об этом соответствующим органам для решения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности³.

Частные определения могут выноситься судом второй инстанции как в случае отмены приговора по рассматриваемому делу, так и в случае, когда приговор оставляется в силе. Вынесение судом частного определения наряду с определением об отмене приговора имеет своей задачей привлечь внимание суда к допущенным им ошибкам и нарушениям, не говоря уже о тех случаях, когда необходимо сообщить соответствующим органам для решения вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности. При оставлении приговора в силе частное определение, одновременно выносимое судом второй инстанции, имеет задачей указать суду на те нарушения и упущения, которые не повлекли за собою отмену приговора по данному делу, но на недопустимость которых на будущее время следует обратить внимание суда.

Частное определение о допущенных нарушениях обычно не обязывает суд или органы прокуратуры и расследования к выполнению каких-либо действий по данному делу. Их назначение в том, чтобы предупредить возможность повторения допущенных ошибок. Например, в частном определении может быть указано, что не был наложен арест на имущество или не была применена мера пресечения в виде заключения под

¹ Пленум Верховного суда СССР при рассмотрении гражданского дела Ц. и С. вынес частное постановление, в котором отметил формально-бюрократический подход к решению дела и допущенное извращение в применении советского закона («Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 5, стр. 12).

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 9, стр. 4.

³ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 4—5.

стражу. Эти частные определения обязательны как для суда, так и для органов прокуратуры и расследования (ст. ст. 423 и 439 УПК РСФСР).

Суд при рассмотрении дела может столкнуться с такими неправильными действиями отдельных лиц, которые должны повлечь за собой дисциплинарное или административное взыскание. В этих случаях суд выносит частное определение в адрес соответствующих организаций или учреждений о допущенных работниками этих учреждений или организаций действиях для возбуждения дисциплинарного преследования.

Сохраняет полную силу разъяснение Верховного суда РСФСР от 20 ноября 1929 г., что при прекращении судебными и следственными органами дела о должностном преступлении по прим. 1 к ст. 112 УК РСФСР и направлении его для наложения взыскания в порядке подчиненности администрация соответствующего учреждения не связана предложением судебного и следственного органа и решает вопрос о наложении взыскания по своему усмотрению в зависимости от обстоятельств рассматриваемого случая¹.

Может ли быть обжаловано или опротестовано частное определение, вынесенное для возбуждения дисциплинарного преследования? Этот вопрос должен быть, на наш взгляд, разрешен следующим образом. Частное определение, вынесенное судом первой инстанции, может быть обжаловано или опротестовано в кассационном порядке путем принесения частной жалобы или частного протеста. Хотя это частное определение и не имеет обязательной силы и не предрешает вопроса о наложении дисциплинарного взыскания, но, поскольку для лица, в отношении которого оно вынесено, оно, несомненно, имеет определенное юридическое и моральное значение, то можно полагать, что это лицо может принести частную жалобу на незаконность или необоснованность частного определения суда.

Подлинный демократизм нашего уголовного процесса выражается, в частности, в широком праве на обжалование, предоставленном заинтересованным лицам. Статья 15 Закона о судеустройстве и постановление Пленума Верховного суда СССР от 3 июля 1940 г. отчетливо устанавливают правило, что могут быть обжалованы все приговоры, решения и определения судов, за исключением тех, по которым закон прямо устанавливает недопустимость обжалования. В отношении разбираемых нами частных определений нет запрета на их обжалование. В УПК РСФСР ограничения на обжалование некоторых определений суда установлены ст. ст. 237, 347, 348.

Судебной практике известны случаи обжалования определений, вынесенных судом о возбуждении дисциплинарного преследования в отношении адвокатов. Один из народных судов г. Саратова при рассмотрении дела по ст. ст. 19 и 118 УК РСФСР вынес в отношении участвовавшего в деле в качестве защитника адвоката Т. частное определение о возбуждении дисциплинарного преследования за то, что адвокат Т. отрицал виновность своего подзащитного, несмотря на бесспорность уличающих его доказательств, и что, взяв под сомнение правдивость и достоверность показаний свидетеля, установившего, что подсудимый пытался передать ему взятку, тем самым дискредитировал этого свидетеля. На это частное определение адвокат Т. принес частную жалобу, которая областным судом была оставлена без удовлетворения.

Поскольку частное определение может быть вынесено не только в отношении участвующих в деле сторон (прокурор, адвокат), но и других лиц, то, на наш взгляд, право на подачу частной жалобы должно

¹ См. «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», изд. 4-е, 1935, стр. 279.

быть признано за каждым заинтересованным лицом, которого частное определение непосредственно затрагивает, права которого нарушены или стеснены этим определением.

Большое значение имеют частные определения суда, сигнализирующие о хозяйственных, организационных или иных недостатках.

Уголовно-процессуальному кодексу такие частные определения не известны, хотя они широко распространены в судебной практике.

О частных определениях суда сигнализационного характера упоминается в постановлении Президиума Верховного суда РСФСР от 20 июня 1932 г., в котором судам было предложено широко развить практику вынесения частных определений по разобранным делам, сигнализируя о всех случаях выявленных недочетов и неполадок в государственных, кооперативных и общественных организациях¹. В руководящем постановлении 47-го Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1934 г. записано: «При разборе каждого дела необходимо не только устанавливать ответственность тех или иных лиц, но выявлять те хозяйственные и организационные дефекты и недочеты, которые создают обстановку, благоприятствующую преступности. По поводу выявленных дефектов и недочетов необходимо выносить особые определения, направляемые соответствующим партийным и советским органам, и периодически проверять результаты такой сигнализации»². На этом же вопросе остановился Пленум Верховного суда СССР в своем руководящем постановлении от 29 января 1942 г.³.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что частные определения сигнализационного характера выносятся непосредственно и коллегиями Верховного суда СССР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР при рассмотрении дела Шаульского вынесла частное определение, в котором указала, что возможность совершения подлогов в значительной степени была облегчена существующей системой внесения денег в отделения Госбанка. Опубликование определения по указанному делу сопровождалось следующим указанием: «По сообщению Госбанка СССР, Правление Госбанка учло это частное определение и внесло соответствующие изменения в систему внесения денег в отделения Госбанка»⁴. Железнодорожная коллегия Верховного суда СССР при рассмотрении 25 марта 1950 г. дела Ванеева вынесла частное определение о недостатках в работе Главнефтебюта. Публикуя это определение, «Судебная практика Верховного суда СССР» предпослала ему следующий заголовок: «Установив при рассмотрении дела обстоятельства, свидетельствующие о недостатках в работе того или иного учреждения или предприятия, суд частным определением обязан довести об этом до сведения вышестоящих органов»⁵.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР 25 июля 1951 г. по делу Найденова вынесла частное определение, которым довела до сведения Министра речного флота СССР о ненормальных условиях работы, которые были созданы капитану буксирного теплохода администрацией порта и Верхне-Днепровским речным пароходством⁶.

¹ См. «Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР», изд. 4-е, 1935, стр. 339.

² «Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг.», 1946, стр. 115—116.

³ См. Там же, стр. 132.

⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 4, стр. 28—29.

⁵ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 19.

⁶ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 10.

Материалы, публикуемые в нашей литературе, свидетельствуют о том, что суды широко используют частные определения в целях борьбы за укрепление социалистической законности, борьбы с преступностью, защиты прав и законных интересов советских граждан¹. Но в указанных материалах нет указаний на вынесение определений, сигнализирующих о недостатках в культурно-воспитательной работе. Между тем частные определения и в этом вопросе могут иметь очень большое значение. Мы можем привести случай из практики Саратовского областного суда: при рассмотрении дела, по которому в числе подсудимых, обвинявшихся в тяжелых преступлениях (разбой, изнасилование), было несколько студентов, суд одновременно с вынесением приговора вынес частное определение, сигнализирующее о недостаточном внимании к воспитательной работе среди студентов в одном из саратовских вузов.

Возникает вопрос об обязательности этого вида частных определений и о возможности их обжалования и опротестования.

По своему характеру эти частные определения не могут обязывать к выполнению каких-либо конкретных действий, к осуществлению точно указанных мероприятий. Эти определения лишь сигнализируют о неблагополучии в том или ином вопросе, а уже выбор мер для устранения отмеченных недостатков зависит от организации, которой адресовано частное определение. Несомненно, что в известных случаях такой сигнал может довольно конкретно привести к необходимым мероприятиям: если частное определение сигнализирует о том, что для борьбы с хищениями полезно было бы установить сторожевой пост или отремонтировать забор, ограждающий предприятие, то перед учреждением или предприятием встает совершенно определенная задача позаботиться о том, чтобы поставить сторожа или починить забор, озаботиться изысканием средств, необходимых для этого.

На практике могут встретиться случаи, когда организация или учреждение, в адрес которых вынесено частное определение, сочтут неправильным, незаконным или необоснованным частное определение. Может оказаться, что организация считает, что сигнал, содержащийся в частном определении, является необоснованным по существу, что суд недостаточно полно разобрался в вопросе. Может оказаться, что организация считает себя вынужденной возразить против частного определения, ибо суд включил в него предписание к проведению определенных мероприятий, на что суд права не имеет. В частном определении может оказаться включенным утверждение, относящееся к отдельным лицам, которое этих лиц порочит.

В литературе высказана точка зрения, что частные определения сигнализационного характера не подлежат обжалованию и что контроль над правильностью этих частных определений должен осуществляться в порядке надзора, т. е. путем опротестования их Генеральным Прокурором СССР, Председателем Верховного суда СССР, председателями верховных судов союзных республик и прокурорами союзных республик².

Нам представляется, что приведенная в столь категорическом виде точка зрения не может быть признана правильной. Здесь следует учесть ряд обстоятельств. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что среди выносимых судами частных определений могут оказаться определения,

¹ См. «Социалистическая законность» 1950 г. № 8, стр. 53—56; 1951 г. № 12, стр. 65, 68, 69; 1952 г. № 4, стр. 65—66, № 5, стр. 62—65, № 7, стр. 74—76, № 12, стр. 47—48; 1953 г. № 2, стр. 58—61.

² О. Степанова, Положительный опыт вынесения частных определений по гражданским делам, «Социалистическая законность» 1952 г. № 5, стр. 65.

которые ввиду их необоснованности или незаконности должны быть отменены. С этим, повидимому, соглашаются и те, кто указывает, что отмена в таких случаях должна быть произведена в порядке судебного надзора. Почему же здесь нужно отказаться от обычного, общепринятого в советском уголовном процессе порядка кассационного обжалования и опротестования определений суда первой инстанции? Опротестование в порядке судебного надзора как единственный путь к отмене частного определения остается, на наш взгляд, только для частных определений, выносимых при рассмотрении дела в суде второй инстанции или в порядке судебного надзора.

Доводом против допустимости кассационного обжалования частных определений может быть то соображение, что эти определения не являются обязательными для тех, в отношении кого они выносятся, что они лишь сигнализируют, лишь привлекают внимание к тому или иному неправильному положению, обнаруженному судом. Но и это обстоятельство не может убедить в ненужности обжалования таких определений. Само собою разумеется, что обжалование не является обязательным. Тот или иной работник, исходя из того, что обязательные действия или мероприятия ему не предписаны, сочтет ненужным обжалование этого определения, хотя он с ним и не согласен. Это его право. Но ведь могут встретиться и такие определения, обжаловать которые заинтересованные учреждения или организации сочтут для себя необходимым. Зачем же лишать их права на обжалование таких определений?

Особо следует указать на то, что в отдельных частных определениях речь может идти прямо или косвенно об отдельном лице, которому, быть может, будут приписаны поступки, требующие сигнализации о неблагополучном положении на том или ином участке работы. Такому лицу должно быть предоставлено право обжаловать частное определение, возразить против утверждений, которые бросают на него тень с точки зрения моральной, а в иных случаях могут прямо или косвенно повлечь для него и нежелательные юридические последствия.

Следует пожелать, чтобы в будущем Уголовно-процессуальном кодексе СССР было уделено достаточное внимание институту частных определений, чтобы были отчетливо регламентированы процессуальные положения, относящиеся к этому институту.

СУД НА ОХРАНЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Н. Хохлов

Правильное разрешение жилищных дел в судах имеет важное значение. Однако отдельные суды рассматривают некоторые жилищные дела с существенными ошибками, допускаемыми вследствие неправильного применения ими законов. Такая практика отдельных судебных органов не должна иметь места при рассмотрении жилищных дел. В противном случае она может нанести вред советскому правосудию.

Согласно ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. свободные жилые помещения в домах местных советов предоставляются в пользование гражданам исключительно по ордерам жилищных управлений местных советов. Лица, занявшие свободные жилые помещения в домах местных советов по ордерам жилищных управлений, становятся постоянными съемщиками. Члены семьи таких лиц и иждивенцы, совместно проживающие с ними на жилой площади в домах местных советов, считаются также постоянными съемщиками. Лица, поселившиеся на жилой площади в домах местных советов без ордеров, по единоличным распоряжениям отдельных работников, скажем, начальников жилищных управлений местных советов, не являются постоянными съемщиками (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 37—38).

При распределении жилых помещений жилищные управления местных советов не соблюдают в ряде случаев необходимых условий, изложенных в ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., и выдают ордера гражданам на жилые площади, занятые постоянными съемщиками. В мае 1948 года жилищное управление местного совета Щербаковского района г. Москвы выдало ордер Рейнгольду на комнату, занимаемую Головачевой по праву постоянного съемщика. Несмотря на это, 12 октября 1948 г. народный суд 5-го участка Щербаковского района г. Москвы решил выселить Головачеву из комнаты, передав ее в пользование Рейнгольда. Московский городской суд отменил решение народного суда и передал дело на новое рассмотрение. Верховный суд РСФСР отменил определение городского суда, а решение народного суда оставил в силе, указав, что иск о закреплении спорной комнаты за Рейнгольдом был уже разрешен народным судом 4 июня 1947 г. по первому делу, ввиду чего народный суд не вправе входить в обсуждение данного спора сторон вторично. 10 мая 1949 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила все состоявшиеся решения и определения суда и передала дело на рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции по мотивам, что Рейнгольд не провел в жизнь решение народного суда по первому делу и не осуществил своего права на занятие спорной комнаты, что жилищное управление выдало ордер Рейнгольду на эту комнату в нарушение ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. потому, что эта комната занята Головачевой, которая проживает в ней по праву постоянного съемщика (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 7, стр. 12—13).

Проходная комната или смежная с ней комната, освободившаяся после выбытия из нее постоянного съемщика, не подлежит изъятию или заселению по ордеру жилищного управления местного совета. Такая

жилая площадь в силу п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. должна быть передана в пользование съемщику комнаты, связанной проходом с освободившейся комнатой, если по требованию жилищного управления невозможно изолировать эти комнаты и превратить их в отдельные комнаты. Вопреки этому положению, жилищные управления местных советов неправильно иногда выдают ордера гражданам на занятие одной из смежных комнат при наличии данных о невозможности изолировать эти комнаты. Можно сослаться на дело по иску Чумоватого к Цыганковой о выселении из смежной с проходной комнаты, занятой по ордеру жилищного управления местного совета, когда съемщик проходной комнаты находился в рядах Советской армии (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 7, стр. 10—11).

Как в первом случае, так и во втором случае жилищные управления местных советов выдавали ордера гражданам на жилую площадь других съемщиков в нарушение закона, почему и ордера в таких случаях не могут создать право постоянных съемщиков для этих граждан на такую жилую площадь.

До судебной практики доходят отдельные случаи выдачи ордеров гражданам жилищными управлениями местных советов на занятие нежилых помещений. Так Маслик занимает квартиру из одной комнаты и кухни. Он выезжал временно на Украину для того, чтобы определить внуков, оставшихся после смерти его дочери. В его квартире осталась вторая дочь, которая проживала с ним совместно. В это время жилищное управление местного совета выдало ордер Яровенко на занятие кухни в квартире Маслика. Народный суд 2-го участка Баги-Шамальского района г. Самарканда решил выселить Яровенко из кухни квартиры Маслика с возложением обязанности на районное жилищное управление предоставить выселяемому другую жилую площадь. Самаркандский областной суд оставил в силе решение народного суда. Верховный суд Узбекской ССР отменил решение народного суда и определение областного суда и отказал в иске Маслику о выселении Яровенко из кухни. 13 февраля 1952 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Узбекской ССР, а решение народного суда и определение областного суда оставила в силе, указав в своем определении, что «кухня является местом общего пользования и в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. может быть использована только в соответствии со своим назначением, а не как жилое помещение» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 6, стр. 38—39).

Жилищное управление местного совета выдало ордер Школьнику на занятие коридора в общей квартире постоянных съемщиков. Народный суд 2-го участка Красноармейского района г. Кишинева решил признать ордер, выданный Школьнику на коридор, недействительным и разрешить Эдельману и Бронштейну пользоваться коридором. Верховный суд Молдавской ССР отменил решение народного суда и отказал в иске Эдельману и Бронштейну по мотиву, что истцы могут устроить отдельный выход из своих комнат во двор. 12 апреля 1952 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Молдавской ССР, а решение народного суда оставила в силе, указав в своем определении, что «спорный коридор является местом общего пользования, поэтому в соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. не может быть изъят из пользования истцов и передан в индивидуальное пользование ответчика» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 37).

Следовательно, в обоих описанных случаях народные суды разрешали жилищные дела правильно, а вышестоящие суды отменяли решения народных судов и отклоняли иски неправильно.

Жилищные споры между съемщиками и жилищными управлениями местных советов возникают и после распределения жилых помещений во время пользования таковыми. Право пользования жилыми помещениями в домах местных советов оформляется письменными договорами, заключаемыми между управляющими домами и съемщиками жилой площади. В договоре указываются все права и обязанности сторон, а также последствия нарушения его.

Договор найма помещения может быть расторгнут в судебном порядке в следующих основных трех случаях: а) если съемщик или члены его семьи систематически разрушают или портят жилое помещение и места общего пользования; б) если съемщик или члены его семьи своим поведением делают невозможным для других жильцов совместное проживание в одной квартире или комнате; в) если съемщик не внес квартирной платы в течение трех месяцев со дня истечения срока платежа (ст. 30 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.).

При рассмотрении дел о выселении съемщиков из квартир по основанию п. «а» ст. 30 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. суды должны строго руководствоваться указаниями п. 16 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., выносить решение (при доказанности иска) о выселении такого съемщика и возмещении им убытков.

Съемщик может быть выселен по суду, если он или члены его семьи своим поведением делают невозможным для других жильцов совместное проживание в той же квартире или комнате. Некоторые дела о выселении съемщика по такому основанию разрешаются отдельными судами неправильно.

Так народный суд 1-го участка Мытищинского района вынес решение об удовлетворении иска Сыровой о выселении Сыровой (жены сына истицы) из квартиры за невозможность совместного проживания. Московский областной суд решение народного суда оставил в силе. На решение народного суда и определение областного суда был принесен Председателем Верховного суда РСФСР протест, который Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отклонила. 25 апреля 1950 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила все состоявшиеся решения и определения суда и передала дело на рассмотрение в Московский областной суд по первой инстанции по мотивам, что доказательств в подтверждение того, будто ответчица создает своим поведением невозможные для истицы условия совместного проживания, нет и суд не принял во внимание, что ответчица могла быть выселена из квартиры, если бы в отношении ее принимались другие меры воздействия и они оказались неэффективными (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 8, стр. 29).

Народный суд 2-го участка г. Лиепая, рассмотрев дело по иску Крумень, решил выселить Пенькис из квартиры за невозможность совместного проживания. Верховный суд Латвийской ССР оставил в силе решение народного суда. 17 марта 1951 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Верховного суда Латвийской ССР и передала дело на новое рассмотрение, указав, что народный суд «не учел того, что выселение за невозможность совместного проживания является крайней мерой, прибегать к которой следует после того, как суд придет к выводу о том, что другие принятые к ответчикам меры оказались неэффективными, что суд

не проверил возможности обмена жилого помещения с тем, чтобы ликвидировать жилищный конфликт между сторонами» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 38—39).

При рассмотрении дел о выселении съемщиков за невозможностью совместного проживания суды допускают и другие ошибки. Например, народный суд 4-го участка Центрального района г. Новосибирска решил выселить Чижову и ее сына Бориса из дома за невозможностью совместного проживания. Новосибирский областной суд оставил в силе решение народного суда. На решение народного суда и определение областного суда Прокурором РСФСР был принесен протест, который Судебная коллегия Верховного суда РСФСР неосновательно отклонила. 31 марта 1949 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР удовлетворила протест Генерального Прокурора СССР об отмене всех состоявшихся решений и определений суда по делу по мотивам, что жилищное управление предъявило иск к Чижовой о выселении за невозможностью проживания с ней в доме и усадьбе, тогда как выселение по такому признаку может быть, если съемщик создает для жильцов невозможные условия для совместного проживания с ним в той же квартире или комнате, а не в одном доме или усадьбе. Кроме того, в нарушение п. 17 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. суд решил выселить из дома сына ответчицы Бориса, работающего с 1946 года на фабрике в должности столяра, без привлечения его в качестве соответчика, заочно и без всяких оснований к тому (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 7, стр. 20).

Съемщики жилого помещения обязаны платить квартирную плату в размере, установленном законом (см. постановление ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г. и постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 марта 1928 г.). Съемщики должны вносить квартирную плату за каждый текущий месяц не позднее десятого числа следующего за ним месяца. После этого срока платежа со съемщиков взимается пени в размере 0,1% за каждый день просрочки. За неуплату квартирной платы в установленный срок отвечают как основные съемщики жилых помещений, так и члены их семьи, совместно проживающие с ними, если они имеют самостоятельный заработок. Выселение съемщиков из квартиры по п. «в» ст. 30 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. может быть при условии, если они не вносили квартирную плату в течение трех месяцев со дня истечения срока платежа. Допустим, съемщик не внес квартирную плату за ноябрь, декабрь 1952 года, январь и десять дней февраля 1953 года. У наймодателя возникает право на предъявление иска к нему о выселении из квартиры 10 февраля 1953 г.

Не зная этого, отдельные суды допускают ошибки, постановляя решение о выселении квартиросъемщика за неплатеж квартирной платы до наступления права у наймодателя жилого помещения на предъявление иска. Такую ошибку совершил Верховный суд Грузинской ССР, постановив решение о выселении гр-на Симоняна из квартиры до истечения срока платежа квартирной платы. Поэтому Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение Верховного суда Грузинской ССР и передала дело на новое рассмотрение (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 10, стр. 33).

При рассмотрении таких дел отдельные суды не проверяют иногда причин неплатежа съемщиком квартирной платы. Между тем в ряде случаев задолженность по квартирной плате возникла вследствие того, что наймодатель обещал съемщику зачесть затраты по ремонту жилого помещения в счет квартирной платы, потом отказался от этого по

каким-нибудь причинам. Некоторые наймодатели жилого помещения выписывали квитанции съемщикам на квартирную плату одновременно за несколько прошедших месяцев. В отдельных редких случаях съемщики допускали задолженность по квартирной плате по обстоятельствам, породившим временное затруднение в средствах (смерть главы семьи, содержащего на иждивении жену и малолетних детей, тяжелая болезнь одинокого съемщика жилого помещения). Суд всегда должен выяснять, почему съемщик допустил задолженность по квартирной плате, и учитывать это, если задолженность по квартирной плате образовалась за ним по уважительным причинам. Суд должен иметь в виду, что задолженность по счетам на квартирную плату, не внесенную съемщиками жилых помещений в установленный законом срок, может быть взыскана наймодателем по исполнительной надписи нотариальной конторы по наступлении срока платежа (ст. 166 ГК РСФСР) в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 19 июля 1939 г., когда нет судебного спора об ее размере.

Выселение съемщиков жилого помещения в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. возможно только по суду и с предоставлением выселяемым другой жилой площади, годной для жилища, за счет лиц, производящих выселение. Отдельные суды выносят решения об удовлетворении подобных исков без предоставления выселяемым другой жилой площади. Так народный суд 1-го участка Кагановичского района г. Киева решил выселить Забельского из квартиры и освободившуюся жилую площадь передать Ботаническому саду Академии наук Украинской ССР. Киевский областной суд оставил в силе решение народного суда. 18 марта 1950 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение областного суда и передала дело на новое рассмотрение, указав, что Забельский проживал на занимаемой жилой площади по праву постоянного съемщика с 1929 года, а дом передан в ведение Ботанического сада по постановлению СНК Украинской ССР в 1945 году, почему Забельский может быть выселен из квартиры с предоставлением ему другой жилой площади, пригодной для жилища (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 6, стр. 28—29).

Иногда суд выносит решение о выселении съемщиков с предоставлением другой жилой площади за счет жилищного управления местного совета, которое не является истцом по делу вообще. Так народный суд 6-го участка Сталинского района г. Тбилиси решил выселить Кикачейшвили из квартиры и обязать жилищное управление городского совета предоставить ему другую жилую площадь. Верховный суд Грузинской ССР оставил в силе решение народного суда. 25 ноября 1950 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Верховного суда Грузинской ССР и передала дело на новое рассмотрение, указав, что обязанность по предоставлению другой жилой площади выселяемому в силу ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. лежит на организации, производящей выселение (в данном случае на сельскохозяйственном институте), а не на жилищном управлении городского совета, как это неправильно решил суд (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 37—38).

Встречаются отдельные дела о выселении, по которым съемщикам предоставляется другая жилая площадь за пределами данного города, причем органы, производящие выселение съемщиков в порядке ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., ссылаются обычно на то, что закон не содержит запрещения предоставлять высе-

ляемым другую жилую площадь за пределами города. С такой точкой зрения отдельных органов, производящих выселение съемщиков, нельзя согласиться.

Действительно, ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. не содержит прямых указаний на то, что нельзя предоставлять выселяемым другую жилую площадь за чертой города. Не имеется по этому вопросу прямых указаний и в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. Но закон не предусматривает выселения съемщиков с предоставлением другой жилой площади за пределами данного города или рабочего поселка. Поэтому, следуя установившейся практике, суды правильно возлагают на органы, производящие выселения, обязанность предоставить съемщикам другую жилую площадь, пригодную для жилья, в том же городе или рабочем поселке.

Выселение съемщиков жилых помещений в порядке пп. 23—24 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. может быть произведено с предоставлением другой жилой площади в размере не менее занимаемой ими, но не свыше санитарной нормы, установленной для данной местности.

По смыслу ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. съемщики должны пользоваться жилой площадью. Если съемщик жилого помещения выехал с семьей временно, то за ним и членами его семьи, совместно с ним проживающими, сохраняется жилая площадь в течение шести месяцев. Этот срок может быть продлен в каждом отдельном случае соответственно жилищным управлением местного совета или руководителем государственного учреждения и общественной организации. Отсутствие съемщика на жилой площади свыше шести месяцев может повлечь за собой утрату права на жилую площадь, за исключением случая, когда съемщик находится на излечении в больнице. Дела о выселении по ст. 34 указанного постановления или об утрате права на жилую площадь могут возбуждаться по искам жилищных управлений и местных советов, руководителей государственных учреждений и общественных организаций, а также по искам отдельных лиц-съемщиков, если выбывший съемщик проживал с ними на общей жилой площади или на смежной жилой площади.

При рассмотрении дела по иску Климовой к Никольской о выселении из одной комнаты народный суд 3-го участка Ленинского района г. Куйбышева вынес решение об отказе в иске, предъявленном в пределах шестимесячного срока давности, а не с пропуском этого срока, как неверно решил суд. В данном случае народный суд неправильно применил ст. 34 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. А Московский городской суд, наоборот, ошибочно не применил ст. 34 этого постановления при разрешении дела по иску Кузнецовой к Кузнецовой и Подарской о разделе жилой площади и по встречному иску Кузнецовой к Кузнецовой о признании ее утратившей право на жилую площадь, решив закрепить за истицей часть жилой площади, на которой она фактически не проживала (она жила в деревне и работала в колхозе) в течение пяти лет (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 4, стр. 14—15).

Каждый съемщик имеет право не только пользоваться жилой площадью, но и обменять ее на жилую площадь с другим съемщиком. Согласно ст. 28 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. съемщик может обменять занимаемую жилую площадь на площадь другого съемщика с разрешения жилищного управления местного совета или соответственно государственного учреждения, предприятия и общественной организации, владеющих жилыми помещениями. Обмен жилых

помещений оформляется ордерами жилищных управлений местных советов с передачей съемщиками друг другу всех прав и обязанностей по договорам найма жилого помещения. Обмен жилой площади есть двусторонняя сделка, которая может быть оспорена по суду. Отказ жилищного управления местного совета в разрешении обмена жилого помещения съемщики вправе обжаловать путем предъявления иска в суде. Дела по таким искам встречаются в суде, но некоторые из них разрешаются неправильно.

Показательно дело по иску гр-н Озол и Чернигер к Московскому бюро обмена жилых помещений о признании неправильным отказа в обмене жилой площади. Народный суд 3-го участка Дзержинского района г. Москвы в этом иске Озол и Чернигер отказал. Московский городской суд оставил в силе решение народного суда. 19 июня 1948 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Московского городского суда и передала дело на новое рассмотрение по мотивам, что отказ истцам в разрешении обмена жилой площади вследствие того, что один из них занимает комнату на 6 кв. м меньше комнаты другого, является неправильным. По инструкции НКЖХ и НКЮ РСФСР от 3 ноября 1939 г. отказ съемщикам в обмене жилого помещения может быть, если обмен носит спекулятивный или фиктивный характер или если в результате обмена жилой площади скажется менее 5 кв. м на каждого человека, где была уплотненность до обмена меньше. Таких данных у суда не было, почему суд и отклонил данный иск неправильно (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1, стр. 22—23).

Наоборот, народный суд 1-го участка Молотовского района г. Еревана неправильно решил признать договор обмена жилой площади, заключенный между Александяном и Алхозян, недействительным и привел стороны в первоначальное положение. Верховный суд Армянской ССР решение народного суда оставил в силе. 2 июля 1952 г. Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение народного суда и определение Верховного суда Армянской ССР и отказала в иске Александяну, так как стороны произвели обмен квартир в соответствии с законом (см. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 30—31).

Суду известны отдельные случаи обмена жилого помещения съемщиками без соответствующего разрешения и без надлежащего оформления. Так, Чепуренко и Михайлова произвели обмен жилого помещения между собой без ведома жилищного управления местного совета и без надлежащего оформления. А Бородина и Бодарев совершили обмен жилой площади, на которой они проживали в качестве временных жильцов («Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 7, стр. 16—17). В обоих этих случаях обмен жилого помещения не может создать для лиц права постоянных съемщиков на жилую площадь потому, что обмен жилой площади произведен ими в обход закона. В таких случаях суд должен признать обмен жилого помещения недействительным. Суд может защищать лишь законное жилищное право съемщиков, если оно нарушено кем-либо или оспаривается другим лицом. Это суду следует иметь в виду при разрешении каждого жилищного спора сторон.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ СО СПОРАМИ О СТРОЕНИЯХ

Прокурор гражданско-судебного отдела прокуратуры Архангельской области К. Седунов

Жилой дом — один из основных объектов права личной собственности советских граждан. Конституция СССР в ст. ст. 7 и 10 указывает на жилой дом как на объект права личной собственности советских людей. Возведение жилых строений советскими гражданами своими силами и средствами, а также за счет ссуд банка, предоставленных социалистическим государством, составляет одно из главных оснований возникновения права личной собственности на жилой дом.

В судебной практике споры о строениях не представляют собой редкости. Не являются редкостью также и споры о строениях, возведенных за счет ссуд, предоставленных государством. При разрешении споров подобного рода перед судами часто встают вопросы об отношении действующего законодательства к фактическому застройщику вообще и к фактическому застройщику строения, возведенного за счет банковской ссуды, в частности¹.

Опубликованная практика Верховного суда СССР дает основание прийти к выводу о том, что, разрешая споры подобного рода, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР придерживается определенно сложившегося правила. Правило же, которое выработано судебной практикой, и является более или менее устойчивым, заключается в том, что лица, сообща построившие дом с целью совместного пользования им, могут быть признаны судом собственниками дома в соответствии со степенью участия каждого из них в строительстве дома².

Сущность дела, при рассмотрении которого Верховный суд СССР высказал такое мнение, состоит в следующем. В 1948 году Парамонова заключила с Опочинским горкомхозом договор застройки. Не приступая к строительству, Парамонова предложила Никандрову, своему деверю (т. е. мужу своей сестры), перевезти из деревни принадлежавший ему дом с тем, чтобы возвести этот дом на выделенном Парамоновой земельном участке и совместно пользоваться домом. Никандров разобрал принадлежавший ему в деревне дом и своими силами возвел его на новом месте. Перевозка дома и частичное возведение дома на новом месте производились за счет ссуды, полученной Парамоновой. В коммунальных органах дом был оформлен на одну Парамонову.

После вселения в дом, считая свои права нарушенными, Никандров обратился в суд с иском о признании за ним права собственности на возведенное строение. Великолукский областной суд присудил Никандрову денежную компенсацию, представляющую собой стоимость дома и возмещение труда, затраченного истцом на возведение строения. Областной суд мотивировал свое решение, сославшись на то, что участок

¹ В связи с отменой указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1949 г. права застройки (ст. ст. 72—84-в ГК РСФСР) мы вкладываем в термин «застройка» и «застройщик» новое содержание. — К. С.

² Определение по делу № 36/972 по иску Никандрова к Парамоновой о признании права собственности на дом, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 12, стр. 28—29.

земли под застройку был оформлен на Парамонову, что перевозка и частичное возведение дома на новом месте производились за счет ссуды, полученной Парамоновой, и что истец имеет право на получение лишь денежной компенсации. Определением Верховного суда РСФСР решение народного суда было оставлено в силе.

Отменяя решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР, Верховный суд СССР указал: «Сам по себе факт оформления в коммунальном отделе дома на имя Парамоновой не может служить основанием для отказа в иске Никандрову. Решающим моментом при разрешении данного дела должна являться степень участия каждой из сторон в строительстве спорного дома. Поэтому при новом рассмотрении дела суду надлежит установить, какие затраты по возведению дома были произведены Никандровым с Парамоновой и в соответствии с этим определить, на какую часть дома может претендовать Парамонова».

Определение по иску Никандрова к Парамоновой о признании права собственности на дом не является исключением¹.

Оказание собственнику содействия трудом или денежными средствами в строительстве дома создает для третьих лиц право собственности на дом только в том случае, когда такое содействие оказывалось с целью совместного пользования строением.

В 1948 году Татолин предъявил иск к Абатуровой о признании его собственником на половину дома, полученного ответчицей по праву наследования после смерти мужа. Татолин мотивировал свои исковые требования тем, что он строил дом совместно с умершим мужем ответчицы в 1945 году. Народный суд взыскал с ответчицы половину стоимости дома, т. е. 10 000 руб., в пользу истца. Определением областного суда решение народного суда оставлено в силе. Отменяя упомянутые судебные постановления, Верховный суд СССР указал, что «требования истца о признании за ним права собственности на половину дома являются необоснованными. Если истец затратил какой-либо материал или вложил свой труд в строительство спорного дома, то он может требовать возмещения стоимости этого материала и оплаты его труда, но не признания за ним права собственности на половину дома. Необоснованность претензий истца на половину дома видна из того, что при жизни Абатурова он такой претензии к нему не предъявлял и даже не требовал компенсации за материал и вложенный труд»².

Последнее замечание Верховного суда СССР указывает на то, что Татолин и Абатуров не имели договоренности о совместном пользовании возведенным строением, в связи с чем требование истца о признании права собственности на дом является необоснованным³.

¹ Определение по делу № 36/370 по иску Кочетковых А. и Т. к Кочетковым И. и В. о праве застройки, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 10, стр. 28—29.

² Определение по делу № 36/57 по иску Татолина к Абатуровой о праве на половину дома, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 4, стр. 34.

³ См. также определение по делу № 36/1150 по иску Ткаченко к Федорову о разделе дома, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 27—29. Данное дело осложнено тем, что дом выстроен за счет ссуды банка.

Следует отметить, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР не всегда в своей практике выдерживает линию, четко выраженную в определении по иску Никандрова к Парамоновой о признании права собственности на дом. В определении по делу по иску Бегунова к своей сожительнице Суровцевой о разделе дома Верховный суд СССР указал, что «доводы истца о том, что дом был куплен на общие средства с ответчицей... вообще не могут служить основанием для признания за ним вещного права, а создают лишь обязательственные отношения между ним и Суровцевой» (Определение по делу № 1142 по иску Бегунова к Суровцевой о разделе дома, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 5, стр. 28—29). — К. С.

Мнение Верховного суда СССР о том, что лица, сообща построившие дом с целью совместного пользования им, могут быть признаны сосособственниками строения в соответствии со степенью участия каждого из них в строительстве дома, не может не быть признано правильным. Действующее право не запрещает признавать за несколькими лицами, совместно построившими жилой дом для общего пользования, право общей собственности на строение в тех случаях, когда дом оформлен лишь на одного из застройщиков.

В жизни совместное возведение строения несколькими лицами обычно производится тогда, когда застройщики связаны семейно-бытовыми отношениями. Но если имеется основание для признания возникновения права общей собственности на дом в данном случае, то равным образом отсутствует основание для непризнания возникновения права общей собственности на дом, возведенный для совместного пользования несколькими лицами, не связанными семейно-бытовыми отношениями, т. е. не образующими одной семьи, не состоящими в отношениях сожительства или приюмачества. По делу Никандрова и Парамоновой не установлены такие отношения, но Верховный суд СССР признал их сосособственниками строения.

Возражая против защиты прав застройщиков, ссылаются на то, что домашние сделки, на основании которых осуществляется совместное возведение строений, противоречат ст. 185 ГК РСФСР и актам об отводе земельных участков в бессрочное пользование под строительство, а также на то, что указанные сделки имеют большей частью своей целью отчуждение части земельного участка, т. е. являются противозаконными.

По нашему мнению, такие доводы не могут быть признаны состоятельными. Нарушение ст. 185 ГК РСФСР, как признано судебной практикой, не всегда делает договор недействительным. Земельный участок все-таки отводится одному из застройщиков, причем нарушение порядка отвода земельного участка не является существенным, если застройщики связаны семейно-бытовыми отношениями. Что же касается утверждения о том, что домашние сделки имеют своей целью большей частью отчуждение земельных участков, т. е. являются противозаконными, то это свидетельствует лишь о недостаточном знакомстве с судебной практикой: напротив, подобные сделки меньше всего направлены на противозаконное отчуждение земельных участков и большей частью имеют своей целью удовлетворение нужд застройщиков в жилье. На случай же заключения противозаконной сделки законодатель предусмотрел средства восстановления законности (ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР).

Из всех случаев, исключаящих, как правило, признание за фактическим застройщиком права на строение, возведенное за счет ссуды, выделяется ряд однородных случаев, допускающих такое признание. К делам последней категории относятся случаи, в каждом из которых «фактическим застройщиком» оказывается супруг.

Правила кредитования индивидуального жилищного строительства от 26 апреля 1939 г. не отменили и не могли отменить действие ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР в области рассматриваемых отношений. Согласно ст. 10 кодекса «имущество, нажитое супругами в течение брака, считается общим имуществом супругов». Мы полагаем, что в ст. 10 Кодекса термин «имущество» имеет более широкий смысл, что он охватывает не только права супругов, но и их имущественные обязанности, т. е. не только актив, но и пассив. Долг из договора ссуды, совершенного одним из супругов с целью возведения жилого дома, является не только долгом супруга — контрагента по договору

ссуды, но и долгом того супруга, который не выступает участником названного договора. Этот долг представляет общий долг обоих супругов и он обременяет все их имущество как общее, так и личное. Равным образом и право собственности на дом, возведенный за счет ссуды, выданной одному из супругов, составляет общее супружеское достояние, общую совместную собственность супругов.

В 1945 году Зонтов П. К. получил в отделении Госбанка ссуду в 7500 руб. на строительство дома. Зонтова А. Ф., супруга ссудополучателя, предъявила к последнему иск о признании за ней права собственности на дом. Решением Могилевского областного суда иск был удовлетворен и признано за истицей право собственности на половину домовладения. Одновременно в связи с тем, что банковская ссуда частично была не погашена, областной суд возложил на каждую сторону обязательство по погашению половины еще непогашенной части ссуды. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение областного суда по тем мотивам, что, во-первых, «при рассмотрении спора о разделе дома суд не вызвал председателя банка и не выяснил, каково отношение банка к разделу дома, выстроенного на деньги, полученные в виде ссуды, которая полностью ссудополучателем не погашена», во-вторых, «суд обязал истицу выплатить Госбанку половину непогашенной ответчиком ссуды, в то время как истица в договорных отношениях с банком не находится», в-третьих, суд не установил действительной доли участия истицы в строительстве дома¹.

Последний мотив Верховного суда СССР не отрицает возможности признания за Зонтовой доли в праве собственности на спорный дом. Но мнение Судебной коллегии по гражданским делам по другим вопросам не представляется бесспорным.

Несомненно, что подобные споры должны разрешаться с участием представителя кредитного учреждения, выдавшего ссуду, так как кредитное учреждение прямо и непосредственно заинтересовано в правильном и своевременном разрешении такого спора. Это относится ко всем спорам о строениях, возведенных за счет банковских ссуд, еще не погашенных, так как дом, построенный за счет государственных средств, является обеспечением ссуды и до полного ее погашения состоит под запретом банка (ст. 12 правил кредитования индивидуального жилищного строительства). В каждом подобном случае суд обязан в порядке ст. 172 ГПК РСФСР уведомить кредитное учреждение.

Верховный суд СССР неоднократно отменял постановления нижестоящих судов, вынесенные по делам рассматриваемой категории, по тем мотивам, что кредитное учреждение не было привлечено к делу². Но из этого не следует, что признание за супругами доли в праве собственности на строение, возведенное за счет банковской ссуды в период состояния в браке, должно быть поставлено в зависимость от возражения или согласия учреждения банка с тем или иным разрешением спора³. В каждом из рассмотренных случаев не происходит продажи или передачи имущества в смысле ст. 12 правил кредитования. Существует установленный государством круг норм, регулирующих рассмотрение споров,

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1951 г. № 6, стр. 34—35 (определение по делу № 36/1282).

² См., например, определение по делу № 36/370 по иску Кочетковых А. и Г. к Кочетковым И. и В. о праве застройки, «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 10, стр. 28—29.

³ Из определения же Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР действительно можно заключить, что якобы решение суда зависит от мнения кредитного учреждения. — К. С.

и эти правила не предоставляют учреждениям банка таких полномочий. Интересы же государства могут быть обеспечены без установления зависимости содержания решения суда от возражения или согласия кредитного учреждения. Возложение на супруга, выступающего в качестве «фактического застройщика», обязанности уплатить часть непогашенной суммы не представляет собой какого-то отступления от нормы, учитывая ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и наличие совместных обстоятельств.

Жилой дом колхозного двора составляет общую собственность его членов, независимо от того, что строение возведено за счет ссуды, которая еще не погашена. В имущественной сфере крестьянского двора все вещи общего пользования составляют общее достояние, независимо от того, кто их приобрел и каким образом они попали во двор¹. Поэтому строение, возведенное крестьянским двором за счет ссуды, составляет общее достояние двора, а не только достояние ссудополучателя, независимо от того, погашена или не погашена ссуда.

¹ Ст. ст. 77, 66 и 67 Земельного кодекса РСФСР.

ПОРЯДОК ПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ СОВЛАДЕЛЬЦАМИ СТРОЕНИЯ

*Народный судья 1-го участка Юрьев-Польского района
Владимирской области А. Ширшиков*

В городах, особенно в районных центрах, значительная часть жилого фонда принадлежит гражданам на праве личной собственности. Наравне с бурным ростом жилищного строительства, проводимого государственными и общественными организациями, колоссальный размах в нашей стране, особенно в последние годы, приняло индивидуальное строительство. Кроме того, граждане приобретают право собственности на жилые строения также и по договорам купли, дарения, по наследованию.

Нередко явление, когда одним строением или несколькими строениями, находящимися на земельном участке и составляющими одно домовладение, владеют несколько человек (в равных или неравных долях). Совладельцы строений пользуются совместно и земельным участком, на котором находится строение.

Поэтому судам часто приходится разрешать дела, связанные со спорами между совладельцами о порядке пользования земельным участком, главным образом угодьями — огородами, садами. Между тем ни законодательными актами, ни судебной практикой Верховного суда СССР вопрос о том, на каких началах совладельцы должны пользоваться земельными участками, принципиально не решен. Имеющиеся определения Верховного суда СССР по этой категории дел не решают вопроса, а если решают, то вряд ли решение можно назвать удачным.

Совладельцев может быть два и больше. Их доли в домовладении могут быть равными и неравными. Обычно спор возникает о количественном распределении земли между пользователями: какой частью участка в количественном выражении (какой площадью) должен пользоваться каждый совладелец? Чаще всего это встречается, когда идеальные доли совладельцев неравные.

Суды решают вопрос по-разному. Пожалуй, самое распространенное решение заключается в распределении земельного участка согласно долям совладельцев в общей собственности. Иное решение вопроса заключается в распределении земельного участка в пользование по количеству совладельцев в равных долях, вне зависимости от того, какую долю в общей собственности имеет совладелец. Верховный суд СССР, судя по определению от 12 июля 1952 г. по делу № 031637 по иску Кульги к Карпушиной («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 47), придерживается другой точки зрения, что размер земельного участка, закрепленного в пользование за каждым из совладельцев, необязательно должен совпадать с размером доли в общей собственности.

Это определение Верховного суда СССР — единственный, пожалуй, документ, содержащий принципиальные положения для решения исков данной категории. В самом деле, известный циркуляр НККХ и НКЮ РСФСР № 50-а/14 от 13 марта 1936 г. («Жилищное законодательство», Юриздат, 1950, стр. 442) решает лишь вопрос о подсудности народному суду исков о споре совладельцев строений, находящихся на неразделен-

ном земельном участке, о порядке пользования участком, но не говорит, чем должен руководствоваться суд при решении иска. Ссылка на то, что в подлежащих случаях суд принимает во внимание заключение коммунального отдела, не меняет дела, так как и ведомственные инструкции Министерства коммунального хозяйства РСФСР не имеют указаний о том, каким принципом руководствоваться при решении вопроса о порядке пользования земельными участками в части количественного распределения участка между совладельцами. Да и сам упомянутый циркуляр НКХ и НКЮ РСФСР имеет в виду заключения коммунального отдела лишь в части сноса или переноса зеленых насаждений, устройства ворот и т. д.

Вопрос о подсудности данных исков народному суду разрешает и определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 23 июля 1952 г. по делу № 31595 по иску Ивановой к Жакианову («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 46).

Важное положение о том, что земельный участок выполняет служебную роль при строении и что право пользования земельным участком или частью участка владелец дома приобретает с приобретением права на дом или часть дома, имеет определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 36/76 от 25 января 1950 г. («Жилищное законодательство», Юриздат, 1950, стр. 129). Однако и здесь нет указания на то, право пользования какой частью участка приобретает новый владелец.

Упомянутое определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 12 июля 1952 г. решает вопрос о порядке пользования земельным участком в том смысле, что «земельный участок, прилегающий и относящийся к домовладению, представляется собственникам лишь в пользование, ввиду чего размер этого участка, закрепляемого за каждым из участников общей собственности, может и не совпадать с идеальной долей собственности в доме» («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 48). Здесь дано принципиальное указание на то, что распределение участка между совладельцами в соответствии с идеальными долями каждого из них в общей собственности не обязательно.

С этим нельзя не согласиться. Из определения вытекает, что вопрос о том, какой частью участка в количественном выражении должен пользоваться каждый совладелец, суд решает в зависимости от обстоятельств дела в каждом отдельном случае, используя заключение коммунального отдела. Это положение не может не вызвать возражений, поскольку не решает вопроса до конца. Такое решение вопроса в каждом отдельном случае будет содержать элемент произвольности и разноречия при решении исков. Между тем здесь требуется четкое указание, должен быть выработан общий принцип, одинаковый при решении всех дел данной категории.

Есть основания считать, что правильным было бы распределение участков по площади между совладельцами в равных долях вне зависимости от отдельных долей совладельцев в общей собственности. Земельный участок носит служебный характер по отношению к строению. На нем размещаются служебные строения и сооружения. Часть участка обычно выделяется под двор, часть под угодья (сад, огород). Угодья призваны к удовлетворению как экономических потребностей семьи совладельца (огород, сад), так и эстетических потребностей (цветники, декоративные насаждения и т. д.).

Отсюда и следует сделать вывод о том, что земельный участок должен распределяться в пользование между совладельцами в равных до-

лях, ибо потребность семьи в подсобном хозяйстве, эстетические потребности семьи не связаны с долями, которыми владеет совладелец в жилом строении. Практика подсказывает, что, как правило, совладельцы так и владеют земельным участком, т. е. совместно пользуются двором и в равных долях огородами. Распределение земельного участка согласно долям совладельцев в строении по тем же мотивам было бы несправедливо.

Кроме того, распределение земельного участка по долям привело бы к завуалированной торговле землей, поскольку совладелец с большей долей в строении получил бы в пользование большую часть земельного участка. В ряде случаев к продаже земли может привести и такое решение вопроса, какое применила Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в определении по упомянутому делу по иску Кульги к Карпушиной.

При продаже части строения продавец может оговорить выдел лишь незначительной части участка или только двора без других угодий, и у суда, собственно, не будет никаких оснований к перераспределению земли. Встречаются и другие факты, когда строение продается без права пользования огородом, садом.

Народный суд 1-го участка Юрьев-Польского района Владимирской области в 1952 году столкнулся с фактом, когда два из трех строений на участке в 1938 году были «проданы без земли», как об этом сказано в договорах, заверенных за отсутствием в то время нотариальной конторы в городе городским исполкомом. Не касаясь действительности этих договоров без нотариального удостоверения, следует сказать, что в данном случае имел место факт, связанный с продажей земли.

Слов нет, что нельзя считать законными сделки, оговаривающие право пользования или лишаящие права пользования земельным участком. Это с достаточной ясностью вытекает и из упомянутого определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 25 января 1950 г. № 36/76. Однако последнее определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 12 июля 1952 г. объективно приводит к тому, что совладелец, по тем или иным мотивам оказавшийся лишеным пользования (например, угодьями участка), не в состоянии будет и через суд восстановить это право.

Это чаще возможно при вступлении в наследство, когда проживавшие с наследодателем наследники, пользовавшиеся совместно с наследодателем участком, продолжают пользоваться им, в пользование же наследством вступает наследник со стороны, т. е. не проживавший с наследодателем.

Четкое и справедливое указание о распределении участков в равных долях между совладельцами, вытекающее из служебного положения земельного участка, исключало бы возможность произвольного решения исков о порядке пользования земельными участками.

Заключение же коммунального отдела должно носить вспомогательный характер и касаться лишь техники раздела между совладельцами частей участка. Наряду с этим общим принципом должно быть дано указание о том, что при продаже части из своей доли совладелец должен поделить поровну с новыми совладельцами часть участка, находящегося в его пользовании, ибо дробление владения за счет продажи одним из совладельцев части своей доли привело бы к постоянным переделам участка и затрагивало бы интересы совладельцев, особенно в отношении садов и других насаждений.

Назрела необходимость решения этого вопроса Пленумом Верховного суда СССР и издания им руководящего указания.

О СУДЕЙСКОЙ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ

Народный судья г. Глазова Удмуртской АССР

М. Буня

Суд внимательно выслушал последнее слово подсудимого и удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

Пока судьи совещаются и решают вопросы, которые им положено решить, послушаем тех, кого обычно именуют посторонними слушателями. Послушаем рабочих, инженеров, учителей, домохозяек, — одним словом, тех, кто пришел в суд послушать дело о хищении государственного добра бывшим продавцом городского торгового центра Ивановым.

Два года назад за прилавком торгового центра появился новый продавец Иванов. Приехал Иванов откуда-то издали, предъявил директору торгового центра соответствующие документы и характеристики по торговой части, которые оказались настолько положительными, что директором тут же был издан приказ о зачислении Иванова в штат и назначении его на должность продавца.

Торговое предприятие Иванова оказалось весьма доходным, и через год продавец уже выстроил себе особняк и приобрел машину «Москвич».

Тревожные слухи пошли по городу. Догадывались люди, на какие средства куплены особняк и «Москвич». Но плановые, внеплановые, внезапные и прочие ревизии не обнаружили недостатка в магазине Иванова. Прошел еще год. В хозяйстве продавца видимых изменений не произошло, но люди поговаривали, что теперь продавец прячет от глаз людских свои денежные «накопления» в надежных сундуках сберегательных касс в разных городах. Проверили. Подтвердилось. Не подтвердилось только ревизорскими актами. Тогда за дело взялся прокурор и установил, что за два года «работы» Иванов похитил восемьдесят семь тысяч рублей государственных средств, умело «делая» фиктивные документы.

Когда дело поступило в суд и председательствующий в судебном заседании огласил обвинительное заключение, всем присутствующим было совершенно ясно, что перед судом предстал опытный и хитрый вор. Но чем ближе к концу судебного следствия, тем непонятнее становилось дело. А когда за судьями закрылась дверь совещательной комнаты, в зале осталась совершенно недоумевающая и теряющаяся в догадках публика.

— Да-а... — сказал молодой рабочий, обращаясь к соседям. — Выходит, что, с одной стороны, украл, а с другой стороны, не украл, честный малый.

— Непонятная история, — поддерживает его сосед. — А как вы считаете, осудят его или нет?

После долгой паузы кто-то сказал:

— Все может быть...

А вот другая группа спорящих. Человек десять пожилых людей, устроившись на скамейках во дворе суда, не спеша обсуждали дело Иванова.

— Украсть-то он украл, — рассуждал один из собеседников, — и вроде ясно было, как прочитал судья обвинительную. А вот потом... туман какой-то.

— Одним словом, ловкач этот Иванов, — заметил другой собеседник. — Такой вот из воды сухим выйдет. Судья-то вроде боится спрашивать его, не хочет вывернуть его нутро.

— Потому туман и получается, что судья боится говорить ясно. И себе и нам голову морочит, — заключил третий.

В это время раздался звонок, и все поспешили в зал. Председательствующий огласил приговор. Иванов был наказан сурово и справедливо.

Вместе с другими мы также слушали этот процесс от начала до конца, вместе терзались в догадках об исходе дела. Приговор суда публича встретила молчанием. Мы и другие слушатели не были уверены в прочности этого приговора. У нас осталось впечатление, что приговор является не результатом судебного следствия, а создавался сам по себе, отдельно от того, что говорилось и читалось в судебном следствии, что он органически не вытекает из судебного следствия. Поэтому приговор оказался неубедительным, ему предшествовало поверхностное, бледное, бессодержательное судебное следствие.

После суда мы зашли в кабинет к председательствующему, чтобы поделиться с ним нашим впечатлением о процессе. Судья охотно принял и внимательно выслушал нас. Завязалась беседа. Нас удивило то, что судья был почти согласен с нами. Он не отрицал, что судебное следствие проведено слабо.

— Но я вынужден это делать в целях беспристрастности судебного следствия, — объяснил судья свою неопределенную и «туманную» позицию в ходе судебного следствия. — Показать судейскую беспристрастность можно только при том условии, если судьи будут безразличными к показаниям, доказательствам и тем самым скрывать от публики свое отношение к делу. При активном ведении следствия добиться этого невозможно, так как может создаться мнение, что исход дела уже предрешен.

Мы возразили судье. Тогда он раскрыл перед нами учебники, брошюры, директивные предписания.

— Читайте.

Мы прочитали.

— Я придерживаюсь советов наших ученых-юристов, — продолжал судья. — Такое мнение ученых еще не встречало серьезных возражений и тем самым получило одобрение.

Мы решили вынести спор из кабинета судьи на страницы печати и пригласить читателей высказаться по затронутому вопросу, считая его чрезвычайно важным и актуальным в работе советских судов.

Государственное издательство юридической литературы в 1952 году выпустило в свет брошюру «Из опыта работы народного суда», поместив в ней несколько очерков лучших народных судей, рассказавших о своей судейской работе. В целом работа авторов-судей заслуживает одобрения. Но не во всем можно согласиться с авторами.

Послушаем, как понимают судейскую беспристрастность даже некоторые лучшие судьи и что они делают для того, чтобы судить беспристрастно.

Народный судья т. Дубенский пишет: «Судьи... никогда не должны до вынесения приговора ни прямо, ни косвенно проявлять своего отношения к делу, к показаниям сторон, к их доводам и доказательствам... Поэтому я стараюсь вести судебный процесс так, чтобы стороны и дру-

гие участники процесса, как и все присутствующие на нем, никогда не могли знать до вынесения приговора или решения отношение суда к делу» (стр. 55).

Народный судья т. Скоморохов вполне согласен с т. Дубенским: «Недопустимым является для судьи до постановления приговора или решения прямо или косвенно выражать свое отношение к сторонам и участникам процесса» (стр. 32).

Следовательно, тт. Дубенский и Скоморохов считают, что судейская беспристрастность заключается в том, что судьи до вынесения приговора или решения ни прямо, ни косвенно не выражают своего отношения к делу. Правда, авторы не рассказывают, как им практически удается скрыть свое отношение, например, к вещам и явлениям, уже установленным и бесспорным, скажем, к показаниям подсудимого, пойманного на месте преступления, признающего свою вину, подтвержденную другими доказательствами. Авторы не рассказывают, зачем они так тщательно скрывают свое отношение к показаниям, например, упомянутого подсудимого.

Зачем и как это делается, рассказывают ученые-юристы, в частности, проф. М. Чельцов и проф. М. Строгович.

Проф. Чельцов в учебнике «Уголовный процесс» (изд. 1948 г.) считает, что объективность и беспристрастность суда легко утрачивается, «если председатель, активно ведя допрос не признающего своей вины подсудимого, начинает уличать его, ловить на противоречиях... Такой образ действий, вполне естественный для обвинителя, не подходит для председателя, обязанного до момента вынесения приговора не обнаруживать складывающегося у него взгляда о виновности или невинности подсудимого» (стр. 484).

Такого же мнения придерживается и проф. Строгович: «Если председатель будет принимать на себя лично допрос всех обвиняемых и свидетелей, то для него есть опасность занять на судебном следствии обвинительную позицию, как бы поставив себя на место прокурора» («Уголовный процесс», 1946, стр. 408).

Оберегая судейскую беспристрастность, Прокуратура СССР в методическом письме «Об участии прокурора в судебном следствии» (1939 г.) высказала такое мнение: «Если... председатель будет самолично проводить все допросы подсудимых и свидетелей, он очень легко может скатиться на позицию обвинителя и потерять тем самым судейское лицо».

Прежде всего следует отметить, что и проф. Чельцов, и проф. Строгович, и Прокуратура СССР неправильно считают прокурора стороной, призванной во что бы то ни стало во всех случаях обвинять с самого начала судебного следствия, а потому якобы обязанной уличать, ловить на слове подсудимого и свидетелей, придираются к ним. Прокурор в судебном следствии должен быть не менее объективен и беспристрастен, чем судья.

Но вернемся к вопросу о судейской беспристрастности. Проф. Чельцов и проф. Строгович, а также Прокуратура СССР в указанном письме считают, что если председатель суда будет вести допросы, да еще активно допрашивать, то он почти неизбежно должен скатиться на позицию обвинителя и потерять судейское лицо, т. е. сойти с позиций беспристрастности.

Итак, вывод из всего сказанного таков, что судьи не должны обнаруживать свое отношение к делу, для чего они никоим образом не должны сами активно вести следствие, а по возможности и вовсе не вести его, что этим и достигается судейская беспристрастность.

Такое понимание судейской беспристрастности и способов достижения ее является не только неверным, но и вредным для дела социалистического правосудия. Корни подобной «теории» судейской беспристрастности исходят из буржуазного лицемерия о надклассовости суда.

Буржуазный юрист Михайловский, говоря о беспристрастности буржуазного суда, утверждал, что суд является надклассовым контролером, «предоставляющим гражданину надежное ручательство..., что перед его субъективным правом должно с уважением остановиться все государство» (Михайловский, Основные принципы организации уголовного суда, т. 1, 1905, стр. 89, 94).

В действительности же буржуазный суд «...был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка» (В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 421). Поэтому вполне понятно, что буржуазные теоретики, желая скрыть классовую сущность эксплуататорского суда, изображали его как орган охраны порядка, защиты интересов всего общества.

В жизни правосудия «вообще» не существует. Всякое правосудие есть конкретное—рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, социалистическое. «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это» (В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 155).

Мы не скрываем классовой сущности советского суда. Мы прямо говорим, что советский суд есть особый орган диктатуры рабочего класса, что советский суд защищает интересы Советского государства, законные права и интересы граждан СССР. Советский суд осуществляет правосудие сообразно с принципами Советской власти.

Суд есть юридическая надстройка над соответствующим экономическим базисом. Суд, как и всякая надстройка, «... появившись на свет..., принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы» (И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 7). Поэтому судьи, осуществляющие правосудие, не могут быть пассивными в ходе судебного следствия. Тщательным и объективным разбором судебного дела суд должен установить истину, «вскрыть особенности данного случая нарушения советских законов, дать правильное объяснение действиям обвиняемого, истца или ответчика» (А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств, 1950, стр. 4). Добиться этого можно только путем активного ведения в советском праве судебного следствия непосредственно судом.

Определяя роль судьи в судебном процессе, М. И. Калинин говорил: «Судья должен не только уметь правильно политически разобраться в данном конкретном деле..., но он должен еще, кроме того, суметь это сделать так убедительно, так показательно, чтобы не только он сам и народные заседатели, но и все присутствующие на суде разобрались бы в этом деле и поняли бы правильность вынесенного судом решения.

Можно совершенно уверенно сказать, что когда народный суд таким образом разберет дело, то и осужденный запомнит его решение на всю жизнь, как бы он этим решением ни был недоволен. Мы мало учитываем, что суд оказывает огромное внимание как на тех, которые привлекаются к ответственности, так и на присутствующих. Судья, который хорошо, умело, попартийному ведет дело, всегда сумеет обеспечить и хорошую аудиторию. Люди придут его слушать, учиться у него» (М. И. Калинин, Речь на торжественном заседании, посвященном десятилетию Верховного суда СССР).

Именно так судьи должны вести судебный процесс. Поэтому совершенно неправы те юристы, теоретики и практики, которые в целях ложной охраны судейской беспристрастности стремятся по существу свести роль суда, в частности роль председательствующего, к роли регулятора процесса, устанавливающего очередность выступлений участников процесса. Эти юристы всячески обходят тот факт, что более половины всех уголовных дел и подавляющая часть гражданских дел рассматривается советским судом без участия прокурора и адвоката. Во многих союзных республиках, в том числе и в РСФСР, даже в случае участия в уголовном процессе прокурора и адвоката допрос обвиняемых и некоторых других лиц первым производит суд. Как быть суду с беспристрастностью в этих случаях, если суд почти неизбежно, как думают проф. Чельцов и проф. Строгович, должен скатиться на позицию обвинителя? Проф. Чельцов, якобы стремясь спасти судейскую беспристрастность, рекомендует судьям при допросе обвиняемых сначала заменять прокурора, а затем адвоката (М. А. Чельцов, Уголовный процесс, 1948, стр. 464). Надуманность и несостоятельность подобного раздвоения роли судей, видимо, стала очевидной и проф. Чельцову; поэтому в том же учебнике издания 1951 г. судья-прокурор уже удален со сцены.

Судейская беспристрастность достигается прежде всего тщательным всесторонним исследованием дела при активном осуществлении исследования непосредственно судьями, при объективном подходе ко всем доказательствам и свободной оценке их судом. Только при таком судебном следствии возможно установление истины, следовательно, только при таком судебном следствии судьи могут оставаться беспристрастными. Поэтому суд не должен бояться выяснять противоречия в показаниях подсудимого, свидетелей и других лиц, не должен избегать предъявления подсудимому обвинительных доказательств. Напротив, судьи должны делать все это активно, настойчиво и последовательно. Судьи должны получить в судебном следствии четкие, логические, законченные ответы на все вопросы, имеющие значение для дела.

Советских судей надо ориентировать не на ослабление судебного следствия, а на активизацию его, не на беспринципное, «беспристрастное» судоворение, а на строго принципиальное, партийное разбирательство дел в суде, на подлинное социалистическое правосудие, в котором обеспечено действительно объективное и действительно беспристрастное разбирательство дел. Только при этом условии суд может в полной мере выполнять функции, возложенные на него Советским государством.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Во Всесоюзном институте юридических наук состоялась научная сессия, посвященная задачам института и вопросам гражданского права в свете решений XIX съезда партии.

В заседаниях сессии приняло участие около 250 научных и практических работников в области юриспруденции, из них 50 человек представителей периферии — профессоров и преподавателей вузов и юридических школ, работников суда и прокуратуры из Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси, Свердловска, Саратова, Минска, Алма-Аты, Ташкента и других городов.

На сессии были заслушаны доклад директора института проф. И. Т. Голякова на тему «Задачи Всесоюзного института юридических наук в свете решений XIX съезда КПСС» и доклады профессоров Д. М. Генкина, С. Н. Братуся, И. Б. Новицкого и Л. А. Луица по вопросам гражданского права.

В своем докладе проф. И. Т. Голяков остановился на причинах отставания правовой науки, на серьезных ошибках во многих работах наших правоведов. Крупные недочеты в работе, сказал И. Т. Голяков, имелись и имеются во Всесоюзном институте юридических наук. Хотя за последние годы институт добился некоторых сдвигов в работе, издав свыше ста научных трудов, в том числе свыше сорока учебников для юридических вузов и юридических школ, тем не менее до сего времени работу института в области развития науки права нельзя считать удовлетворительной. Поэтому не случайно работа Всесоюзного института неоднократно подвергалась критике в нашей печати. Резкой критике была подвергнута работа института на страницах журнала «Большевик» № 7 за 1951 г. и № 7 за 1952 г., а также в журнале «Коммунист» № 2 за 1953 г.

Следует признать, что критика, которой подверглись работы института, далеко не исчерпывает всех недостатков и ошибок в трудах, выпущенных им.

Крупные недостатки в работе института являются результатом того, что в работах научных сотрудников института еще не изжиты элементы формализма и догматического подхода к изучению правовых явлений. В ряде своих трудов научные работники института исходили из волюнтаристских установок о характере экономических закономерностей социалистического общества, некоторые работы грешили отрывом от экономики, и это привело к ряду серьезных ошибок.

Подлинно творческому развитию правовой науки мешает отсутствие надлежащей критики и самокритики. В ряде случаев критика в институте являлась формальной, не носила боевого творческого характера; критиковались частности и не давалось глубокого анализа существа работы, ее идейной направленности и ценности для практики.

Серьезным недостатком в работе института является слабая организация творческих дискуссий по спорным вопросам права, вытекающим из практики работы.

Одной из важнейших причин серьезных дефектов в деятельности института является недостаточная работа ученых над овладением марксистско-ленинской теорией.

Для того чтобы ликвидировать запущенность юридической науки, необходимо в первую очередь организовать разработку жизненно важных для советской науки права вопросов, вытекающих из учения классиков марксизма-ленинизма о государстве и праве.

На разрешение этих задач и направлен план научно-исследовательской работы института на 1953 год, а также перспективный план его работы на 1954—55 гг.

Коллектив научных сотрудников института должен оправдать высокое доверие нашей партии и обеспечить выпуск всех намеченных планом научно-исследовательских работ в установленные сроки и на высоком научном уровне.

Затем на сессии был заслушан доклад проф. Д. М. Генкина на тему «Роль советского гражданского права в осуществлении требований экономических законов социализма».

Задачи социалистического строительства в период постепенного перехода от социализма к коммунизму нашли свое яркое выражение в решениях XIX съезда партии, на выполнение которых должны быть направлены институты советского гражданского права.

Остановившись на пороках, ошибках и недостатках, которые имели место в ряде работ по советскому гражданскому праву, Д. М. Генкин отметил, что для выявления активной служебной роли институтов советского гражданского права необходимо установить область имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом.

Советское гражданское право призвано регулировать вытекающие из социалистической собственности и производной от нее

личной собственности имущественные отношения, в которые входят также и отношения экономического оборота. Опосредствование этих отношений при социализме нормами гражданского права обуславливается использованием закона стоимости (действующего при социализме в строго ограниченных пределах) для осуществления требований основного экономического закона социализма и опирающегося на него закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР.

Действие закона стоимости обуславливает метод гражданско-правового регулирования имущественных отношений, при котором стороны этих отношений являются равными и одна из сторон не может диктовать свою волю другой стороне.

Основной экономической закон социализма, на который опираются все другие экономические законы и на осуществление задач которого в особенности направлен экономический закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР, предопределяет содержание и направленность всех институтов советского гражданского права.

Советское социалистическое гражданское право играет активную роль в процессе преодоления отставания производственных отношений от уровня развития производительных сил, в приведении отстающих производственных отношений в соответствие с характером производительных сил.

Советское гражданское право является одним из средств осуществления государственных планов, а тем самым и требований экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР. В связи с этим большое значение имеет договор, как один из способов конкретизации плана, как метод борьбы за осуществление запланированных пропорций, в частности за неуклонное выполнение поставок продукции в их количественном и качественном выражении. Существенное значение имеет и вопрос о влиянии изменений в планах на уже возникшие в исполнении ранее установленных плановых заданий гражданские правоотношения.

Основным институтом советского гражданского права является право государственной социалистической собственности и связанные с ним нормы, регулирующие правовое положение государственного хозяйственного органа, в частности признание его юридическим лицом. Правильное определение правового положения государственного органа и правильное использование гражданско-правового института юридического лица в условиях социалистического экономического оборота имеют существенное значение в построении управления социалистическим хозяйством, в осуществлении требований экономических законов социализма. Директор предприятия как должностное лицо Советского государства и как орган юридического лица — пред-

приятия — это единство. В административно-правовых отношениях к государству директор — должностное лицо, в гражданско-правовых отношениях, в которые он вступает согласно данным ему планам, он — орган юридического лица. Выявляя в области гражданско-правовых отношений волю юридического лица, он выражает как должностное лицо данную ему волю государства. Осуществляя как орган юридического лица правомочия предприятия по владению, пользованию и в известных пределах по распоряжению имуществом, находящимся в управлении предприятия, он тем самым как уполномоченный Советского государства осуществляет правомочия по владению, пользованию и распоряжению самого Советского государства как единого и единственного собственника всего государственного имущества.

Задачей гражданского права является, исходя из различий распределения средств производства и обращения предметов личного потребления, из различий оптового и розничного оборота, из различий оборота между государственными хозяйственными органами и между государственными хозяйственными органами и кооперативными организациями, а также между кооперативными организациями, дать наилучшее, наиболее отвечающее всем этим особенностям правовое оформление оборота.

Проф. С. Н. Братусь выступил с докладом на тему «Правовые вопросы распределения социалистической продукции между государственными предприятиями».

В настоящее время, сказал С. Н. Братусь, должны быть подвергнуты критике и пересмотру ошибочные и устаревшие положения и понятия в науке советского гражданского права и намечены пути для нового, правильного решения актуальных задач, стоящих перед этой отраслью советской юридической науки. Необходимо пересмотреть и правовую характеристику договора поставки, являющегося одним из важнейших институтов советского гражданского права. Договор поставки рассматривался в советской цивилистической литературе как договор, регулирующий плановое обращение товаров на основе «преобразованного» закона стоимости, т. е. как договор купли-продажи.

Такая порочная в своей основе характеристика договора поставки явилась результатом того, что советские цивилисты рассматривали как товары и включали в сферу товарного обращения не только предметы потребления, но и средства производства. Между тем, средства производства, производимые государственными предприятиями, не являются товарами и лишь сохраняют в связи с необходимостью учета воздействия закона стоимости на социалистическое производство (наличие хозяйственного расчета и использование денежной формы) внешнюю оболочку товаров. Средства производства распределяются

в плановом порядке между государственными социалистическими предприятиями. В плановом порядке осуществляется и распределение предметов потребления, производимых социалистическими предприятиями, т. е. продовольственных и промышленных товаров, между оптовыми и розничными торговыми организациями. Договор поставки, будучи гражданско-правовой формой планового распределения социалистической продукции между социалистическими организациями, охватывает движение как средств производства, так и предметов потребления между этими организациями на основании государственных планов снабжения народного хозяйства.

Договор поставки является не только средством конкретизации планового задания, формой самообязывания сторон и тем самым особой формой контроля над выполнением плана, но и средством улучшения планирования и уточнения планового задания.

Использование договора поставки как юридической формы планового распределения социалистической продукции между государственными предприятиями связано с учетом и использованием в социалистическом хозяйстве закона стоимости.

Отличительные особенности договора поставки состоят в том, что стороны в договоре, равно как и его содержание, predetermined плановыми актами, исполнение договора — это не только обязанность сторон по отношению друг к другу, но и по отношению к государству; стороны обязаны использовать полученную продукцию в соответствии с ее плановым назначением.

Из цели договора поставки — обеспечения планового распределения социалистической продукции между хозяйственными органами и планового ее использования — вытекают и те права и обязанности сторон, которые направлены на обеспечение целостности и сохранности социалистической продукции, на обеспечение выявления действительных экономических результатов в деятельности предприятия путем их индивидуализации и учета и сравнения с плановыми показателями.

Анализ договора поставки приводит к выводу, что сущностью, глубинным процессом, выражением и закреплением которого является этот договор, следует признать то, что при переходе продукции от поставщика к потребителю происходит лишь плановое распределение продукции, как необходимое звено в системе расширенного социалистического воспроизводства. Поверхностное же явление — форма, имеющая, однако, большое значение для укрепления хозяйственного расчета, для калькуляции, для контроля над ходом производства и обращения продукции, заключается в том, что правомочия и обязанности, возникающие у сторон по договору, — это средство, инструмент, способ осуществления указанного экономического процесса.

Проф. И. Б. Новицкий в своем докладе «Гражданско-правовые

формы борьбы за режим экономии» отметил, что гражданское право способствует выполнению плана (в частности, плана снижения себестоимости, обеспечивающего проведение режима экономии) посредством охраны закрепленных за предприятием основных и оборотных средств и обеспечения таким образом для предприятия устойчивого обладания этими средствами, а также посредством договоров, конкретизирующих план и способствующих его выполнению методом хозяйственного расчета.

Одним из средств проведения режима экономии является осуществление хозяйственного расчета в государственных предприятиях. Борьба за хозяйственный расчет есть одновременно борьба за режим экономии.

Сохранение (в известных рамках) действия закона стоимости влечет за собой сохранение денег и товарно-денежной формы отношений. Благодаря этому получает актуальное значение, в частности, вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности. В условиях товарно-денежных отношений и действия закона стоимости хозяйственный расчет представляет собой планомерное использование закона стоимости как в процессе производства продукции, так и в ее реализации (распределении). Благодаря хозяйственному расчету достигается сочетание централизованного планового управления со стороны государства всем социалистическим хозяйством и оперативной самостоятельности отдельных предприятий.

Юридическое проявление хозяйственного расчета, на основе которого облегчается и проведение режима экономии, выражается главным образом в договорной форме (на эквивалентно-возмездных началах) хозяйственных связей хозрасчетного предприятия с другими организациями.

С точки зрения борьбы за режим экономии существенное значение имеет содержание планового договора. Определяя конкретные и точные требования, приуроченные к задаче успешного выполнения плана (качество продукции, ассортимент, частные сроки исполнения и т. д.), и устанавливая имущественно-правовые последствия нарушения этих требований, договор содействует выполнению плана, укреплению хозяйственного расчета, соблюдению режима экономии.

Стороны в плановом договоре наряду со своими особыми хозрасчетными интересами имеют общий интерес — задачу выполнения планового задания, и в этом отношении они являются обязанными перед государством. В исполнение договора стороны обязаны проводить принцип социалистического общества — товарищеское сотрудничество и социалистическую взаимопомощь.

Предприятие-кредитор не только имеет право, но и обязано (как в отношении государства, так и в отношении контрагента) принять исполнение; кроме того, по отно-

шению к государству предприятие-кредитор обязано также использовать по прямому назначению полученное, иначе плановое задание оказалось бы неисполненным, а режим экономии нарушенным.

Осуществление задачи, выдвигаемой основным экономическим законом социализма, требует, чтобы советская промышленность выпускала продукцию высокого качества, комплектную, в надлежащем ассортименте.

Проблема борьбы за качество продукции имеет непосредственное значение под углом зрения борьбы за режим экономии.

Проведению в жизнь режима экономии способствует также ускорение оборачиваемости оборотных средств. Ускорение оборачиваемости оборотных средств может быть достигнуто как в стадии производства, так и в стадии обращения.

Борьба за ускорение оборачиваемости оборотных средств теснейшим образом связана с борьбой за рентабельность предприятий.

В деле воспитания социалистического отношения к общественной собственности и к труду руководящая роль принадлежит Коммунистической партии; оказывают влияние и другие общественные организации на предприятиях и в учреждениях.

Меры правового воздействия на нарушителей режима экономии исходят от разных отраслей права. Большое значение имеет, в частности, гражданско-правовое воздействие, которое проявляется в различных формах (применение гражданско-правовых норм об ответственности за причинение вреда имуществу, договорные санкции и т. д.).

Режим экономии обеспечивает дальнейший подъем народного хозяйства, неуклонный рост материального благосостояния и культурного уровня советского народа.

Проф. Л. А. Лунц в своем докладе на тему «Основной экономический закон современного капитализма и буржуазное гражданское право» сказал, что основная задача советского юриста при изучении современного буржуазного гражданского права заключается в том, чтобы ответить на вопрос, какую роль играют институты буржуазного права в осуществлении требований основного экономического закона современного капитализма.

Отвечая на этот вопрос, докладчик рассмотрел главнейшие институты буржуазного гражданского права, путем использования которых происходит оформление концентрации капитала в руках финансовой олигархии и эксплуатация монополистическим капиталом населения данной страны, разорение и обнищание этого населения; он охарактеризовал в общих чертах те гражданско-правовые формы, в которых происходит вывоз капитала и закабаление главными странами капитализма народов других стран, в особенности отсталых; он привел ряд фактов, показывающих роль институтов буржуазного гражданского

права в дальнейшей милитаризации народного хозяйства капиталистических стран.

Докладчик подчеркнул реакционную сущность современного буржуазного гражданского права.

По заслушанным докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли участие многие представители вузов.

Кандидат юридических наук С. С. Алексеев (Свердловский юридический институт) отметил, что наука гражданского права до настоящего времени продолжает быть захламленной схоластическими категориями и спорами. Например, недавно возник совершенно никчемный спор о том, какой из признаков, свойственных юридическому лицу, является главным? Проф. Генкин считает, что главным признаком является выступление предприятия в гражданском обороте от своего имени; проф. Братусь в качестве основного признака выдвинул степень или меру имущественной обособленности организации. Этот спор является вредным. Он уводит советскую цивилистику от действительно важных и актуальных проблем.

Другим никчемным спором т. Алексеев считает спор о сущности так называемого субъективного права. Схоластическим является укоренившееся в нашей науке представление об элементах правоотношения. Хотя правоотношение является идеологическим отношением, тем не менее одним из его элементов считают объект правоотношения. Получается так, что то, на что направлено правоотношение, является в то же время его составной частью. Не выдерживает также критики и то положение, что к элементам правоотношения относят его субъектов, т. е. в качестве части правоотношения выступают лица, между которыми устанавливаются правоотношения.

С. А. Бордюнов (Министерство юстиции СССР) считает, что основным пороком в деятельности ВИЮН является отсутствие в его работах боевой, воинственной партийности, глубоких теоретических мыслей, бедность аргументации, приводимой в научных работах, что в значительной мере может быть отнесено за счет отрыва института от органов юстиции. Внимание института должна, в частности, привлечь богатейшая судебная практика по гражданским делам, возникающим в связи с невыполнением договоров и основных условий поставки. Сейчас действуют десятки различных основных условий поставки — по отдельным видам промышленности. В этих основных условиях многие вопросы решаются по-разному, при этом трудно обнаружить основания для решения того или иного вопроса так, а не иначе. В частности, штраф за поставку недоброкачественной продукции в одних основных условиях предусмотрен в размере 25% стоимости забракованной продукции, в других — в размере 15%, в третьих — в размере 10% и т. д. В исследованиях наших ученых нередко комменти-

руются эти или подобные им правовые явления, но не раскрывается в должной мере их социально-экономический смысл.

Проф. К. А. Граве (ВИЮН) в порядке самокритики признает, что в его работе «Договорная неустойка в советском праве», вышедшей в 1950 г., по вопросу о смешанной неустойке им допущен чисто догматический анализ нормативного материала и создана искусственная конструкция, лишенная практического значения. К. А. Граве считает, что одной из ответственных задач, стоящих перед цивилистами, является участие их в разработке проекта ГК СССР. Сектор гражданского права ВИЮН, разрабатывая важнейшие и основные вопросы гражданского права, не должен пренебрегать иногда кажущимися мелкими вопросами, имеющими в то же время большое практическое значение. Примером таких вопросов могут служить вопросы о зачете заработка при возмещении ущерба за вред, причиненный личности, о правовой природе так называемых трудовых соглашений, о реальной доле в праве общей собственности на дом и т. д.

Кандидат юридических наук В. С. Покровский (ВИЮН) обращает внимание на серьезные недостатки в овладении марксистско-ленинской теорией работниками института, что объясняет имеющиеся провалы и недостатки в разработке теоретических проблем в области права. Он призывает к первоочередной разработке основных вопросов теории государства и права и истории государства и права, указывая, что без овладения этими важнейшими дисциплинами нельзя по-настоящему двинуть и развитие отраслевых наук права.

Тов. Пирбудагов (Министр юстиции Дагестанской АССР) обращает внимание на то, что в некоторых трудах в области права, в частности в учебниках, научные работники в отдельных случаях отступают от прямого текста закона и тем самым дезориентируют практических работников. Так, например, хотя в УПК дан точный перечень поводов, которые являются обязательными для отмены приговоров, в учебнике по уголовному процессу этот обязательный перечень увеличен в три раза. Особое значение имеет разъяснение научными работниками в своих трудах смысла законов и объективных закономерностей, породивших те или иные нормы. Научные работники должны помнить о громадном воспитательном влиянии советских законов на широкие массы трудящихся. Основной грех научной юридической литературы заключается в догматическом, описательном изложении законодательства в ряде наших учебников и монографий.

Адъюнкт Н. И. Краснов (Военно-юридическая академия) считает, что основным недостатком науки гражданского права является то, что она не избавилась от формально-догматических пережитков. В ряде случаев под тем или иным предлогом в нашу теорию проникают субъективно правящиеся отдельным авторам буржу-

азные категории. Откуда, скажем, у нас в теории гражданского права появилась такая категория, как факультативное обязательство, или перенаем? Их у нас в законе нет. Как на один из образцов формализма и объективистского подхода к исследованию теории гражданского права тов. Краснов ссылается на работу проф. Черепашина «Юридическая природа и основание приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя».

В нашей науке гражданского права существует одно явление, которое может быть названо «теорией единого потока», при помощи которой становится возможным использование буржуазно-правовых категорий. Конечно, в настоящее время эта теория не существует открыто, но она живет в другой форме, приспособившись к современным условиям. Как одно из проявлений формально-догматических пережитков в сознании наших ученых, т. Краснов приводит статью проф. И. Б. Новицкого «О реальном исполнении обязательств». Проф. Новицкий не показал в своем исследовании, что проблема реального исполнения обязательств у нас не только решается иначе, чем в буржуазном праве, но что сама проблема по своему существу является совершенно другой проблемой, имеющей лишь сходное наименование с проблемой, рассматриваемой в буржуазном гражданском праве.

Кандидат юридических наук И. Е. Фарбер (Саратовский юридический институт) как на пример схоластического спора в юридической науке указывает на спор относительно принципов уголовного процесса, имевший место на страницах журнала «Социалистическая законность». В процессе спора спорящие утверждали, что принцип это — норма или что это — руководящие идеи. Спорящие не понимали, что принципы нельзя выводить из идей. Их можно и нужно выводить лишь из тех общественных отношений, которые наше право регулирует. Таким образом, принципы права — это познанная объективная закономерность экономического, политического и культурного развития социалистического общества. Между тем в ряде научных трудов некоторые научные работники рассматривают принципы той или иной отрасли права как продукт логической обработки норм права. Берется текстуально несколько норм, и из них выводится то общее, что свойственно этим нормам. Это, конечно, совершенно неправильно.

Кандидат юридических наук А. И. Ставцева (ВИЮН), отметив ряд существенных недостатков субъективистского и формально-догматического характера в выпущенных ВИЮН работах по трудовому праву, основное внимание уделила формулировке важнейших задач, стоящих перед наукой советского трудового права в свете решений XIX съезда партии.

Проф. Б. Б. Черепашин (Ленинградский юридический институт) указывает на некоторую опасность, которая проявляется

в нигилистическом отношении ряда ученых-юристов к нормам советского социалистического права. Если бесспорным является то положение, что нормы советского права должны изучаться в их обусловленности общественно-экономическими отношениями, то от этого еще очень далеко до вывода о том, что всякое лицо, применяющее нормы советского права, должно сначала подумать, насколько применение в настоящее время данной нормы обусловлено реальными общественными отношениями. Воля Советского государства, выраженная в нормах, обязательна для каждого из нас, независимо от того, сумеет ли применяющий норму подыскать соответствующие экономические отношения, которыми она обусловлена, или нет.

Б. Б. Черепанин, в основном соглашаясь с тезисами и докладом Д. М. Генкина по вопросу о предмете гражданского права, высказывает сомнения в правильности обоснования гражданско-правового метода регулирования товарным обращением и законом стоимости. Проф. Б. Б. Черепанин полагает, что гражданско-правовой метод регулирования связан с началом демократического централизма, который пронизывает организацию управления советским хозяйством, и поэтому он не может присоединиться к прогнозу о том, что во второй фазе коммунистического общества должно прекратиться существование советского социалистического гражданского права. Гражданско-правовой метод регулирования не следует связывать исключительно с действием закона стоимости, хотя и нельзя отрицать, что известная связь и с законом стоимости и с товарным обращением здесь имеется.

Младший научный сотрудник Н. Г. Салищева (ВИОН) остановилась на характеристике научной работы в области советского административного права. Она указывает, что состояние науки советского административного права находится на низком теоретическом уровне. Между тем значение этой отрасли права сейчас особенно велико. Советское административное право должно научно обосновать вопросы реорганизации аппарата советского государственного управления, вопросы, связанные с административно-правовым методом охраны социалистической собственности, вопросы организации планирования народного хозяйства, вопросы, связанные с применением административно-правовых мер по воспитанию советских граждан в духе коммунизма.

Кандидат юридических наук Г. М. Степаненко (Алма-Атинский юридический институт) отмечает, что правовые формы, в которых осуществляется непосредственное удовлетворение материальных и культурных потребностей общества, почти совершенно не освещаются в нашей юридической литературе. Так, например, в учебнике по советскому гражданскому праву договорам перевозки пассажиров и багажа посвящена одна страница. В учебнике

вовсе не упоминается о договорах, которыми оформляется оказание услуг со стороны социалистических организаций гражданам в области связи, в области удовлетворения различных культурных потребностей и т. д. Несоразмерно мало уделяется внимания в юридической литературе таким важным вопросам, как розничная купля-продажа товаров, договор подряда и т. д.

Кандидат юридических наук А. С. Нерсисян (Верховный суд Армянской ССР) говорит о том, что ВИОН обязан разрабатывать важнейшие актуальные вопросы советского права, интересующие судебные органы и органы арбитража. Он указывает, что в ряде научных работ отсутствует воинствующая критика буржуазных правовых теорий. Совершенно недостаточно разрабатываются вопросы советского строительства, между тем как именно в этих работах имеется чрезвычайно большая нужда на местах. Нам нужны труды о том, как организовать и как вести работу в советских учреждениях.

Кандидат юридических наук И. Д. Перлов (ВИОН) говорит о неизмеримо возросшей сейчас воспитательной роли советского суда, о значении борьбы судебных органов за преодоление пережитков капитализма в сознании людей. Это налагает обязанность на научных работников создать научные работы, глубоко освещающие карательную и воспитательную деятельность советских судов. И. Д. Перлов останавливается на вопросе о разноречии, имеющем еще место в законодательстве союзных республик, о роли научных работников, которые призваны помочь соответствующим органам устранить это разноречие в нормативных актах, ~~задачах~~ стоящих перед наукой советского уголовного процесса в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». И. Д. Перлов подверг критике журналы «Советское государство и право» и «Социалистическая законность» за ряд схоластических дискуссий, организованных ими по вопросам теории советского уголовного процесса, а также работу Государственного издательства юридической литературы.

Проф. Б. С. Утевский (ВИОН) остановился на задачах, стоящих перед наукой уголовного права, на отставании в области советской науки уголовного права, а также на имевших место схоластических дискуссиях по вопросам уголовного права, в особенности на дискуссии о вине. В своем выступлении Б. С. Утевский остановился на ошибках, допущенных им по вопросу о вине.

Проф. Г. К. Матвеев (Киевский университет) отметил, что в настоящее время нельзя договор купли-продажи, с одной стороны, и договор поставки, с другой стороны, рассматривать как разновидности одного договора. Профессора С. Н. Братусь и Д. М. Генкин понимают сферу постановки слишком широко, относят к ней все

случаи планового сбыта и снабжения продукции как между государственными органами, так и между государственными органами и кооперативно-колхозными организациями. Коллектив юридического факультета Киевского университета пришел к другому выводу. Мы считаем, говорит проф. Матвеев, что термины «купля-продажа» и «поставка» должны сохраниться лишь применительно к тем случаям, когда имеет место переход права собственности. В тех же случаях, когда такого перехода нет, следует говорить о каком-то другом договоре, например, о договоре по сбыту-снабжению между государственными организациями.

Остановившись на вопросе о природе государственного предприятия как юридического лица, Г. К. Матвеев критикует точку зрения проф. Д. М. Генкина по этому вопросу, Г. К. Матвеев считает, что при характеристике юридического лица — государственного предприятия необходимо учесть известное высказывание И. В. Сталина о руководящем персонале и людях физического труда на государственном предприятии, как едином производственном коллективе, члены которого кровно заинтересованы в преуспевании и улучшении производства. Точка зрения Д. М. Генкина не дает конструктивного решения этого вопроса. Поэтому вопрос о природе государственного предприятия как юридического лица еще ждет своего окончательного разрешения.

Проф. Е. А. Флейшиц (ВИЮН) указала, что без надлежащего знания марксистской философии и марксистской политической экономии нельзя написать полноценного исследования в области гражданского права, и добавила, что совершенно необходимым для цивилистов является также и приобретение глубоких знаний в соответствующих областях прикладных экономических наук. Неприемлемым считает т. Флейшиц высказанное как т. Алексеевым, так и некоторыми другими отрицательное отношение к категории субъективного права. Важнейшей чертой заслушанных сессией докладов, сказала Е. А. Флейшиц, является признание высокого значения организационной роли советского гражданского права в построении коммунистического общества. Под этим углом зрения нуждается в ряде дополнений доклад И. Б. Новицкого, неполно осветивший значение правовой организации кредитно-расчетных отношений для надлежащего осуществления режима экономии, а также не содержащий анализа ряда гражданско-правовых норм, непосредственно направленных к осуществлению режима экономии.

Проф. С. И. Вильнянский (Харьковский юридический институт) сказал, что одним из основных пороков, которым в особенности страдают представители старшего поколения научных работников юристов, заключается в том, что мы часто продолжаем поддерживать наши излюбленные положения и конструкции, ища для

них подтверждения в различных источниках, в которых в действительности такого подтверждения нет. Это, в частности, относится и к интересному докладу Д. М. Генкина, в котором он попытался пересмотреть вопрос о понятии советского гражданского права.

Д. М. Генкин считает, что советское гражданское право призвано регулировать вытекающие из социалистической собственности и производной от нее личной собственности имущественные отношения, в которые входят также и отношения экономического оборота. Таким образом, вместо понятия «советский оборот», которое раньше фигурировало в определениях понятия гражданского права, даваемых Д. М. Генкиным, у него появляется понятие «экономический оборот», причем этот «экономический оборот» входит в отношения собственности. — Если я правильно понял Д. М. Генкина, — говорит С. И. Вильнянский, — то он полагает, что содержание советского гражданского права определяется товарным обращением. Когда будет ликвидировано товарное обращение, будет ликвидировано и советское гражданское право, как проблема права в целом. Следовательно, по Д. М. Генкину выходит, что не только содержание гражданского права, но и содержание всего советского права определяется товарным обращением. Но тогда не найдена специфика гражданского права. Остается непонятным и неясным, что же является предметом советского гражданского права?

Кандидат юридических наук Р. О. Халфина (Институт права Академии наук СССР) полагает, что одним из основных недостатков науки советского гражданского права является то, что в последние годы наша наука ушла от разработки основных общетеоретических вопросов. Не разработаны такие вопросы, как вопрос о предмете и системе советского гражданского права, вопрос о правоотношениях, и совершенно прав проф. Д. М. Генкин в своей попытке определить предмет гражданского права, исходя из самого содержания тех общественных отношений, которые являются предметом правового регулирования. Но с самим решением этого вопроса, которое дал здесь Д. М. Генкин, согласиться нельзя. Д. М. Генкин в качестве основного критерия, помогающего отграничить область гражданского права от других областей права, берет сферу действия закона стоимости. В действительности же сфера действия закона стоимости ни в какой мере не ограничивается теми отношениями, которые находятся в сфере действия гражданского права. Если мы возьмем отношение хозяйственного расчета внутри предприятия, где сказывается воздействие закона стоимости, то мы поймем, что мы имеем дело с правовыми отношениями, регулируемые другими отраслями права, в частности административным и трудовым правом.

Доцент М. С. Липецкер (Высшие курсы усовершенствования юристов МЮ

СССР) не соглашается с содержащейся в докладе Д. М. Генкина постановкой вопроса о предмете советского гражданского права.

До сего времени в нашей литературе нет ответа на вопрос о том, каковы критерии разграничения различных отраслей права. Предмет правового регулирования для одних отраслей права определяется применительно к отраслям социалистической экономики, для других отраслей права определяется признаком оказывается особый характер средств производства, в связи с которыми возникают отношения, регулируемые данной отраслью права; для третьих отраслей права в качестве критерия выбрана определенная сторона деятельности государственного аппарата. Естественно, что применение совершенно различных критериев не дает возможности построить единообразную систему права, не дает возможности провести четкие границы между отдельными отраслями права. Отношения, в действительности регулируемые гражданским правом, далеко не однородны. В них входят и имущественные отношения и отношения, которые по своему экономическому содержанию имущественными не являются и только по своей форме подобны имущественным отношениям.

Кандидат юридических наук А. А. Рускол (ВИОН) останавливается на вопросе о правовом положении колхозной собственности и о мерах ее повышения до уровня общенародной собственности. В учебнике колхозного права неправильно отрицался групповой характер колхозной собственности. Тов. Рускол критикует высказывания тов. Колганова в статье «Собственность и коммунизм», помещенной в журнале «Октябрь», где автор утверждает, что колхозная собственность является в определенной части долевой собственностью. Утверждение тов. Колганова о долевом характере колхозной собственности надо самым решительным образом отвергнуть. Колхозная собственность, несмотря на ее групповой характер, является одной из форм общественной, социалистической собственности. Повышение колхозной собственности до уровня общенародной собственности требует всемерного укрепления как государственной, так и колхозной собственности. А. А. Рускол останавливается на вопросе о продуктообмене, как основном и решающем средстве при наших современных условиях для повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности.

Доцент Е. И. Домбровский (Ташкентский юридический институт) указывает на то, что многие вопросы нашей теории советского социалистического гражданского права излагаются в научных трудах формально-догматически, в отрыве от практики нашего социалистического строительства, в отрыве от экономики, от политики Коммунистической партии. Следует также отметить и формально-догматические методы постановки проблем гражданского права в учебных программах для вузов, вплоть до

последней программы, составленной в 1952 г. Е. И. Домбровский останавливается на ряде примеров расхождения между гражданскими кодексами, действующими в различных союзных республиках.

Одним из важнейших вопросов, которые нуждаются в первоочередной разработке, является вопрос о содержании права социалистической собственности и о способах образования государственной собственности. В настоящее время жизнь выдвигает чрезвычайно интересные и сложные вопросы, требующие своего правового разрешения: строятся крупные государственные сооружения с вложением в них части средств, выделяемых колхозами в соответствии с постановлениями общих собраний членов колхозов.

Доцент Рапопорт (Харьковская юридическая школа) обращает внимание на то, что гражданскими кодексами предусмотрен ряд договоров, с которыми связан переход права собственности. Перед нами стоит проблема: какое правовое регулирование надлежит давать тем договорным отношениям, где обеими сторонами являются государственные органы. Очевидно, что определение договора займа, которое имеется в Гражданском кодексе, в настоящее время нельзя использовать для случаев банковских ссуд, выделяемых государственным органам. Договор займа теперь надо исключить из темы о кредитных правоотношениях и излагать его особо, а в теме о расчетно-кредитных правоотношениях следует говорить не о займе, а о банковских ссудах. Неправильно утверждение проф. Д. М. Генкина, что в качестве главного основания для отнесения различных имущественных отношений к области советского гражданского права является нахождение их под действием закона стоимости. Имеется ряд имущественных отношений, отнесенных действующим законодательством к области советского гражданского права, которые вместе с тем не связаны с законом стоимости, например, передача зданий или сооружений одним государственным органом другому.

Кандидат юридических наук В. А. Тархов (Саратовский юридический институт) отметил как одну из наиболее значительных ошибок цивилистов ВИОН восприятие ими ошибочной концепции проф. А. В. Венедиктова о государственном юридическом лице и не менее ошибочной концепции кандидата юридических наук О. С. Иоффе об объекте правоотношения. Важным недостатком научных работ в области гражданского права является одностороннее освещение вопросов, т. е. освещение лишь правовой стороны вопроса, без достаточно глубокого исследования экономической стороны того же явления.

Неправильна точка зрения проф. С. Н. Братуся, полагающего, что необходимо признать правосубъектность за всеми организациями, обладающими необходимыми экономическими данными, независимо от того,

говорится ли об этом прямо в законе или нет. Отнесение всех организаций к юридическим лицам вряд ли будет всегда правильным и удачным потому, что в некоторых случаях мы будем иметь дело с такими субъектами гражданских прав, деятельность которых правовыми нормами не регламентируется.

Доцент С. М. Джорбинадзе (Тбилисский университет) останавливается на значении общих понятий в советском праве. Он полагает, что неправильно делают товарищи, когда говорят, что понятие субъективного права в настоящее время потеряло свое значение. Разумная абстракция необходима, без этого нет и науки. У нас очень мало написано трудов по вопросам методологии гражданского права. Неправильна статья проф. Аскназия «Общие вопросы теории гражданского права», опубликованная в 1951 г. В этой статье проф. Аскназий смешивает понятие производства с правовыми понятиями. Такие же ошибки повторяются и в работе доц. Иоффе. Тов. Иоффе пишет, что есть отношения, которые непосредственно связаны с производством и обращением, и есть отношения, которые не связаны с производством и обращением. О. С. Иоффе основательно запутал также вопрос об объектах права.

Доц. Ф. И. Гавзе (Минский юридический институт) указывает, что именно основной экономической закон социализма диктует нашему праву принцип реального исполнения. Некоторые товарищи говорят, что у нас мало гражданско-правовых норм для проведения этого принципа в жизнь. Это неверно. Роль гражданского права в осуществлении экономических законов может быть лучше выявлена в том случае, когда мы будем связывать вопрос с тем, как объективные экономические законы вызывают к жизни те или иные юридические нормы. Нормы советского права могут быть глубоко поняты, а значит правильно и эффективно применены на практике и правильно проанализированы в теории только в том случае, когда применяющие и изучающие эти нормы хорошо разберутся в социально-экономической их основе. Таким образом, без выявления экономической обусловленности закона нельзя точно установить его целевой установки. Только таким путем можно избежать волюнтаристских ошибок.

Доц. Бекбулатов (Ташкентский юридический институт) отметил, что в учебнике колхозного права для вузов отрицался групповой характер колхозной собственности. Неудачно излагался вопрос о колхозных правоотношениях с полным отрывом его от развития экономики колхозов и совершенно недостаточное внимание уделялось важным вопросам укрупнения колхозов. Опыт многих лет подтверждает, что система продуктообмена, применяемая в хлопководных колхозах Узбекской ССР, очень выгодна для колхозников. Преимущество ее заключается в том, что она спо-

собствует быстрому росту общественного хозяйства, повышению урожайности, улучшению благосостояния колхозников.

Доц. Маслов (Харьковский юридический институт) остановился на двух вопросах: об определении социалистического государственного органа как органа управления государственной собственностью и о понятии поставки в социалистическом обществе. Определение государственного органа, данное проф. Венедиктовым и проф. Братусем, является правильным. Его, конечно, необходимо разрабатывать дальше, но несомненно, что фигура юридического лица в условиях сохранения действия закона на стоимости является необходимой формой, которую использует государство для осуществления расширенного процесса воспроизводства путем выделения отдельным коллективам трудящихся в оперативное управление определенной части государственного имущества. Весьма спорно высказанное некоторыми товарищами на сессии мнение о том, что договор поставки необходимо резко отграничить от договора купли-продажи. Известное право на существование имеет точка зрения, высказанная здесь М. С. Липецкером, о том, что договор поставки является разновидностью договора купли-продажи.

Проф. М. А. Гурвич (ВЮЗИ) указал, что одной из наиболее отсталых отраслей нашей юриспруденции является отрасль гражданского процессуального права. Написанные до сего времени теоретические работы по гражданскому процессу страдают существенными недостатками и ошибками. В первую очередь, я должен отметить ошибки, допущенные в своих собственных работах, в частности, в монографии «Право на иск». М. А. Гурвич остановился также на ошибках, имевшихся в советской литературе по гражданскому процессу, а также на ближайших задачах науки гражданского процесса.

Кандидат юридических наук П. Г. Семенов (ВЮЮН) отмечает, что одним из существенных минусов, свойственных нашей юридической науке и существенно препятствующих ее развитию, является тот проявившийся за последние годы в ряде вопросов факт, что некоторые советские ученые-юристы слишком боятся самостоятельности в решении теоретических проблем. Стремление во что бы то ни стало спрятаться за спину авторитета весьма типично для этих товарищей. Причина этого печального факта в недостаточной марксистско-ленинской подготовленности некоторых наших научных работников. В настоящее время правильно вскрыты субъективистские ошибки, содержащиеся в советской правовой литературе. Но нельзя допускать и другую ошибку противоположного порядка, нельзя право выводить непосредственно из экономики, впадать в «экономизм» и забывать о том, что право — это возведенная в закон воля господствующего класса. П. Г. Семенов критикует проф. В. М. Чиквадзе за допущен-

ные им ошибки в вопросе о роли и значении марксистских общих понятий.

В конце заседания сессии были заслушаны заключительные слова трех докладчиков: проф. Новицкого И. Б., проф. Генкина Д. М. и проф. Братуся С. Н.

В своем заключительном слове проф. И. Б. Новицкий признал правильной критику Н. И. Красновым его работы о реальном исполнении обязательств, в которой изложение ведется по старинке, т. е. сначала дается право римское, право буржуазное и уже после право советское.

— Я считаю правильным, — сказал И. Б. Новицкий, — замечание т. Гавзе о том, что изложение договора в моей книге «Общее учение об обязательстве» можно с успехом применить к другой формации. В то же время проф. Новицкий не соглашается с проф. Флейшиц по вопросу о том, что нормы права, направленные на то, чтобы не допускалось нарушение плана, не касаются борьбы за режим экономии. Если бы мы добились такого положения, чтобы каждое предприятие выполняло свой план и в количественном и в качественном отношении и по всем показателям, то вопрос о режиме экономии мог бы быть снят с повестки дня, потому что режим экономии это в первую очередь есть борьба за выполнение плана.

В своем заключительном слове проф. Д. М. Генкин признал, что ряд критических замечаний, сделанных во время конференции по отдельным вопросам, поставленным в его докладе, имеет несомненно большую ценность.

— Я считаю правильным, — сказал Д. М. Генкин, — те указания, которые сделал в своем выступлении П. Г. Семенов. Несомненно, если со всей решительностью необходимо бороться с проникновением в работу по советскому гражданскому праву субъективистских идеалистических концепций, то с наименьшей решительностью необходимо бороться с фетишизацией экономических законов, с проповедью теории самотека, с отрицанием особенностей творческой роли Советского государства.

Обращаясь к вопросу о правовом положении государственного предприятия и о признании его юридическим лицом, Д. М. Генкин сказал, что за исключением самого Советского государства, которое является субъектом прав, но к которому не приложимо понятие юридического лица, все остальные государственные предприятия, если они признаются субъектами прав и обязанностей, тем самым должны быть признаны и юридическими лицами.

— Я не могу согласиться, — говорит Д. М. Генкин, — с теми товарищами, которые полагают, что есть государственные органы — субъекты прав, но не юридические лица.

Остановившись на вопросе о разграничении договоров поставки и купли-продажи, Д. М. Генкин высказал тот взгляд, что купли-продажа в основном является пра-

вовой формой последнего звена товарного оборота, а именно розничного оборота. Что же касается распределения средств производства между госорганами и оптового товарного обращения между социалистическими организациями, то их правовой формой является договор поставки.

Проф. С. Н. Братусь в заключительном слове указал, что он не может согласиться с точкой зрения, высказанной на конференции проф. Г. К. Матвеевым, который в основу разграничения договора поставки и договора купли-продажи берет момент перехода права собственности в договоре купли-продажи и отсутствие такого перехода по договорам сбыта-снабжения социалистической продукции, заключаемым между государственными предприятиями. Не согласился проф. С. Н. Братусь и с точкой зрения, высказанной М. С. Липецкером, который считает, что договор поставки это — разновидность договора купли-продажи.

Проф. С. Н. Братусь указал, что прения, развившиеся по его докладу, позволяют ему уточнить некоторые формулировки, содержащиеся в этом докладе. С учетом указанного он полагает, что хозяйственный договор является особой формой проверки соответствия конкретного планового акта распределения продукции хозяйственным потребностям и нуждам предприятия, а следовательно, и действительным плановым потребностям данной оперативной единицы.

Проф. С. Н. Братусь указывает на неправильность точки зрения, отождествляющей директора предприятия с юридическим лицом и права директора с полномочиями предприятия как юридического лица. Эта точка зрения приводит по существу к неправильному выводу о том, что государственное юридическое лицо — это персонификация должностного лица, директора, или же к выводу о том, что юридическое лицо — это персонифицированное имущество.

— Я не могу принять, — говорит проф. С. Н. Братусь, — ни ту, ни другую точку зрения. Обе эти точки зрения являются разновидностями буржуазной теории фикции. Но это не значит, что точка зрения проф. А. В. Венедиктова по вопросу о природе юридического лица является безупречной. Несомненно, однако, что концепция проф. А. В. Венедиктова имеет «рациональное зерно». Точка зрения, в силу которой директор и коллектив неразрывно связаны, дает возможность правильно диалектически решить вопрос о субстрате социалистического предприятия.

По заслушании заключительных слов проф. И. Б. Новицкого, проф. Д. М. Генкина и проф. С. Н. Братуся, проф. И. Т. Голяков закрыл сессию, поблагодарив ее участников за активное участие в обсуждении поставленных институтом докладов на данной сессии

С. К.

Трибуна Читателя

ИЗМЕНИТЬ СТИЛЬ РУКОВОДСТВА ПО УГОЛОВНО-СУДЕБНОМУ НАДЗОРУ

В журнале № 2 1952 года была опубликована моя корреспонденция «Недооценка работы по уголовно-судебному надзору прокуратуры». В корреспонденции были предъявлены очень серьезные претензии к уголовно-судебным отделам Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР, которые не уделяли должного внимания уголовно-судебному надзору: не организовали обмена опытом работы, не созывают совещаний прокурорских работников по уголовно-судебной работе, не поощряют лучших прокуроров, хорошо организовавших надзор за рассмотрением судами уголовных дел, не оказывают достаточной конкретной помощи уголовно-судебным отделам областных прокуратур в налаживании работы и в устранении недостатков, сводя все свое руководство периферией главным образом к направлению разного рода поручений по обобщению отдельных категорий дел и к проверке дел в порядке надзора по жалобам, направляемым для разрешения в областные прокуратуры.

Приведенные в моей корреспонденции факты не были опровергнуты, более того, в последующих номерах журнала редакцией были опубликованы сообщения о том, что уголовно-судебные отделы Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР принимают меры к устранению имеющихся недостатков.

С тех пор прошло свыше года, но положение осталось прежним, и со стороны уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР не заметно улучшений в руководстве работой по уголовно-судебному надзору.

Уголовно-судебным отделом Прокуратуры СССР не было созвано совещание по уголовно-судебному надзору, на котором следовало бы обменяться опытом работы, наметить необходимые практические мероприятия по улучшению всего прокурорского надзора за рассмотрением судами уголовных дел. Уголовно-судебный отдел Прокуратуры СССР не провел намечавшуюся в сентябре 1952 года всесоюзную учебно-методическую конференцию начальников уголовно-судебных отделов областных прокуратур, которая, несомненно, способствовала бы повышению квалификации начальников уголовно-судебных отделов.

Прокуратурой СССР изредка поощряются лучшие государственные обвинители, но до сих пор не было поощрений тем прокурорам (областным, районным, их по-

мошнякам), которые не только хорошо выступают в суде, но и хорошо организовали всю работу по надзору за рассмотрением судами уголовных дел. Предлагая проводить методические конференции государственных обвинителей на местах и стенографирование речей прокуроров, выступающих в процессах, и последующие обсуждения этих речей, Прокуратура СССР попрежнему не отпускает средств на эти цели, и таким образом эти мероприятия невозможно проводить.

Прокуратура РСФСР продолжает систематически направлять в областные прокуратуры поручения, касающиеся обобщения отдельных категорий дел, причем иногда эти задания предлагается провести в рекордно короткий срок.

Хочется остановиться на двух очень серьезных недостатках Прокуратуры РСФСР. У Прокуратуры РСФСР в ряде случаев отсутствует принципиальность в разрешении вопросов, связанных с рассмотрением уголовных дел в Верховном суде РСФСР. Между тем отдельные члены Верховного суда РСФСР занимают довольно странную позицию в кассационной инстанции: то суд в их составе отменяет приговор за мягкостью наказания, то после повторного рассмотрения того же дела приговор, вынесенный в соответствии с материалами дела, с учетом степени опасности совершенного преступления и на основе указания Верховного суда РСФСР, изменяется и реальная мера наказания заменяется условной.

Участились случаи послышки Прокуратурой РСФСР жалоб на рассмотрение областных прокуратур, причем не мало фактов засылки таких жалоб не по назначению в Смоленскую областную прокуратуру (жалоба Соломонова на приговор народного суда 2-го участка Тракторозаводского района г. Липецка Воронежской области, жалоба Антопова на приговор народного суда г. Сталинска Кемеровской области), или направления таких жалоб, которые без всякой проверки с успехом могли бы разрешить сами работники Прокуратуры РСФСР.

Нередки случаи, когда уголовно-судебный отдел Прокуратуры РСФСР, получив от Смоленской областной прокуратуры подробное, мотивированное постановление об отказе в пересмотре уголовного дела в порядке надзора в отношении какого-либо жалобщика, через некоторое время из-за неполадок в своей канцелярии вновь пору-

чает областной прокуратуре истребовать из суда дело, проверить его в порядке надзора и вновь выслать в Прокуратуру РСФСР свое заключение. Например, 18 августа 1952 г. областной прокуратурой было направлено в Прокуратуру РСФСР постановление об отказе в удовлетворении жалобы Шкарева С. С. на приговор суда. 17 января 1953 г. из Прокуратуры РСФСР вновь поступает аналогичная жалоба Шкарева С. М., и слова перед нами ставится вопрос о проверке в порядке надзора уголовного дела по обвинению Шкарева. Необходимо Прокуратуре РСФСР устранить недостатки в работе по разрешению жалоб.

Очень большим недостатком является тот факт, что нет живой связи работников уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР с начальниками уголовно-судебных отделов областных прокуратур. Особенно это относится к некоторым работникам Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, которые формально-бюрократически относятся к запросам и просьбам с мест.

В 1952 году я четыре раза обращался письменно с просьбами к начальнику Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, но ни на один вопрос не получил ответа. Например, 25 октября 1952 г. я направил заявление на имя начальника Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, в котором просил оказать содействие в прекращении случаев неправильно использования прокуроров уголовно-судебного отдела областной прокуратуры. Это заявление по неизвестной причине попало в Управление кадров Прокуратуры СССР, которое только 18 ноября 1952 г. направило его заместителю Прокурора РСФСР по кадрам т. Терехову для проверки и принятия мер, а Прокуратура РСФСР в конце декабря 1952 года направила мое заявление областному прокурору т. Чекалову.

Спрашивается, где оперативность начальника Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР и для чего допускать такую волокиту?

Уголовно-судебный отдел Прокуратуры РСФСР не стремится к тому, чтобы помочь советом периферийным работникам, быстрее реагировать на их сигналы, запросы.

Например, судебные органы Смоленской области не имели указаний от Министерства юстиции РСФСР о том, как квалифицировать действия лиц, самовольно ушедших с лесозаготовок. По совету и. о. начальника Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР т. Гинцбурга мною было направлено письмо на его имя, в котором я просил поставить вопрос перед Министерством юстиции РСФСР об указаниях по этому вопросу судам области. Ответ в областную прокуратуру так и не поступил, хотя я дважды разговаривал с начальником Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР т. Митрофановой.

Или, например, Верховный суд РСФСР, рассматривая дела Смоленского областного суда в кассационной инстанции и оставляя судебные приговоры в силе, систематически задерживает возвращение этих дел в суд, вследствие чего исполнение приговоров затягивается.

13 января 1953 г. Верховный суд РСФСР, оставив в силе приговор Смоленского областного суда по делу работников Смоленского отделения Росснабсыта Кербеля, Шукиной, Кейтлина, не возвратил этого дела в областную суд. Я дважды просил по телефону начальника Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР т. Митрофанову выяснить, где дело, и принять меры к возвращению его в областную суд. Тов. Митрофанова дважды обещала узнать и сообщить об этом телеграммой. Долгожданная телеграмма, наконец-то, 1 марта поступила в областную прокуратуру, но, увы, в ней было написано лишь то, что уже нам было известно, а именно, что 13 января Верховный суд РСФСР оставил в силе определение областного суда по делу Кербеля.

Прокурор области был вынужден обратиться с письмом к Прокурору РСФСР т. Баранову, в котором просил принять меры к своевременному возвращению дел Верховным судом РСФСР в Смоленский областной суд. В этом письме указывалось, что из-за невысылки дела Кербеля областная прокуратура не в состоянии разрешить поступившую из Прокуратуры РСФСР жалобу Дольникова Б. А. на волокиту в исполнении приговора по этому делу. Наше письмо также было передано в Уголовно-судебный отдел, и последний через месяц сообщил, что уголовные дела по обвинению Кербеля и Дольникова находятся на рассмотрении в Верховном суде СССР в порядке надзора. Спрашивается, почему Уголовно-судебный отдел Прокуратуры РСФСР превратил жалобщика Дольникова в подсудимого? Объясняется ли такой ответ невнимательностью или какими-либо другими причинами, сказать трудно! Вывод один: правильного и своевременно ответа от работников Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР нам получить не удалось.

Серьезным недостатком, мешающим прокурорским работникам быстро устранять неполадки в работе по уголовно-судебному надзору, является то, что руководители прокуратур не принимают мер к организации широкого развертывания самокритики и критики снизу.

Работники Прокуратуры РСФСР, например, будучи недовольными той критикой, которая была в моей корреспонденции в адрес Прокуратуры РСФСР, вскоре после опубликования исключили меня из списка на выдвижение, в котором я состоял с 1949 года, после окончания курсов повышения квалификации руководящих работников органов прокуратуры. Работники Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР участвовали посылку в областную

прокуратуру замечаний на письма, представления и т. д., причем в отдельных случаях эти замечания были несправедливыми. Например, заместитель областного прокурора т. Кожевников, помимо уголовно-судебного отдела, направил в Прокуратуру РСФСР уголовное дело по обвинению Фроленкова в краже с надзорным представлением по поводу его оправдания. Это представление Прокуратурой РСФСР было отклонено, и в письме на имя прокурора области указывалось на якобы неправильные действия с моей стороны по опротестованию этого приговора, хотя дело было направлено без моего вмешательства.

Аналогичную позицию заняли и работники Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР. В Смоленскую прокуратуру в конце мая 1952 года был направлен для проверки прокурор Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР, который в течение нескольких дней проверял состояние работы по поддержанию государственного обвинения и по принесению кассационных и частных протестов за 1951 год и первый квартал 1952 года. Эта проверка в отдельных случаях была произведена необъективно, в ней было допущено немало неточностей и искажений, в связи с чем я не подписал акта проверки. В конце июня 1952 года на совещании при начальнике Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР был заслушан доклад о результатах проверки и мои объяснения по акту проверки, причем в прениях некоторые выступавшие ставили мне в упрек то, что я писал о недостатках в работе в журнал «Социалистическая законность», чего я, по их мнению, не должен был делать. Лишь в конце сентября 1952 года на имя областного прокурора поступило из Прокуратуры СССР указание по итогам проверки, а в конце ноября 1952 года из Прокуратуры СССР несколько раз звонили в Смоленскую областную прокуратуру и просили

выслать копию акта проверки, — неужели же подлинник акта в Прокуратуре СССР утерян?!

Такая скоропалительная проверка, без оказания практической помощи, несвоевременное направление по итогам проверки указания свидетельствуют о плохом отношении отдельных работников Уголовно-судебного отдела Прокуратуры СССР к служебному долгу, а также и о том, что критика снизу им неприятна.

Необходимо принять меры к изменению стиля руководства со стороны Уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР работой по уголовно-судебному надзору, усилить конкретную практическую помощь периферийным работникам и укрепить живую повседневную связь уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР с начальниками уголовно-судебных отделов областных прокуратур. В целях обмена опытом и улучшения качества прокурорского надзора необходимо проводить не только учебно-методические конференции начальников уголовно-судебных отделов, но и всесоюзные и республиканские совещания прокурорских работников по уголовно-судебному надзору, поощрять хороших работников.

Будет полезно и целесообразно, если Генеральный Прокурор СССР и Прокурор РСФСР заставят работников уголовно-судебных отделов Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР улучшить качество своего руководства работой подчиненных прокуратур, а главное обеспечить широкое развертывание самокритики и критики снизу, что, несомненно, приведет к устранению недостатков и ошибок в прокурорском надзоре за рассмотрением судами уголовных дел.

Начальник уголовно-судебного отдела прокуратуры Смоленской области
В. Пчелин

В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ БАШКИРСКОЙ АССР НЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ КРИТИКУ СНИЗУ,

В газете «Совет Башкортостаны» 18 мая 1952 г. была напечатана статья, озаглавленная «За четкое осуществление советских законов». В ней критиковались недостатки в работе судебных органов республики, приводились серьезные факты нарушения советских законов при рассмотрении отдельных уголовных дел некоторыми народными судами, особенно председательствующими на судебных заседаниях народных судов, факты затягивания некоторыми судами сроков рассмотрения дел до пяти-

шести месяцев и до года, волокиты и бюрократизма в работе органов юстиции; в статье критиковалось Министерство юстиции Башкирской АССР за слабую работу по улучшению деятельности народных судов и за непринятие конкретных мер в отношении судей, нарушающих советские законы.

Однако руководство Министерства юстиции Башкирской АССР (т. Рахматуллин) не сделало из этого надлежащих выводов, не наметило мероприятий по устранению

недостатков, указанных в опубликованной статье, не приняло достаточных мер для улучшения работы с кадрами. Этим самым Министерство юстиции Башкирской АССР замазало недостатки, продолжало действовать, исходя из ложного убеждения, будто у него «все в порядке». Оно старалось обвинить автора статьи «За четкое осуществление советских законов» в неправильном освещении фактов. Серьезные недостатки в работе народных судов не тревожили министра юстиции т. Рахматуллина, и он не принял достаточных мер для устранения этих недостатков. Пленум Кировского районного комитета партии в г. Уфе также отметил, что в министерстве юстиции республики трудовая дисциплина находится в неудовлетворительном состоянии, допускается медлительность и волокита при рассмотрении писем трудящихся, а партийная организация министерства проходит мимо недостатков в работе аппарата, не мобилизует служащих на искоренение бюрократизма.

2 июня 1952 г. газета «Правда» в статье «Поддержать критику не на словах, а на деле» отметила, что в работе первичной партийной организации министерства юстиции и его аппарате ничто к лучшему не изменилось: все также нарушаются установленные сроки рассмотрения жалоб, многие письма трудящихся месяцами остаются без внимания, например, жалоба Самигуллиной на волокиту в народном суде 1-го участка Илишевского района пролежала в министерстве юстиции Башкирской АССР более шести месяцев. В статье было отмечено, что причина неудовлетворительного выполнения решения пленума райкома состоит в том, что руководители министерства отмахиваются от критики... Министр юстиции боится, как бы еще на собрании не осмелились критиковать его как коммуниста.

Все эти критические замечания по адресу органов юстиции напоминали работникам министерства юстиции Башкирской АССР о необходимости коренного улучшения руководства народными судами, о недопустимости впредь подобных ошибок в работе.

Однако ввиду беспечного отношения работников министерства юстиции Башкирской АССР, особенно его руководителя т. Рахматуллина, к поступившим сигналам в министерстве и сейчас все еще повторяются прежние ошибки, здесь все еще нет критики и самокритики. Вот факты.

В газете «Кызыл-Тан» 31 октября 1952 г. был опубликован фельетон под заголовком «Судья, соблюдающий свои личные интересы», в котором говорилось о том, что народный судья 1-го участка Миякинского района Абдрахманов, соблюдая свои личные интересы, грубо нарушает советские законы.

В правильности такой критики по адресу судьи Абдрахманова в Миякинском районе

никто не сомневался, и миякинцы с одобрением встретили эту статью. Они ожидали, что министерство юстиции Башкирской АССР теперь-то уж примет конкретные меры в отношении Абдрахманова.

Мало того, еще до появления фельетона было несколько писем о судьбе Абдрахманова на имя т. Рахматуллина. Управляющий Миякинским отделением Госбанка т. Файзуллин по этому вопросу сам был у министра. Факты опять не возмутили т. Рахматуллина. Он сказал т. Файзуллину: «Не говорите пустое, я Абдрахманова хорошо знаю, он законы не нарушал». Тов. Рахматуллин подтвердил, что народный суд под председательством Абдрахманова правильно возвратил на работу Никитина, потерявшего политическую бдительность. А Никитин, работая в Миякинском отделении Госбанка, систематически нарушал трудовую дисциплину — спал на посту и в ночное время пропускал в помещение Госбанка неизвестных людей. Верховный суд Башкирской АССР также оставил в силе решение народного суда 1-го участка Миякинского района о восстановлении Никитина на работе. По возвращении дела из Верховного суда Башкирской АССР народный судья Абдрахманов не давал покоя управляющему отделением банка Файзуллину: он многократно вызывал его в суд без надобности, бранил, оштрафовал его, грозил ему арестом.

Для проверки фактов, изложенных в фельетоне об Абдрахманове, в Мияки прибыл старший консультант министерства юстиции Башкирской АССР т. Сафиуллин.

Обвиняя работников банка в выдаче материала для фельетона, т. Сафиуллин сделал вывод, что факты, описанные в фельетоне, неправильны, а Абдрахманов действовал законно. Сафиуллин и Рахматуллин хотели создать искусственный авторитет народному судье Абдрахманову. Это можно подтвердить тем, что решение народного суда 1-го участка Миякинского района от 22 апреля 1952 г. и определение Верховного суда Башкирской АССР от 26 мая 1952 г. о восстановлении Никитина на работе отменены судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР 18 сентября 1952 г. и в иске Никитину к Миякинскому отделению Госбанка о восстановлении на работе и об оплате за вынужденный прогул отказано, между тем Сафиуллин считал действия народного суда о восстановлении Никитина на работе правильными. Так писал в своем заключении т. Сафиуллин, и его заключение утвердил т. Рахматуллин. У министра юстиции т. Рахматуллина сложилось совершенно неправильное, необоснованное мнение по поводу фельетона, и он написал в редакцию газеты «Кызыл-Тан», что якобы «фельетон от начала до конца не соответствует действительности, авторами фельетона материал воспринят неправильно».

Работа по политическому воспитанию

судебных работников поставлена неудовлетворительно. Об этом говорит тот факт, что несколько судей и судебных исполнителей в 1952 году привлекались к ответственности за нарушения закона.

Десятки уголовных дел в народных судах рассматриваются с большим опозданием, что нарушает установленные законом сроки. Есть случаи необоснованных арестов по определениям суда. Например, народный суд 1-го участка Орджоникидзевского района г. Черниковска под председательством народного судьи Бродской, рассмотрев 23 декабря 1952 г. в подготовительном заседании уголовное дело по обвинению Кузнецова в хулиганстве, вынес определение о его аресте. Уфимский областной суд своим определением от 19 января 1953 г. направил дело по обвинению Кузнецова на новое рассмотрение в народный суд 1-го участка Калининского района г. Черниковска. Народный суд Калининского района (под председательством народного судьи т. Южакова), не найдя в действиях Кузнецова состава преступления, 16 февраля 1953 г. оправдал его.

Такие факты не единичны, они есть в народных судах Молотовского, Кировского, Ждановского районов г. Уфы. Они говорят о том, что министерство юстиции Башкирской АССР совершенно недостаточно руководит народными судами, не оказывает им практической помощи, ревизии проводит в судах не систематически, плана ревизии не выполняет.

Отдельные народные судьи до сих пор не понимают значения пропаганды советских законов, они не отчитываются перед народом, занимаются лишь рассмотрением судебных дел в стенах своих кабинетов. К таким народным судьям относятся тт. Хазиев (1-й участок Нуримановского района), Якупов (Салаватский район), Валеев (Улу-Телякский район) и некоторые другие. Эти народные судьи в течение прошлого года не провели ни одной беседы на правовые и политические темы: так же оторванно от народа они работают и в нынешнем году.

Факты говорят, что министр юстиции т. Рахматуллин не знает отдельных работников юстиции.

Вот пример. Варганов работал судебным исполнителем народного суда 1-го участка Залаирского района, 22 июля 1950 г. приказом самого же министра юстиции он освобожден от работы. В 1952 году министр решил наказать Варганова за неудовлетворительную работу. В приказе № 61 от 23 декабря 1952 г. за подписью т. Рахматуллина сказано: «1) За недобросовестное и небрежное отношение к исполнению решения суда о взыскании алиментов в пользу гр-ки Бакулиной судебному исполнителю народного суда 1-го участка Залаирского района т. Варганову объявить выговор; предупредить т. Варганова, что в

случае повторения подобной небрежности в исполнении судебных решений он будет привлечен к более серьезной ответственности. 2) Обязать народного судью т. Черепинину усилить контроль за работой судебного исполнителя и не допускать волокиты в исполнении судебных решений».

Увы, Министр юстиции т. Рахматуллин опоздал наказать Варганова, так как последний умер еще в 1951 году!

Можно было бы привести ряд примеров несвоевременного проведения в жизнь некоторыми судами республики указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии». Народный суд 1-го участка Ждановского района г. Уфы (он расположен рядом с министерством юстиции республики) более полумесяца держал уголовные дела об арестованных, подлежащие немедленному рассмотрению после объявления указа «Об амнистии». Так было с делом по обвинению Рыкина по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», арестованного еще в 1952 году и находившегося в этом суде с февраля 1953 года. Рыкин был привлечен к ответственности за недостачу 1900 руб. государственных средств. Дело по обвинению Рыкина подлежало немедленному прекращению в соответствии с пунктом «в» ст. 5 указа «Об амнистии», но оно было рассмотрено судом только 13 апреля 1953 г., т. е. через семнадцать дней после объявления указа «Об амнистии». Таких фактов немало и в других судах.

Министр юстиции Башкирской АССР т. Рахматуллин и работники отдельных судов республики не хотят понять всей важности улучшения работы судебных органов и вместо действительной борьбы с недостатками продолжают помогать зажимщикам критики снизу и глушат ее сами.

Товарищ Маленков в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии говорил: «Задача партии заключается в том, чтобы все более широко развертывать критику и самокритику, устранять все, что препятствует и мешает этому делу... Последовательное проведение в жизнь лозунга критики и самокритики требует решительной борьбы со всеми, кто препятствует ее развертыванию, кто учиняет преследования и гонения за критику. Работники, не способствующие развертыванию критики и самокритики, являются тормозом нашего движения вперед, они не созрели для того, чтобы быть руководителями, и не могут рассчитывать на доверие партии».

Министерство юстиции Башкирской АССР должно в корне улучшить свою работу, чтобы она стояла на уровне требований Коммунистической партии Советского Союза.

Х. Юсупов

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ РАБОТЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С первых дней своего существования Советское государство уделяло огромное внимание борьбе с детской преступностью, беспризорностью и безнадзорностью. На устройство, воспитание и образование детей Советское правительство никогда, даже в трудные дни войны, не жалело сил, средств и времени.

В советской стране уничтожены социальные причины, порождающие детскую преступность, беспризорность и безнадзорность. Давно ликвидирована неграмотность среди детей и подростков, уничтожено бесправное положение молодежи, нет эксплуатации детского труда, издевательств над детьми и т. п. Эти меры обеспечили резкое сокращение преступности, беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних.

Здесь мы добились огромных успехов, и с нами не сможет идти в сравнение никакая капиталистическая страна в мире.

В США как общая, так и детская преступность не снижается, а неудержимо растет. В марте сего года газета «Вашингтон пост» опубликовала сообщение, что детская преступность в Вашингтоне в 1952 году была на 60,5 процента выше уровня 1951 года, 24 процента всех арестованных составляют подростки моложе 17 лет.

Советский Союз стоит на пороге полной ликвидации преступности и беспризорности среди детей и юношества.

Но было бы совершенно неправильно и вредно считать, что эта задача уже решена и что можно не обращать внимания на серьезные недостатки в работе по делам несовершеннолетних. Советское правительство и партийные органы, наоборот, постоянно требуют и напоминают нам о необходимости усиления воспитательной работы и по предупреждению преступных проявлений среди детей.

Прежде всего, неудовлетворительно поставлена организация работы по делам несовершеннолетних в некоторых органах юстиции, прокуратуры и милиции. Значение этой работы подчас сильно принижено. Работе групп по делам несовершеннолетних в прокуратурах областей не уделяется должного внимания.

Нет возможности перечислить все «доводы», которыми «обосновывают» свою безучастность к делам несовершеннолетних многие руководящие работники прокуратуры и милиции.

Прокурор РСФСР т. Баранов мало уделяет внимания этому участку работы, видимо, считая нецелесообразным существование в органах прокуратуры групп по делам несовершеннолетних. В Прокуратуре РСФСР группа по делам несовершеннолет-

них почти всегда не укомплектована работниками, продолжительное время не имеет начальника, наблюдается большая текучесть работников, вследствие чего группа не может выполнить своей роли и назначения.

Такое же отношение к группе по делам несовершеннолетних и в прокуратурах других союзных республик. Эти «примеры» поразительно быстро воспринимаются в прокуратурах областей, краев и крупных городов: прокуроры некоторых областей и краев ликвидируют должности помощников прокуроров или начальников групп по делам несовершеннолетних, за счет этих должностей проводят сокращения аппарата, а Прокуратура СССР и Прокуратура РСФСР мирятся с этим явлением.

Многие руководящие работники прокуратур не знают содержания и особенностей работы по делам несовершеннолетних и поэтому не могут руководить ею и контролировать ее.

Характерно, что за последние три-четыре года по Прокуратуре СССР не издано ни одного приказа или письма, освещающего работу по делам несовершеннолетних. Юридическое издательство не выпустило ни одной брошюры, касающейся этого вопроса; журнал «Социалистическая законность» не опубликовал ни одной статьи, а в «Судебной практике Верховного суда СССР» нет ни одного определения по делам несовершеннолетних, имеющего инструктивное или руководящее значение.

Прокуроры на местах редко осуществляют надзор за исполнением законов о всеобщем, об охране труда подростков на производстве, постановлений правительства об улучшении работы детских учреждений, об улучшении трудового использования молодых рабочих на производстве и т. д.

Органы милиции неудовлетворительно борются с хулиганством и озорством подростков на улице, мало привлекают родителей к административной ответственности, допускают нарушения при задержании и расследовании по делам несовершеннолетних.

Суды при рассмотрении дел несовершеннолетних зачастую ведут судебный процесс шаблонно, необидительно, вследствие чего воспитательная роль его бывает очень низкой. Судебная практика по делам несовершеннолетних не всегда обобщается. Вышестоящие суды подчас не отмечают ошибок и недостатков народных судов по этим делам.

Очень большие недостатки имеются в постановке учебно-воспитательной работы в детских учреждениях, в частности, в трудовых воспитательных и исправительно-трудовых колониях несовершеннолетних. Число

уходов воспитанников из детских домов остается все еще большим, а подростки, отбывшие наказание в исправительно-трудовых колониях для несовершеннолетних, нередко вновь привлекаются к ответственности за преступления.

Органы прокуратуры слабо борются с антипедагогическими приемами воспитания детей и подростков в детских учреждениях, не влияют на то, чтобы воспитательский состав комплектовался из педагогически подготовленных работников. Необходимо разрешить вопрос об укреплении воспитательского состава детских учреждений.

Надо повести решительную борьбу со всеми недостатками в работе по делам несовершеннолетних.

Известно, что факты беспризорности возможны только вследствие серьезных недостатков в работе советских и общественных организаций по выявлению и устройству детей, оставшихся без родителей или нуждающихся в государственной помощи, а также в работе детских учреждений и школ. Вот почему все ведомства и организации должны принять меры к улучшению работы всех видов детских учреждений, к полной ликвидации детской беспризорности и безусловному выполнению всех решений правительства о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Мы глубоко убеждены в том, что успех борьбы с общей преступностью во многом зависит и от того, как мы будем проводить работу по делам несовершеннолетних.

Долг всех организаций и учреждений, в том числе и прокуратуры, оградить детей и подростков от проникновения в их среду разлагающего влияния «улицы» и преступного элемента, решительнее бороться с организаторами и подстрекателями преступности, развернуть работу среди молодежи по воспитанию социалистического правосознания.

Все эти соображения позволяют сделать вывод о том, что объем и удельный вес работы по делам несовершеннолетних в системе прокуратуры являются настолько большими, что требуют пристального внимания.

Я считаю, что группы по делам несовершеннолетних не только не должны быть сокращены или ликвидированы, а, наоборот, укреплены и усилены, т. е. реорганизованы в отделы.

Наряду с этим нужно:

а) переработать положение о группах по делам несовершеннолетних, права и обязанности этих групп расширить, в частности возложить на них организацию борьбы с преступностью среди детей и подростков;

б) в Москве и крупных городах организовать судебные камеры по делам несовершеннолетних, которые с большим воспитательным воздействием смогли бы рассматривать дела о преступлениях детей;

в) усилить ответственность родителей за озорство и хулиганство детей, за нарушение ими общественного порядка и совершение краж;

г) ввиду того, что инструкция о порядке направления детей в трудовые воспитательные колонии в значительной части устарела, переработать ее в целях увеличения возраста правонарушителей до 18 лет и установления особого режима для каждой группы правонарушителей;

д) журналу «Социалистическая законность» освещать на своих страницах вопросы методики и практики работы по делам несовершеннолетних, а в «Судебной практике Верховного суда СССР» помещать его определения по делам несовершеннолетних.

Начальник группы по делам несовершеннолетних Прокуратуры г. Москвы

П. Липатников

НЕУКЛОННО СОБЛЮДАТЬ ЗАКОННОСТЬ В РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО ГРАЖДАНСКО-СУДЕБНОМУ НАДЗОРУ

В передовой статье «Советская социалистическая законность неприкосновенна» «Правда» отмечала, что социалистическая законность — охрана прав советских граждан, записанных в Конституции СССР, — важнейшая основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства, что никому не будет позволено нарушать советскую законность, и каждый рабочий, каждый колхозник, каждый советский интеллигент может спокойно и уверенно работать, зная, что его гражданские права

находятся под надежной охраной советской социалистической законности.

Огромное значение должна иметь работа органов прокуратуры по осуществлению судебного надзора по гражданским делам.

В июне 1953 г. был издан приказ Генерального Прокурора СССР за № 106 «О работе органов прокуратуры по гражданско-судебному надзору». С тех пор качество работы органов прокуратуры во многих областях, краях и республиках значительно улучшилось, однако все еще не

отвечает предъявляемым требованиям. Об этом, в частности, говорят результаты недавней ревизии прокуратуры Горьковской области по выполнению приказа Генерального Прокурора СССР от 1 июня 1950 г. № 106. Ревизия показала, что некоторые прокурорские работники не поняли всей важности стоящих перед ними задач.

Недостатки, вскрытые в работе органов прокуратуры Горьковской области, являются характерными и для многих других прокуратур. Поэтому устранение этих недостатков, совершенствование форм и методов гражданско-судебной работы — неотложная задача всех органов прокуратуры.

В прокуратуре Горьковской области прежде всего обращают внимание недостатки в организации гражданско-судебной работы городских и районных прокуроров и гражданско-судебного отдела прокуратуры области.

Одним из важнейших условий правильной организации работы является планирование работы и безусловное выполнение планов. Между тем отдельные районные прокуроры свою работу не планируют. В первом квартале 1952 года не планировали гражданско-судебную работу прокуроры: Больше-Болдинского, Больше-Мересьевского, Ковернинского, Свердловского, Котовского, Перевозского и Петрякинского районов, прокурор г. Павлова; в четвертом квартале прокуроры Арзамасского и Володарского районов, прокурор г. Балахны; в первом квартале 1953 года не планировали работу прокуроры г. Бор, Кулебакского, Работкинского, Талызинского и Чернухинского районов.

Наиболее распространенным объектом планирования является проверка законности исполнения приговоров и решений по делам о возмещении ущерба, причиненного хищением социалистической собственности. Это правильно, но обращает на себя внимание, что изучение судебной практики по важнейшим категориям гражданских дел, изучение кассационной практики и устойчивости судебных решений почти не планируются. Некоторые районные прокуроры составляют свои планы без учета планов работы областной прокуратуры и Прокуратуры СССР. Отдельные прокуроры составляют план в слишком общей, неконкретной форме (например, прокурор Курмышского района наметил «обобщить работу прокуратуры по судебно-гражданскому надзору»).

На все эти недостатки планирования областная прокуратура не обращала внимания, и каких-либо указаний районным прокурорам не давала.

Крупные недостатки в работе городских и районных прокуроров объясняются прежде всего низким уровнем руководства со стороны гражданско-судебных отделов. Живое руководство и оказание практической помощи имеет важнейшее значение, между тем гражданско-судебный отдел Горьковской областной прокуратуры, планируя

проверки нижестоящих прокуратур по выполнению приказа № 106, эту работу в отдельных случаях не проводил. В тех же проверках, которые проводились, не всегда выяснялось качество заключений прокуроров в суде по гражданским делам, влияние этих заключений на устойчивость судебных решений, что особенно важно для правильной оценки работы городских и районных прокуроров в деле укрепления социалистической законности (вместо этого в актах приводятся лишь отдельные примеры неправильных заключений прокуроров).

Городские и районные прокуроры Горьковской области активизировали свое участие в суде по гражданским делам. Однако имеется еще много прокуроров (Лысковского, Семеновского, Воскресенского, Чернухинского, Котовского, Шахунского и других районов), которые крайне мало выступают в суде. Но такие прокуратуры гражданско-судебным отделом на контроль не брались и их отчеты редко заслушивались на оперативном совещании при областном прокуроре.

Немало фактов неудовлетворительного выступления прокуроров в суде.

Поверхностное изучение материалов дела и недостаточное знание законов, на основании которых должно быть разрешено дело, часто приводит к тому, что прокурор дает неправильное заключение в суде или краткое, ничем не мотивированное заключение.

Например, помощник районного прокурора Свердловского района т. Петухов по иску Смилина о выселении Фадеевой Е. Т. (временного жильца) дал заключение об отказе в иске, обосновав свое заключение не на законе, а на предположении о том, что истец будет сдавать комнату другим лицам (народный суд, согласившись с заключением, отказал в иске Смолину о выселении Фадеевой), впоследствии это решение как не основанное на законе было отменено.

Примером пассивного участия прокурора в суде является также дело по иску Пановой С. Н. об исключении имущества из описи. Муж Пановой был осужден по указу от 4 июня 1947 г. с конфискацией имущества и взысканием в возмещение ущерба в пользу промкомбината 3600 руб. Народный суд 2-го участка Свердловского района иск удовлетворил, имущество из описи исключил. Истица утверждала, что все имущество ей подарили ее родители в 1934 году, вышла она замуж в 1936 году. Представитель промкомбината, в интересах которого было описано имущество, в суд не вызывался. Свидетели допрошены судом поверхностно. Ни у суда, ни у помощника прокурора района т. Поляковой не вызвало сомнения то обстоятельство, что за восемнадцать лет совместной жизни супруги Пановы якобы ничего не приобрели, такой вопрос даже не был задан истице.

Вынесение решений без достаточного выяснения обстоятельств дела, прав и взаимоотношений сторон — наиболее распро-

страненная причина отмены судебных решений. Именно поэтому прокуроры должны активно участвовать в процессе, помогать суду выяснять обстоятельства, имеющие существенное значение, без чего невозможно правильное разрешение спора. В этом отношении прокурорам надо решительно улучшить свою работу, памятуя, что цель участия прокурора в суде — вынесение обоснованного и законного решения.

Многообразные формы участия прокурора в гражданском процессе дают право прокурору в любой стадии — от возбуждения дела и до стадии исполнения решения — активно осуществлять надзор за точным и неуклонным исполнением законов.

В работе прокуроров по предъявлению исков в порядке ст. 2 ГПК РСФСР заметна тенденция погони за количественными показателями в ущерб качеству этой работы. Прокуроры предъявляют иски без предварительной проверки или на основании материалов односторонней проверки. Это приводит к тому, что суды в удовлетворении многих исков отказывают.

Особенно неблагоприятно с исками к членам колхоза о возмещении ущерба в пользу колхозов: распространено неправильное представление, будто один факт причинения вреда является достаточным основанием для имущественной ответственности члена колхоза.

Прокурор Больше-Мересьевского района предъявил иск к колхозницам о возмещении стоимости двух павших поросят. Между тем Данилова, Голованова, Звезкина были назначены правлением колхоза «Большевик» 15 октября 1952 г. свиноводками колхозной фермы, но к работе еще не приступали, а 30 и 31 октября на ферме пали поросята. Народный суд неосновательно удовлетворил этот иск (в данном случае ответчики несут ответственность лишь в порядке ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели).

Прокурор Богородского района предъявил иск к девяти членам правления колхоза «Коммунар» о возмещении стоимости павших цыплят, полученных с инкубаторной станции, по тем мотивам, что цыплята содержались в тесном помещении и им не были обеспечены нормальные условия питания.

Такое огульное привлечение к имущественной ответственности всех членов правления, без указания, в чем конкретно выразилась их вина, не может быть признано правильным.

В оформлении исковых заявлений также имеются недостатки. Наиболее распространенный недостаток состоит в том, что некоторые прокуроры в обоснование иска ссылаются на правовые нормы, которые не имеют отношения к данному спору. Например, прокурор Больше-Болдинского района Горьковской области Федулов в феврале 1953 года, предъявляя иск к Мельниковой, Курниной и др. об оплате за пользование колхозными выпасами для их скота, со-

слался на ст. 403 ГК. Между тем, как видно из искового заявления прокурора, пастьба скота производилась на основании договора колхоза с ответчиками. Таким образом, к договорным отношениям прокурор применил ст. 403 ГК, регулиующую внедоговорные отношения. Прокурор Красно-Баковского района в исковом заявлении о возмещении заведующим столовой Кочинским райпотребсоюзом 3363 руб. за недостачу товарно-материальных ценностей сослался на ст. 403 ГК, тогда как следовало сослаться на ст. 83 Кодекса законов о труде, так как рабочие и служащие за ущерб, причиненный учреждению или предприятию, где они работают, отвечают по ст. ст. 83—83-6 Кодекса законов о труде — в зависимости от обстоятельств дела.

Гражданско-судебным отделом работа районных прокуроров по предъявлению исков не обобщалась. Это следует признать серьезным упущением в руководстве периферией.

Многие районные прокуроры мало приносят кассационных протестов по гражданским делам, и незаконные решения народных судов отменяются в значительной части по кассационным жалобам самих заинтересованных лиц.

Обращает на себя внимание неудовлетворительное качество принесенных протестов, вследствие чего значительное количество их было отклонено областным судом.

Наблюдается принесение кассационных протестов при отсутствии законных оснований к отмене решений. Такое положение объясняется, с одной стороны, недооценкой районными прокурорами всей важности пересмотра неправильных судебных решений в кассационном порядке и, с другой стороны, неправильным подходом к этому процессуальному действию с точки зрения строгого соблюдения требований ст. 237 ГПК.

Гражданско-судебный отдел прокуратуры Горьковской области направил городским и районным прокурорам письмо, в котором обращалось внимание на необходимость повышения качества кассационных протестов. Однако это мероприятие нельзя считать достаточным, поскольку положение с кассационными протестами продолжает оставаться неудовлетворительным.

Гражданско-судебному отделу следовало бы на методических конференциях поставить специальный доклад на тему «Значение пересмотра судебных решений в кассационном порядке и задачи городских и районных прокуроров» с подробным освещением всего законодательства по этому вопросу, подкрепленного материалами судебной и прокурорской практики.

В работе гражданско-судебного отдела прокуратуры Горьковской области имеются и другие крупные недостатки. Так, например, гражданско-судебный отдел неудовлетворительно выполнил п. 7 приказа № 106 об участии в кассационной инстанции областного суда. Не участвуя в кассационной инстанции, гражданско-судебный отдел,

естественно, не мог осуществлять надзор за законностью выносимых областным судом определений, а также выявлять ошибки в работе районных прокуроров по делам, рассмотренным народными судами с их участием. О слабости надзора Горьковской областной прокуратуры свидетельствует тот факт, что областным судом было отклонено много кассационных протестов районных прокуроров. Прокуратура г. Горького, удельный вес которой в работе большой, также не изучала состояния законности по гражданским делам, разрешенным народными судами г. Горького.

Особенно плохо обстоит дело с возмещением ущерба, причиненного государству хищениями. Большинство районных прокуроров проверяет законность приговоров и решений по делам о возмещении ущерба один раз в квартал, вместо того чтобы осуществлять такой надзор по каждому делу в отдельности. Другие прокуроры вообще надзор не осуществляют (прокуроры Свердловского и Котовского районов). Кроме того, районные прокуроры не обеспечивают полностью своим участием дела по искам об исключении имущества из описи. Указанные обстоятельства не могли не иметь отрицательного влияния на сроки взыскания и на размер действительного

ущерба. Прокуратура г. Горького в первом квартале 1953 года запланировала проверку работы по исполнению приговоров и решений, однако эта работа выполнена не была. Областная прокуратура не проявляет настойчивости и не добивается результатов по представлениям о возмещении ущерба. Так, по представлению, сделанному в ноябре 1952 года в управление министерства юстиции, ответа в Горьковскую областную прокуратуру не поступило, и прокуратура с этим смирилась.

Существенный недостаток в этой работе состоит в том, что гражданско-судебный отдел не выявляет те районы, где с возмещением ущерба наиболее неблагоприятно, для того чтобы принять действенные меры к усилению прокурорского надзора.

Заместитель Генерального Прокурора СССР т. В. Болдырев обязал городских и районных прокуроров и прокурора Горьковской области в самое ближайшее время устранить недостатки в работе, отмеченные ревизией.

В Горьковской области неплохой состав прокурорских работников. Они могут и должны принять все необходимые меры к улучшению качества надзора по гражданским делам.

Я. Яновский

СТРОГО ВЫПОЛНЯТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ

В соответствии с требованиями ст. ст. 58, 111, 253, 254, 272, 319 УПК и основными принципами советского правосудия закон обязывает судебные органы к тщательной, непосредственной проверке всех доказательств по делу.

Закон устанавливает ряд процессуальных гарантий, направленных на наиболее полное и всестороннее исследование существа дела, на достижение истины по делу. Задача советского суда заключается в установлении фактических обстоятельств совершенного преступления и в применении правильной меры наказания. Поэтому закон предъявляет к советскому суду требование основывать приговор исключительно на имеющихся в деле доказательствах, рассмотренных в судебном заседании и оцененных в их совокупности.

Всегда ли это требование закона выполняется судами? Отмена вынесенных приговоров вышестоящими судебными инстанциями говорит о том, что отдельные суды подходят к этим указаниям не совсем серьезно.

Так, в Костромском областном суде нередко нарушаются права, предоставленные подсудимому и защите, а нарушение этих прав приводит к вынесению явно несправедливого приговора. Под председательством члена Костромского областного суда т. Груева 30 декабря 1952 г. рассматрива-

лось уголовное дело по обвинению Котельникова, Смирнова и др., обвинявшихся по ст. 2 указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». В ходе судебного следствия выяснилось грубое нарушение следственными органами ст. ст. 111 и 112 УПК РСФСР, особенно в отношении подсудимого Смирнова. Статья 112 УПК прямо говорит: следователь не вправе отказывать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов и в собирании других доказательств, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела.

Подсудимый Смирнов обвинялся в присвоении десяти тысяч рублей, имевшихся у него под отчетом, как у уполномоченного по заготовке леса Саратовской строительно-монтажной конторы. Никакой выверки у Смирнова с конторой сделано не было, а Смирнов утверждал, что он перед конторой отчитался полностью, но на это заявление следователь не обратил никакого внимания. Больше того, денежные документы, изъятые при обыске у Смирнова, не были приобщены к делу, несмотря на неоднократные заявления Смирнова, а остались в папке у следователя. В ходе предварительного следствия Смирнов просил допросить ряд свидетелей, приобщить

документы, запросить Саратовскую контору, значатся ли за ним десять тысяч рублей. Все ходатайства обвиняемого следователем неосновательно отклонялись. Тогда Смирнов отказался подписать протокол о предъявлении материалов следствия (ст. 206 УПК РСФСР) ввиду нарушения его прав. В таком виде дело поступило в суд.

Перед началом судебного следствия Смирнов и его защита заявили ходатайства о том, чтобы отложить дело и удовлетворить их просьбы, заявленные в ходе предварительного следствия. Но все эти ходатайства судом были отклонены. Суд даже отказал подсудимому в оглашении показаний не явившихся в судебное заседание свидетелей — начальника конторы Акимова и бухгалтера Скирды, утверждавших, что Смирнов перед конторой отчитался полностью. Таким образом, только на основании обвинительного заключения суд вынес в отношении Смирнова обвинительный приговор, грубо нарушив ст. 23 Основ уголовного судопроизводства СССР.

4 февраля 1953 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отменила указанный приговор, передав дело на новое рассмотрение, но обошла молчанием грубые нарушения, допущенные как следствием, так и судом.

По делу проходило пять обвиняемых, много свидетелей, приговор же был отменен только в отношении одного Смирнова. При вторичном рассмотрении дела суд снова допустил ошибку: председательствующий по делу член областного суда т. Чудинов, не ознакомившись с делом, назначил его к слушанию и вызвал в судебное засе-

дание всех осужденных и всех свидетелей, не считаясь с тем, что по делу Смирнова необходимо было вызвать не более пяти свидетелей. Причем снова оказались невызванными свидетели, о которых все время ходатайствовал Смирнов, и опять не были истребованы необходимые документы. Вызывая много ненужных свидетелей, т. Чудинов не учел того, что это разбазаривание государственных средств, ибо всем свидетелям надо оплатить за проезд (а расстояние до суда от местожительства свидетелей более 300 км!), надо сохранить за ними заработную плату и оторвать их от работы. Такое отношение наблюдается у т. Чудинова не впервые, но председатель областного суда т. Куцаев и начальник управления юстиции по области проходят мимо всего этого.

В другом случае по неисследованным материалам была осуждена Соколова по ст. 136 УК. По докладу т. Груева приговор судебной коллегией оставлен в силе. Однако Верховный суд СССР его отменил, как отменил и определение об оставлении приговора в силе. Впоследствии это дело было прекращено, а Соколова ведь находилась под стражей!

Все это показывает, что работники Костромского областного суда не всегда с сознанием ответственности подходят к рассмотрению дел.

Таким нарушениям надо положить конец.

Заведующая юридической консультацией
Заволжского района г. Костромы

Е. Арефьева

ПОРОЧНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Анализ уголовных дел о растратах и хищениях государственного и общественного имущества, рассмотренных народными судами Омской области за последние полтора года, показал, что в своем большинстве органы предварительного следствия не выставляют требования ст. ст. 119—121 УПК РСФСР, не обеспечивают гражданского иска.

По многим таким делам органы предварительного следствия, несмотря на причиненный ущерб на большие суммы, не производят описи имущества и не накладывают ареста на имущество обвиняемого, как этого требует ст. 121 УПК, и тем самым не обеспечивают возмещения ущерба от растрат и хищений.

В подтверждение вышесказанного можно привести примеры. Работник 5-го отделения милиции т. Шарко возбудил уголовное преследование против Станских по ст. 1 указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответ-

ственности за хищения государственного и общественного имущества». Спустя месяц т. Шарко вынес постановление о направлении дела для дальнейшего расследования в прокуратуру Центрального района г. Омска. Народный следователь т. Каликанов принял дело к своему производству и быстро его окончил, но имущество у обвиняемого описано не было.

Старший следователь областного управления милиции т. Кудрин возбудил уголовное преследование против Башуриной по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., через месяц он вынес постановление о направлении дела в прокуратуру Центрального района для дальнейшего расследования. Народный следователь т. Ронин принял дело к своему производству и закончил его. Но, несмотря на то, что Башурина причинила ущерб фирменному магазину «Главконсерва» в сумме 16 252 руб., имущество в обеспечение гражданского иска у нее описано не было.

Работник 8-го отделения милиции т. Подзолков возбудил уголовное дело против Салимова, Мурсалимова и Ахметова по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., следствие было окончено, но имущество у обвиняемого Ахметова не описано.

Нет описи и ареста имущества обвиняемых Цыганкова, Ивановой, Федориной, Терехина, Долгова, Березовской, Чалмаевой, Шахина, Белоусова, Меленина, Петелиной и др. Следствие в отношении них проводилось прокуратурой Куйбышевского района г. Омска, и обвинительные заключения по ним утверждал прокурор т. Березуев.

Аналогичные факты имеют место и в других районах г. Омска и области. Много случаев, когда органами предварительного следствия имущество описывается у обвиняемого спустя несколько месяцев после возбуждения уголовного преследования против него, — тем самым дается возможность самому обвиняемому и его родственникам укрыть имущество и избежать возмещения ущерба, причиненного хищением, растратой и недостачей государственного и общественного имущества.

Так прокуратура Ленинского района г. Омска возбудила уголовное преследование против Ворошилова М. С. по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г., а имущество у обвиняемого было описано следователем т. Сидориним только через два месяца. Прокуратура Кировского района описала имущество обвиняемого Воротникова, причинившего ущерб Кировскому сместоргу в сумме 19 403 руб., лишь спустя семь месяцев со дня возбуждения уголовного преследования. Обвинительное заключение утвердил помощник прокурора т. Харитонов. Этой же прокуратурой у обвиняемого Матюшенко, причинившего ущерб заводу в сумме 13 435 руб., имущество описано спустя три месяца. По этому делу народным следователем т. Махровым не вынесено даже постановления о признании гражданским истцом потерпевшей организации.

По истечении таких же длительных сроков с момента возбуждения уголовного преследования было описано имущество органами предварительного следствия Центрального района у обвиняемых по ряду дел, обвинительное заключение по которым утверждал прокурор т. Холева, как правило, при этом не ставящая даты.

Таково положение с описью и арестом имущества у обвиняемых в органах предварительного следствия области.

Хуже того, органами предварительного следствия г. Омска и области во всех случаях описанное у обвиняемых имущество сдается на хранение им же или их родственникам; в ряде случаев его оставляют совершенно без всякой охраны.

Яркими примерами безответственного отношения органов предварительного следствия к обеспечению возмещения ущерба, причиненного растратами и хищениями государственного и общественного имущества, могут служить следующие факты.

У обвиняемой Ионкиной В. А. (по ст. 2 указа от 4 июня 1947 г.) при обыске изъято денег 975 руб. и сберегательная книжка с вкладом на сумму 585 руб., тем не менее органы предварительного следствия Ленинского района не вынесли даже постановления о наложении ареста на деньги и вклад. После вынесения приговора народным судом 2-го участка Ленинского района деньги 975 руб. и вклад на 585 руб. конфискованы не были.

У обвиняемой Киргинцевой Д. П. было описано имущество на сумму 27 265 руб. и изъята сберегательная книжка с вкладом на сумму 705 руб., однако имущество на хранение не сдано никому, постановления о наложении ареста на вклад нет. Следствие по делу вел работник 5-го отделения милиции т. Руденко, а затем народный следователь прокуратуры Центрального района т. Рюнин, обвинительное заключение утверждала прокурор т. Холева, — никто из них не подумал о сохранении описанного имущества у обвиняемой в целях обеспечения возмещения ущерба.

Описанное у обвиняемого Сокова имущество на сумму 10 196 руб. следователем т. Капитановым было сдано на хранение самому обвиняемому.

Имущество, описанное следователем прокуратуры Куйбышевского района т. Седиковым у обвиняемых Руденко, Туруманович И. И., Коньгина Н. Ф., Родионовой Н. И. и Лобанова И. Е., на сумму 19 600 руб. было сдано на хранение членам семьи обвиняемых без всяких предупреждений об их ответственности за это имущество.

Органы предварительного следствия не только неосновательно оставляют описанное имущество на хранение самим обвиняемым или их родственникам, но сплошь и рядом при оформлении расписок о сдаче на хранение имущества этих лиц не предупреждают об ответственности по ст. 168 УК, в результате чего описанное имущество до разбора дела в суде разбазаривается и никто не несет за него никакой ответственности. Поэтому причиненный ущерб государственным и общественным организациям остается невозмещенным.

Такая порочная практика органов предварительного следствия г. Омска и области ослабляет борьбу с растратами и хищениями государственного и общественного имущества. Играя на руку расхитителям народного добра, она ставит в затруднительное положение судебные органы в отношении действительного возмещения потерпевшей государственной и общественной организации от растрат и хищений.

В силу такой порочной практики следственных органов по обеспечению гражданского иска народные суды в ряде случаев вынуждены составлять акты об отсутствии имущества у осужденных и направлять исполнительные листы по месту отбытия меры наказания для удержания из зара-

ботка осужденных. Причиненный ущерб остается, по существу, возмещенным.

Такое нетерпимое явление можно объяснить, во-первых, только тем, что прокуроры районов и прокуратур Омской области крайне слабо осуществляют надзор за предварительным следствием. Обвинительные заключения по делам о растратах и хищениях государственного и общественного имущества утверждаются формально, без достаточного их изучения, без учета необходимости возмещения ущерба государству. Во-вторых, народные суды г. Омска и области также в ряде случаев несерьезно, невдумчиво подходят к возмещению ущерба, причиненного растратами и хищениями государственного и общественного имущества. Они не только принимают к своему производству дела этой категории с такими пороками предварительного следствия, но никак не реагируют на это: не возвращают дела к рассмотрению, не вы-

носят частных определений и не доводят до сведения вышестоящих органов о необходимости привлечения к ответственности виновных лиц, не выполняющих требований ст. ст. 119—121 УПК РСФСР.

Пора потребовать от органов прокуратуры Омской области, чтобы они серьезно занимались обеспечением гражданского иска по возмещению ущерба, причиненного растратами и хищениями государственного и общественного имущества, а народным судам надо повести решительную борьбу с перечисленными недостатками в работе органов предварительного следствия. Ведь задача заключается не только в определении меры наказания за совершенное преступление, но вместе с тем и в возмещении ущерба государству.

Ст. консультант управления Министерства юстиции по Омской области

Г. Давыденко

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Участвующий в уголовном процессе представитель гражданского истца согласно УПК РСФСР является стороной в процессе и его задача — содействовать суду в установлении самого факта совершения обвиняемым преступного действия, обстоятельств совершения этого действия, наличия факта причинения потерпевшей организации имущественного ущерба, размера этого ущерба.

В судебной практике еще не изжиты случаи, когда председательствующие в судебных заседаниях, недооценивая значение и задачи гражданского истца в уголовном процессе, упрощают процесс путем нарушения прав представителя гражданского истца.

В практике некоторых судов имеют место случаи, когда председательствующие в судебных заседаниях, упуская из виду, что согласно п. 6 ст. 23 УПК РСФСР представитель гражданского истца, являясь стороной в уголовном процессе, пользуется в процессе такими же правами, как и представители других сторон, игнорируют предусмотренные в ст. ст. 266, 271 и 281 УПК права представителя гражданского истца.

Имеют место и другие нарушения. Нередко представителю гражданского истца предоставляется в судебном заседании вести допрос обвиняемых и свидетелей не в порядке допроса их сторонами, предусмотренном в ст. ст. 283 и 287 УПК РСФСР, а после допроса обвиняемых и свидетелей экспертами, которые, как известно, не являются стороной в процессе.

Бывает и так, что участвующие в процессе представители гражданского истца,

вопреки ст. 56 УПК, допрашиваются по различным обстоятельствам дела в судебном заседании судом, прокурором и защитой.

Такое положение несовместимо с положением представителя гражданского истца как стороны в процессе, оно дискредитирует представителя гражданского истца, ставя его в неравноправное в отношении других сторон положение.

Повидимому, случаи допроса в судебном заседании представителей гражданского истца имеют место вследствие неправильного понимания примечания к ст. 284 УПК РСФСР, которая допускает допрос в качестве свидетеля гражданского истца или потерпевшего, поддерживающего обвинение. Однако это примечание относится исключительно к физическим лицам, участвующим в судебном процессе в качестве гражданского истца или потерпевшего, поддерживающего обвинение, когда они как потерпевшие физические лица являются в то же время и свидетелями по делу. Примечание к ст. 284 УПК ни в каком случае не относится к представителям гражданского истца, которые не могут быть допрашиваемы в судебном заседании по обстоятельствам рассматриваемого судом дела, в котором они участвуют в качестве представителя гражданского истца.

Наблюдаются и такие случаи, когда председательствующий в судебных заседаниях, неправильно считая, что выяснение вопроса о факте совершенного обвиняемым преступления относится к функциям только суда, прокурора и защиты, устраняет вопросы представителей гражданских ист-

цов, направленные на установление факта преступного действия.

Правовым обоснованием гражданского иска в уголовном процессе является ст. 403 Гражданского кодекса РСФСР. Поэтому прямой обязанностью представителя гражданского истца в уголовном, как и в гражданском, процессе является обязанность установить факт преступного действия обвиняемого, причинившего гражданскому истцу имущественный ущерб. Наряду с этой обязанностью представителю гражданского истца в уголовном процессе принадлежит и право устанавливать в су-

дебном заседании факт совершения именно подсудимым того действия, которым причинен гражданскому истцу имущественный ущерб.

Лишение судом представителя гражданского истца этого его права неправильно и является прямым нарушением прав гражданского истца как стороны в процессе.

Нарушения социалистической законности в судебной практике, нарушения прав представителя гражданского истца в уголовном процессе должны быть изжиты.

Ю. Поморцев

ПОДНЯТЬ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Известно, какое большое значение наше уголовно-процессуальное законодательство придает экспертизе — одному из видов доказательств. Это вполне естественно, ибо возрастающие достижения советской науки в таких областях, как химическая, техническая и др., открывают большие возможности для применения научных методов в раскрытии преступлений.

Однако еще нередко проведение экспертизы по уголовным делам сводится к разрозненно маловажным, второстепенным вопросам. Иногда следственные органы и суд идут по пути упрощенчества, не требуя от экспертов производства технических расчетов, основанных на законах физики, механики и т. д., в подтверждение выводов по тем или иным вопросам.

В «Судебной практике Верховного суда СССР» публикуются определения коллегий Верховного суда СССР, в которых находят отражение недостатки в проведении экспертизы по уголовным делам. Нет сомнения, что опубликование определений оказывает существенную помощь в практической работе следственным и судебным работникам. Но при этом требуется излагать существо дела так, чтобы оно не вызывало кривотолков и чтобы каждое определение коллегии исходило из принципиальных установок нашего уголовно-процессуального законодательства. Это требование соблюдается не всегда.

Взять к примеру определение железнодорожной коллегии по делу Мурзайкина («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 7). Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, коллегия отметила, что ввиду неполноты материалов предварительного следствия нельзя установить, что явилось причиной наезда маневрового состава на автомашину, управляемую Мурзайкиным. Коллегия признала необходимым провести по делу дополни-

тельное расследование — допросом очевидцев проверить объяснения Мурзайкина и установить фактические обстоятельства, при которых произошла авария, и произвести по делу экспертизу: на заключение эксперта — работника Государственной автомобильной инспекции поставить вопросы о правильности действий Мурзайкина; на заключение эксперта — специалиста по движению поездов поставить вопрос о правильности действий работников станции.

Возникает вопрос, как эксперты будут давать заключение о правильности действий Мурзайкина и работников станции, если фактические обстоятельства аварии можно установить лишь путем допроса очевидцев, т. е. свидетелей? Экспертам придется исходить не из специальных познаний, а из оценки добытых по делу доказательств, в основном из оценки показаний свидетелей. Что получится, если оба эксперта придут к заключению, что действия тех или иных лиц были неправильными, т. е. что этими лицами допущены нарушения правил или инструкций? Таким образом, эксперты будут устанавливать определенные факты, а следовательно останется лишь переписать выводы экспертизы в обвинительное заключение с уже готовыми формулировками обвинения.

Было бы, по моему мнению, правильным ставить перед экспертами вопросы не о том, как действовали те или иные лица, а как при конкретных обстоятельствах нужно было производить передвижение маневрового состава, вывозку шлама автомашиной и т. п., с приведением данных из правил, инструкций, с подробным анализом создавшейся на месте происшествия обстановки, с соответствующими техническими расчетами о возможности быстрой остановки маневрового состава и т. п.

Безусловно, здесь имеются в виду только такие случаи, когда следственные органы

или суд сталкиваются с настолько сложными обстоятельствами события преступления, что лишь участие лиц, обладающих специальными научно-техническими знаниями, т. е. экспертов, может внести ясность в те или иные факты или запутанные вопросы по уголовному делу. Надо решительно пресекать попытки отдельных следователей применять судбно-техническую экспертизу без особой надобности, ради перестраховки.

Практика показывает, что в таких случаях малоопытные люди, привлеченные без тщательного отбора в качестве экспертов, в своих заключениях нередко дают ответы именно на те вопросы, которые должен разрешить сам следователь в ходе расследования обстоятельств дела путем допроса свидетелей, составления протокола осмотра места происшествия, проведения следственного эксперимента и т. п. Помимо того, в подобных случаях эксперты без пользы тратят немалое количество рабочего времени на разъезды, составление заключения, на участие в суде. А это в итоге влечет за собой непроизводительную затрату государственных средств.

Практика расследования по уголовным делам, связанным с задержкой в продвижении поездов по тем или иным причинам, с повреждением подвижного состава и др., показывает, что назрела необходимость искоренить подобный подход к экспертизе со стороны отдельных следователей и поднять значение экспертизы как судебного доказательства.

Однажды ночью на станции Н. формировался товаро-пассажирский поезд. Составительской бригады на станции не было и маневровую работу производили главный кондуктор Кравчук и старший кондуктор Папко. Время отправления поезда по графику уже истекло. Кравчук, остановив паровоз около стрелок, пошел узнать по телефону у дежурного по станции порядок окончания формирования состава. Своего помощника Папко он предупредил, чтобы тот дождался его возвращения. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, а Кравчука все нет. Что же сделал Папко? Ушел в весовую будку и... заснул там крепким сном. Таким грубейшим нарушением трудовой дисциплины было положено начало все более и более разраставшегося игнорирования правил технической эксплуатации при формировании состава поезда.

Возвратившись к составу, Кравчук не разыскал своего помощника, а решил продолжать маневровую работу один, чего в соответствии с правилами производства маневров на станции делать нельзя.

К чему привело это нарушение правил? Формирование состава поезда на станционном пути было закончено Кравчуком без участия старшего кондуктора. Он сам сцепил пять груженых сахарной свеклой полувагонов в хвост этого поезда, о чем своевременно получил распоряжение дежурного по станции. Но при этом Кравчук

не сцепил хвостовых вагонов второй винтовой стяжкой и не потребовал от осмотрщика вагонов соединить рукава воздушной тормозной магистрали и проверить, в порядке ли эта магистраль. Натурного листка, в котором перечисляются все вагоны, подлежащие отправлению в составе поезда, Кравчук у дежурного по станции не получил. Так одно нарушение правил технической эксплуатации цеплялось за другое.

Когда формирование поезда было закончено, Кравчук без каких-либо затруднений нашел спавшего Папко. Растолкав его, Кравчук закричал на своего помощника:

— Беги, навешивай сигналы на хвостовой вагон!

Папко спросонок не разобрал как следует сказанного ему Кравчуком, а поскорее побежал выполнять распоряжение. Кравчук не потребовал от своего помощника повторения отданного ему распоряжения, не подошел вместе с ним к хвосту поезда и действия его не проверил. А между тем Кравчук производил маневровую работу без участия своего помощника, и Папко не знал план формирования состава поезда. Подбежав к хвостовой части поезда, Папко увидел, что к последнему пассажирскому вагону на одну стяжку прицеплены пять груженых полувагонов. Папко сбросил стяжку, повесил сигнальные фонари на тормозной площадке пассажирского вагона и... раздался свисток главного кондуктора — сигнал отправления. Сигнал повторил машинист свистком локомотива. С большим опозданием поезд отправился со станции. Кравчук даже не дождался сигнала дежурного по станции, хотя это и требуется согласно установленным правилам.

Мимо стрелочного поста, где дежурил старший стрелочник Цыганчук, поезд проследовал беспрепятственно. Цыганчук не проследил, в полном ли составе следовал товаро-пассажирский поезд со станционного пути: он понадеялся на другого — на главного кондуктора.

Через несколько минут после отправления поезда дежурный по станции отдал приказание Цыганчуку приготовить маршрут для приема товарного поезда на тот же станционный путь. Это приказание выслушал и дежуривший на противоположном стрелочном посту старший стрелочник Дидковский. Цыганчук перевел нужные стрелки, затем пошел для проверки свободности пути.

Согласно технико-распорядительному акту станции оба стрелочника должны были идти навстречу друг другу до тех пор, пока полностью не убедятся в том, что путь свободен.

Но Цыганчук и Дидковский считали пятый путь свободным от вагонов, ибо после отправления поезда с этого пути никакой маневровой работы тут не производилось и ни один из них не пропускал на этот путь какой-либо подвижной состав.

Отойдя немного и заметив, что Дидковский идет от своего поста с зажженным фонарем, Цыганчук помахал ему фонарем и... вернулся на свой стрелочный пост. То же самое сделал и Дидковский. Цыганчук открыл входной семафор для товарного поезда.

Так была нарушена трудовая дисциплина еще двумя работниками станции. Они не заметили оставленные Кравчуком и Папко груженные полувагоны на пути, понадеявшись на то, что кондукторская бригада отправилась с поездом в полном его составе.

Товарный поезд с большой скоростью приближался к станции. Уже он проследовал входные стрелки и двигался по занятому пути. Вдруг машинист Трещук заметил препятствие. Не растерявшись, он принял экстренные меры торможения. Но остановить поезд на всем ходу, понятно, не удалось. Произошел наезд на вагоны с сахарной свеклой, и от удара локомотива они покатались к выходным стрелкам. Заметив это, Дидковский подложил тормозной башмак под колеса идущих вагонов. Этим был предотвращен уход вагонов за пределы станции, на перегон.

Таковы обстоятельства, при которых наступили последствия, предусмотренные ст. 56^{30а} УК Украинской ССР: вследствие наезда на вагоны один из них был поврежден, имел повреждения и паровоз.

Характерно, что материалами служебного расследования, показаниями свидетелей и обвинениями все изложенное здесь было с достаточной полнотой выяснено в стадии предварительного следствия. Спрашивается, требовалось ли назначать судебно-техническую экспертизу при расследовании преступления, требовались ли специальные познания в области организации движения поездов? Нет, не требовалось ни того, ни другого!

Но следователь прокуратуры участка т. Рагозин назначил экспертизу, написал в своем постановлении о необходимости... выяснить причину наезда товарного поезда на группу вагонов (?) и поставил еще два малозначащих вопроса.

На этот вопрос техническая экспертиза дала невразумительный ответ. Эксперты в своем письменном заключении по существу входили в оценку доказательств и предпринимали вопрос о степени виновности обвиняемых.

Линейный суд вызвал экспертов в судебное заседание, чтобы при их помощи выяснить некоторые дополнительные обстоятельства. Характерно, что никто из участвующих в деле сторон на судебном следствии не задал ни одного вопроса экспертам о причине наезда поезда на вагоны.

Проверку правильности ответа судебно-технической экспертизы на первый вопрос следователя суд счел ненужной, ввиду явной нецелесообразности этого. Стороны, как и суд, располагали правилами технической эксплуатации, всеми необходимыми ин-

струкциями и могли свободно, без посторонней помощи разобраться в нужных параграфах. Каждый из присутствующих на судебном процессе понимал, что обстановку для наезда товарного поезда на вагоны создали именно Кравчук и Папко.

На разрешение экспертов в судебном заседании были поставлены вопросы не о том, кто и какие правила нарушил, а о том, что еще было неясным, вызывало сомнения. Вот некоторые из этих вопросов: соответствует ли § 28 техническо-распорядительного акта станции требованиям правил технической эксплуатации в части проверки стрелочниками, свободен ли путь; каким образом должен был убедиться главный кондуктор Кравчук в полной готовности поезда к отправлению со станции (в инструкциях и правилах ответа на этот вопрос, как и на следующий, нет); должен ли был главный кондуктор Кравчук потребовать от старшего кондуктора Папко повторения его распоряжения в части подготовки поезда к отправлению; создавалась ли опасность ухода на перегон пяти вагонов после наезда на них товарного поезда?

Экспертиза дала исчерпывающие ответы на все вопросы, сформулированные в судебном заседании, и обосновала представленное суду свое техническое заключение. Так, эксперты ответили, что в результате наезда товарного поезда создавалась опасность ухода на перегон группы вагонов. Эксперты привели соответствующие данные, подтверждающие нахождение горловины станции на уклоне. Кстати сказать, этим обстоятельством совершенно не интересовался следователь, хотя выяснение его имеет немаловажное значение ввиду того, что статья Уголовного кодекса, по которой привлекались к ответственности обвиняемые, предусматривает наказание не только в случае наступления вредных последствий от нарушения работниками транспорта трудовой дисциплины, но и в случае возможного наступления таких последствий.

Линейный суд признал основными виновными по этому делу старшего кондуктора Папко и главного кондуктора Кравчука. Поэтому самую тяжкую меру наказания суд определил Папко, затем Кравчуку и Цыганчуку. В отношении старшего стрелочника Дидковского суд избрал более мягкую меру наказания с учетом того, что он предотвратил угон группы вагонов на перегон. Суд учитывал также и то, что оба стрелочника проявили бездействие, не выполнив возложенных на них обязанностей, а Папко и Кравчук совершили преступные действия, т. е. роль последних в нарушении трудовой дисциплины была активной. И если бы наезд товарного поезда на группу вагонов предотвратили стрелочники, то все равно Папко и Кравчук подлежали бы уголовной ответственности за допущенное ими нарушение трудовой дисциплины, в результате которого создавалась угроза правдивости и безопасности движения.

Кассационные жалобы осужденных рассматривал Киевский окружной суд железнодорожного транспорта в составе гг. Працевича, Родионова и Тимощука. В суде первой инстанции не ставился вопрос об обоснованности первого пункта заключения технической экспертизы ввиду того, что в компетенцию экспертов не входит установление того, кем и какие параграфы правил технической эксплуатации нарушены, а тем более определение степени тяжести совершенного преступления и вида вины. Несмотря на эту азбучную истину окружной суд счел нужным воспользоваться дефектным заключением технической экспертизы и снизил меру наказания основным виновникам наезда товарного поезда на группу вагонов — Папко и Кравчуку. Кассационная инстанция переложила всю тяжесть вины на стрелочников Цыганчука и Дидковского, сославшись совершенно неправильно на то, что, по заключению экспертизы, «преступления Папко и Кравчука отнесены к таким, которые лишь способствовали крушению» (?). Поистине судьи кассационной инстанции заблудились в трех соснах!

Со следователем т. Рагозным мы встретились вторично по другому уголовному делу. Он закончил расследование обстоятельств столкновения поездов на одной из станций дороги К ответственности были привлечены дежурный по станции Бабий и поездной диспетчер отделения дороги Коваленко.

Поразительно, что и в этом деле мы находим все тот же злополучный вопрос экспертам: «Каковы причины крушения? Неужели постановка его была более чем очевидна: из первоначального акта ведомственного расследования и других материалов дела довольно ясно и конкретно вырисовывалось происшедшее. Следователь же настаивал на правильности постановки вопроса и ссылался на № 9 «Судебной практики Верховного суда СССР» 1952 г. В этом номере на стр. 14 сказано: «На заключение технической экспертизы должен быть поставлен вопрос о причинах крушения, а также и о нарушении должностных инструкций и приказов Министерства путей сообщения СССР и правил технической эксплуатации лицами, причастными к крушению».

Так, неудачная формулировка в определении Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР по делу Семибратова дезориентировала следователя. Более того, т. Рагозный так переусердствовал, что назначил экспертизу по делу до предъявления обвинения второму виновнику столкновения поездов Коваленко. Вызывалось ли необходимо такое поспешное проведение технической экспертизы? Нет, ничем не вызывалось.

В акте ведомственного расследования и в приказе начальника дороги указывались те параграфы правил технической эксплуатации и инструкции по движению поездов, которые во время своего дежурства нару-

шил Коваленко. Будучи допрошенным в качестве свидетеля, последний не отрицал своих неправильных действий, т. е. нарушения правил технической эксплуатации. У следователя были вполне достаточные данные для того, чтобы предъявить обвинение Коваленко по ст. 56^{30а} УК Украинской ССР. Правда, имелись сомнения по одному вопросу, но они не лишили следователя возможности привлечь Коваленко в качестве обвиняемого.

Эксперты проводили по делу техническую экспертизу в то время, когда Коваленко был свидетелем. Как свидетель, он не обладал правами, которые предоставлены обвиняемым в связи с проведением экспертизы, и был лишен возможности поставить на разрешение экспертизы интересующие его вопросы и заявить ходатайство о вызове новых экспертов, если он считал это необходимым. Таким образом, его права на защиту были ограничены. Зато следователь разъяснил ему, что он обязан в качестве свидетеля отвечать на все вопросы экспертов и давать им объяснения (?).

Линейный суд признал такое нарушение весьма существенным: следователем было допущено прямое нарушение приказа № 90/3 Прокурора СССР от 13 мая 1939 г. о строгом соблюдении прав обвиняемого на защиту. Одновременно суд предложил провести ряд дополнительных следственных действий по делу и поставить на разрешение экспертизы вопрос о том, каким образом Коваленко должен был организовать работу трех поездов на участке, поскольку ответа на такой вопрос нельзя было найти ни в правилах, ни в инструкциях.

Как же реагировал на нарушение приказа Прокурора СССР Киевский окружной суд при рассмотрении частного протеста прокурора? Окружной суд признал неправильным указание линейного суда на нарушение ст. 166 УПК Украинской ССР и отменил определение о возвращении дела на доследование. Такой вывод Киевского окружного суда тем более непонятен, что аналогичное нарушение прав обвиняемого было признано Водво-транспортной коллегией Верховного суда весьма существенным («Судебная практика Верховного суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 28).

Назначение технической экспертизы по уголовным делам без достаточных оснований и неправильная постановка вопросов перед экспертами вошли в систему. А по делу Лисобоя следователь Пашин назначил экспертизу не для того, чтобы обосновать предъявленное обвинение нарушителю трудовой дисциплины, но лишь с целью разрешения вопроса об ответственности работников железной дороги, которым он обвинения не предъявлял. Это, пожалуй, беспримерный в следовательской практике случай!

Для чего же понадобилось следователю прибегать к помощи экспертов? Оперативное совещание при начальнике отделения

дороги обсуждало случай столкновения маневрового состава с автомобилем на одном из неохраняемых переездов. Составительская и паровозная бригады на этом совещании утверждали, что при подаче вагона ими соблюдались все требования правил технической эксплуатации и инструкций. Другие лица заявляли, что маневровый состав начал двигаться через переезд неожиданно и что составитель поездов не давал предупредительных сигналов. Трудно было сразу разобраться во всех обстоятельствах столкновения, а решение вынести нужно. И вот услужливые люди записали в постановлении, что шофера автомобиля Лисобоя следует считать основным виновником, а дело на него передать следственным органам. Что же касается составительской и паровозной бригад, то вопрос о них отложить до окончания следствия по делу.

Следователю нужно было приложить немало усилий, чтобы разобраться в противоречивых показаниях. Тов. Пашину следовало ухватиться за один важный факт: показания ряда свидетелей о том, что впереди автомобиля, которым управлял Лисобой, через переезд следовала грузовая автомашинка, перевозившая строительных рабочих. Надо было по телефону, а затем по путевкам проверить во всех гаражах строительных организаций города, какая именно грузовая автомашинка в момент столкновения следовала через неохраняемый переезд на стройку. Ехавших на этой автомашине рабочих необходимо было допросить по поводу того, как именно начал двигаться маневровый состав через переезд и находился ли в это время впереди вагона составитель поездов.

Тщательное и всестороннее выяснение этого обстоятельства дало бы возможность следователю получить исчерпывающие данные о правильности действий во время маневров работников железной дороги. Дело в том, что последние на допросах старались всячески показать себя в выгодном свете. Составитель поездов Туревич даже утверждал, что он с сигнальным фонарем шел навстречу автомобилю, которым управлял Лисобой, но последний якобы не обращал никакого внимания на подаваемые им сигналы. Обвиняемый Лисобой и один-два свидетеля показывали обратное, а именно, что составителя поездов у переезда не было. Вот на это и должен был обратить особое внимание следователь. Выяснение возможности допросить еще нескольких очевидцев столкновения помогло бы ему проверить показания составительской и паровозной бригад, заинтересованных в исходе дела.

Вместо таких трудоемких следственных действий т. Пашин предпринимает более легкое: назначает по делу техническую экспертизу и ставит такой вопрос: «имело ли место нарушение правил технической эксплуатации составительской бригадой?».

Эксперты, нимало не смущаясь тем, что

им пришлось отвергнуть показания обвиняемого и свидетелей, утверждавших об отсутствии на переезде составительской бригады, в своем заключении без каких-либо доводов написали: «нарушений не было».

Следователя по рукам и ногам связало заключение технической экспертизы. Обращает на себя внимание, что и следователь не придавал значения объяснениям обвиняемого, опровергавшего утверждение (в постановлении о предъявлении обвинения) о том, что он якобы наехал на товарный вагон, прицепленный к паровозу.

При наличии в деле противоречивых показаний свидетелей оценку таковым должен был дать суд. По ходатайству защиты в судебное заседание были вызваны новые свидетели. Показания их довольно основательно ставили под сомнение правильность действий работников железной дороги во время маневров. Установление судом того обстоятельства, что шедшая впереди Лисобоя на расстоянии 20—30 м грузовая машина беспрепятственно проследовала через переезд, вызвало серьезные сомнения в правильности действий составительской бригады — движущийся по шоссе автотранспорт составитель поездов мог видеть за 20—30 м. Допрос лиц, ехавших на грузовой машине, во многом помог бы выяснению правильности действий составительской и паровозной бригады.

Кроме того, подсудимый Лисобой объяснил, что он принял все меры к предотвращению столкновения с маневровым составом, резко поворачив автомобиль вправо. Он заявил, что машинист паровоза мог избежать наезда на автомашину, так как маневровый состав двигался не более трех километров в час.

В суде было установлено, что ни к разборке, ни к ремонту автомобиля не приступали и он находился в том виде, как был после аварии. Путем осмотра автомобиля специалистами можно было по характеру повреждений определить, как произошел наезд при столкновении. Вновь назначенная техническая экспертиза могла бы дать соответствующие расчеты, основанные на законах физики, о возможности остановки локомотива с одним вагоном на самом переезде во избежание наезда на автомобиль.

Но Киевский окружной суд железнодорожного транспорта отклонил частный протест прокурора дороги по делу Лисобоя. Без каких-либо доводов кассационная инстанция указала, что осмотр автомобиля якобы не даст требуемых результатов, а установление грузовой автомашинки, проследовавшей через переезд впереди Лисобоя, не выполнимо.

Ясно, что лишь свидетельскими показаниями можно установить, был ли составитель поездов Туревич на переезде там, где это предусмотрено инструкцией, или же его на месте не было. Поэтому странным кажется, когда кассационная инстанция,

внося поправку в определение линейного суда, потребовала от органов следствия поставить на заключение экспертизы вопрос о том, «какие правила и инструкции нарушены... составительской бригадой, если это имело место. По указанию окружного суда экспертиза должна установить, были ли при производстве маневров составителем поездов и сцепщиком вагонов выполнены возложенные на них обязанности (?).

Итак, получается, что по неправильному определению окружного суда (председатель т. Працевич) эксперты вынуждены будут снова давать оценку свидетельским показаниям, т. е. выйдут за пределы своей компетенции.

Пора покончить с принижением роли технической экспертизы по уголовным делам, с неправильной ориентировкой экспертов на антинаучные методы исследования важных обстоятельств преступлений. Нельзя упро-

щать экспертизу — этот серьезный вид судебного доказательства, сводить творческую (а такой она должна быть по существу) работу экспертов к роли регистраторов событий преступлений. Надо решительно искоренить вредное разноречие в следственной и судебной практике по этому вопросу.

Верховному суду СССР следует обобщить кассационную практику по уголовным делам, где проводились судебные экспертизы, и поставить на разрешение Пленума Верховного суда СССР вопрос об издании руководящего указания о порядке проведения таких экспертиз. Это поможет устранить ошибки в работе судов и повысить их роль в борьбе за укрепление социалистической законности.

Заместитель председателя
линейного суда Винницкой ж. д.
А. Хорхорин

ОБМЕН ОПЫТОМ

КАК НАРОДНЫЙ СУД БОРЕТСЯ С ПЕРЕЖИТКАМИ КАПИТАЛИЗМА В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ

Среди уголовных дел, разбираемых народным судом 2-го участка Кишлинского района г. Баку, значительное место занимают дела частного обвинения, возбуждаемые народным судьей единолично на основании ст. 28 Закона о судостроительстве по поступившим жалобам граждан. Правильное и своевременное рассмотрение этих дел является важной задачей народных судей, так как в них непосредственно затрагиваются законные права и интересы граждан.

Трудности и особенности дел частного обвинения заключаются в том, что по ним, как правило, предварительного расследования не ведется и они непосредственно поступают в народный суд. Всю досудебную подготовку по этим делам проводит сам народный судья.

На первый взгляд дела частного обвинения кажутся несложными и неинтересными. Однако к ним должно быть проявлено самое серьезное и вдумчивое внимание: здесь выступают люди, пережитки капитализма в сознании которых как раз и проявляются в подобных делах.

Законом о судостроительстве на народный суд возложены ответственные и сложные задачи: всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам социалистического общежития. Свою воспитательную функцию народный суд выполняет путем рассмотрения дел в присутствии публики. Нужно внимательно относиться к людям, обращающимся в народный суд с заявлениями и жалобами о ссорах и драках в квартире, вызывать стороны и разъяснять им правила социалистического общежития и советские законы, постараться их помирить. Нередки случаи, когда достаточно одной беседы на приеме у судьи, чтобы люди, возбудившие дело, помирились.

Когда примирить стороны не удается, дело вносится в судебное заседание. И здесь народный судья, выполняя требования закона, тоже разъясняет сторонам их право помирились.

Судебная практика показывает многочисленные случаи примирения сторон в судебном заседании.

Я хочу поделиться опытом рассмотрения дел частного обвинения в нашем народном суде.

Заявления граждан о возбуждении уголовного преследования я принимаю сам. Внимательно читаю их в присутствии жалобщика, дополнительно выясняю некоторые обстоятельства.

Когда жалоба является основательной, я возбуждаю уголовное преследование, устанавливаю список свидетелей, подлежащих вызову на судебное заседание, назначаю дело к слушанию. О дне слушания дела жалобщик узнает тут же и получает повестки. На следующий же день вызываю в народный суд обвиняемого для ознакомления его с поступившим заявлением. Очень часто обвиняемый возбуждает ходатайство о вызове свидетелей. Такие просьбы я, как правило, удовлетворяю, повестки этим свидетелям вручаются.

В большинстве случаев обвиняемый в свою очередь возбуждает дело против потерпевшего. Получив встречное заявление и установив, что драка или скандал имели место взаимно, я возбуждаю уголовное преследование и против потерпевшего. Оба дела объединяются в одном производстве и одновременно рассматриваются в судебном заседании.

В судебных заседаниях я стараюсь примирить стороны. В 1952—1953 гг. в нашем народном суде две трети возбужденных дел кончились прекращением по просьбе сторон.

В народный суд обратилась Макарова с просьбой привлечь Турцеву к ответственности за клевету и нанесение ей побоев. Из судебно-медицинской экспертизы усматривалось, что Макарова подверглась избиению. Турцева в свою очередь возбудила ходатайство о привлечении Макаровой к судебной ответственности за оскорбление. Оба дела были объединены и назначены к слушанию в один день. На судебном заседании Макарова и Турцева категорически отказались мириться и просили дело рассмотреть по существу. По делу были вызваны пять-шесть свидетелей. Суд приговорил Макарову и Турцеву к исправительно-трудовым работам сроком на шесть месяцев с вычетом 25% из заработной платы. На следующий день Макарова и Турцева подали заявление о примирении.

По жалобе Хоботовой было возбуждено дело по обвинению ее соседки Герасимовой по ст. 202 УК Азербайджанской ССР, за

оскорбления. Дело было назначено к слушанию. Но на следующий день на прием к народному судье явились Хоботова и Герасимова с заявлением о прекращении дела ввиду их примирения.

В судебной практике по делам частного обвинения нередко случалось, что приговор народного суда приобретал серьезное воспитательное значение. Привожу пример. Между владелицей дома Огановой и квартиранткой Минасян царил долготелая вражда. Во время драки и взаимных оскорблений Минасян и Оганова нанесли друг другу телесные повреждения. Народный суд приговорил Минасян к исправительно-трудовым работам и Оганову к денежному штрафу. После этого они прекратили ссоры и драки. Кроме того, суд вынес частное определение о недостойном поведении Минасян и направил его общественным организациям по месту работы Минасян, где также приняли соответствующие меры.

Но нельзя ограничиться своевременным рассмотрением дел частного обвинения в судебных заседаниях. Это только часть работы народных судов. Необходимо выяснять причины их возникновения, усиливать разъяснительную работу.

Огромную воспитательную роль имеют беседы народного судьи с населением. Недавно, обобщая судебную практику по де-

лам о нанесении побоев, я установил, что, как правило, обращающиеся в народный суд с жалобами и заявлениями о возбуждении уголовного преследования являются соседями по квартире, живущими уплотненно. Скандалы происходят из-за пользования коммунальными услугами. На собраниях жильцов я, говоря о правилах социалистического общежития, разъяснил правила внутреннего распорядка, установленные для квартиросъемщиков. После этого поступление дел частного обвинения заметно уменьшилось.

Я систематически провожу доклады и беседы среди населения — в общежитиях, в домоуправлениях, среди домохозяек, с работающими на производстве рабочими и служащими — на темы о моральном облике советского человека, о правилах поведения людей в социалистическом общежитии и др. Мне задают многочисленные и разнообразные вопросы. Отвечая на них, я одновременно разъясняю советские законы о браке, семье, опеке и другие правовые вопросы. Разъяснительная работа народного судьи оказывает помощь в предупреждении возникновения дел частного обвинения.

Народный судья 2-го участка
Кишиневского района г. Баку

Р. Сачиян

ЛУЧШИЙ НАРОДНЫЙ СУДЬЯ

В 1947 году Ким Агафья Яковлевна с отличием окончила Алма-Атинский юридический институт и была направлена в Акмолинскую область на должность адвоката. Через год она была выдвинута на должность члена областного суда, а в декабре 1951 года избрана народным судьей 1-го участка Атбасарского района.

В качестве народного судьи т. Ким проявляет лучшие свои качества: принципиальность, чуткость, требовательность и умение зорко следить за соблюдением законов и наказывать тех, кто их нарушает.

Народный суд 1-го участка Атбасарского района на протяжении ряда лет был в числе отстающих. Больше в сравнении с другими судами поступление дел, разбросанность населенных пунктов и недостаточная связь между ними при отсутствии необходимой оперативности бывших судей создавали волокиту в суде, порождали большие остатки нерассмотренных дел. В результате было недовольство граждан и много жалоб на работу этого народного суда.

Тов. Ким знала об этом и хлопоталась.

Это были ее первые шаги самостоятельной работы. Приняла она от бывшего народного судьи судебный участок с большим остатком нерассмотренных дел. Тов. Ким поставила задачу довести до минимума остаток нерассмотренных дел. Она тщательно изучала организацию работы в народном суде, инструкции Министерства юстиции СССР, неоднократно посещала народный суд 2-го участка района, где народным судьей работает опытный судья т. Габдулвариев, систематически консультировалась с прикрепленными к суду ревизором управления юстиции и членом областного суда. Это помогло ей устранить из практики народного суда все то, что мешало в работе и снижало оперативность суда.

Например, судебные дела раньше назначались за день до их слушания, а при выездах на места вообще не назначались (суд на месте вызывал лиц, подлежащих вызову в судебное заседание). Это приводило к частому срыву судебных заседаний и к задержке дел слушанием. Тов. Ким составила расписание судебных заседаний, завела таблицу назначения дел к слушанию и дела

назначала за пять-десять дней до судебных заседаний. Она не оставляла ни одного случая неявки в суд лиц без тщательно выявления причин. В надлежащих случаях принимала меры. Во второй половине 1952 года дела уже не откладывались по причинам неявки без уважительных причин по вызову суда. Упорядочено привлечение народных заседателей к участию в работе суда, этапирование заключенных в суд и др.

Прием посетителей не был ограничен временем. Тов. Ким установила для посетителей, проживающих в городе, определенное время, один час приема — вне рабочего времени; для приезжих посетителей часы приема не ограничиваются. Тов. Ким активизировала консультационную работу юридической консультации.

Придавая исключительно важное значение правильной организации работы в суде, устраняя упрощенчество и бесплановость в работе, т. Ким добилась снижения остатка нерассмотренных дел до десятидневного поступления.

Важной задачей было повысить качество выносимых приговоров и решений, добиться их устойчивости. Выполнение этой задачи на первый взгляд не составляло больших затруднений: т. Ким имела достаточный опыт по рассмотрению дел в областном суде, имела необходимые теоретические знания. Но этого оказалось недостаточно. В первом квартале 1952 года областным судом было отменено четыре решения народного суда, вынесенных под ее председательством (20% к числу обжалованных). Из них три решения отменены ввиду невыясненности всех обстоятельств, необходимых для правильного разрешения дел. Тов. Ким тщательно изучила определения областного суда и пришла к выводу, что по двум делам требуемые обстоятельства были выявлены, но не отражены в протоколе. Это натолкнуло ее на более тщательную проверку протокола судебного заседания при его подписании. В третьем деле требуемые обстоятельства не были выявлены ввиду незнания законодательства.

В народном суде справочная работа, как этого требует инструкция Министерства юстиции СССР от 16 июня 1951 г., не велась. Постановления Пленума Верховного суда СССР, постановления правительства и указания вышестоящих органов находились в разных нарядах, изменения и дополнения в них не вносились. Тов. Ким безотлагательно приступила к налаживанию справочной работы.

Тов. Ким поставила перед собой цель не только не повторять ошибок, но и не допускать других. Для этого она повысила качество досудебной подготовки дел и подготовительного заседания. Прежде чем завести гражданское дело, т. Ким подбирала закон, согласно которому подлежало рассмотреть данное дело, и в соответствии с этим истребовала доказательства, извещала заинтересованных лиц, запрашивала

ведомственные указания, необходимые для правильного разрешения спора.

До рассмотрения дела в судебном заседании т. Ким тщательно знакомила с материалами дела народных заседателей, изучала с ними законы, которые следовало положить в основу приговора и решения. Тем самым она добивалась повышения активности народных заседателей в судебном заседании.

Подготовительные заседания по уголовным делам стали служить подготовке дела к правильному его разрешению. На них обязательно участвовал прокурор.

Проведение таких мероприятий привело к тому, что в последующие три квартала решения, вынесенные под председательством т. Ким, уже не отменялись областным судом. К концу истекшего года было оставлено в силе 95% решений по народному суду. Приговоры, выносимые под председательством т. Ким, ни разу не отменялись областным судом.

Эффективность судебного воздействия, устойчивость приговоров и решений, выдержанная карательная практика суда содействовали снижению преступности в районе.

Тов. Ким понимала, что мер судебного воздействия недостаточно для предупреждения преступлений. С первых же дней своей работы она развернула массово-разъяснительную работу среди населения. Она часто выступала на предприятиях и в колхозах с докладами, лекциями и беседами на юридические темы. В доступной форме, на конкретных фактах из жизни района она показывала избирателям основные требования закона, вред и последствия их невыполнения.

Тов. Ким систематически отчитывалась перед избирателями в проделанной работе по борьбе с преступлениями и правонарушениями. В докладах она отмечала недостатки в работе суда и в работе других органов и указывала практические пути их устранения. Развернутая критика и самокритика поднимали активность присутствующих и помогли выявить и устранить недостатки. Избирателями часто поднимались вопросы, не касающиеся суда. Однако и эти выступления т. Ким не оставляла без внимания.

Придавая исключительно важное значение работе с народными заседателями, т. Ким периодически проводила с ними занятия по программе, утвержденной Министерством юстиции СССР. Для удобства эти занятия проводились по группам. Тем народным заседателям, которые ввиду расстояния или других причин не могли присутствовать на занятиях, выдавалось «Пособие для народных заседателей» и после его изучения с ними проводились беседы. Регулярные занятия с народными заседателями, в первую очередь, способствовали улучшению судебной работы и, во-вторых, явились хорошим проводником закона в широкие массы

населения. Каждый присутствующий на занятиях народный заседатель старался передать полученное другим.

Тов. Ким более 40% дел рассматривала с выездом на места. Эти процессы еще тщательнее готовились и проводились на высоком идейно-политическом уровне.

В судебных заседаниях т. Ким уделяла особое внимание выяснению причин и условий, порождающих преступления, и путем частных определений, а в надлежащих случаях своими представлениями, принимала меры к их устранению.

Тов. Ким понимала, что на каком бы высоком уровне ни находилась работа суда, но если в работе судебного исполнителя имеются недостатки, если правильно выносимые решения и приговоры своевременно не исполняются, если преступники осуждены, а ущерб не восстановлен, — задача, поставленная перед судом, остается невыполненной. С первых же дней т. Ким тщательно изучала инструкции, приказы и указания

по исполнению судебных решений. Она повысила руководство и контроль над работой судебного исполнителя. Это сказалось в том, что в 1952 году поступление жалоб на неисполнение судебных решений снизилось почти в четыре раза, а повторных жалоб во втором полугодии совсем не поступало.

Так из отстающего на протяжении ряда лет участка народного суда т. Ким в течение одного года вывела судебный участок в число передовых.

Опыт работы народного судьи 1-го участка Атбасарского района т. Ким А. Я. распространен среди народных судей области.

Ст. ревизор управления юстиции
по Акмолинской области
Казахской ССР

В. Тетерюк

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ

В № 1 журнала «Социалистическая законность» была напечатана статья т. Андреевского «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников».

Прокуратура Мордовской АССР сообщила в редакцию, что в статье правильно отмечено, что постоянные занятия в районных прокуратурах Мордовской АССР не проводились. В настоящем году регулярно проводятся постоянные занятия с работниками центрального аппарата прокуратуры Мордовской АССР, которые посещают работники прокуратуры г. Саранска и прокуратуры Саранского района. Проводятся семинарские занятия по изучению гражданского права. Постоянные занятия в трех районных прокуратурах будут организованы с 1 сентября с. г.

В № 3 журнала была напечатана статья тт. Кацука и Уракова «Больше внимания воспитанию следственных кадров».

Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР сообщил в редакцию, что авторы статьи правильно указывают на ту большую роль в воспитании следователей и повышении их квалификации, которую должен сыграть Институт криминалистики, а также на недостатки, имеющиеся в этой области. В связи с этим Институт криминалистики при составлении плана на 1953 год предусмотрел разработку актуальных для следователей тем, в частности, разработку методических пособий по расследованию хищений колхозного имущества и преступных нарушений Устава сельскохозяйственной артели. Выход из печати за три года существования института 12 выпусков пособия «Следственная практика» соответствует плану. Принимаются меры к более быстрому выпуску изданий института. Институт криминалистики обязан учитывать запросы следователей не только общетерриториальных, но и специализированных прокуратур, поэтому и впредь некоторые работы будут посвящаться вопросам, актуальным для этих прокуратур.

В № 3 журнала была опубликована статья т. Александрова «Покончить с ротозейством и беспечностью».

Прокуратура Азербайджанской ССР сообщила в редакцию, что упоминаемые в статье лица, по представлению прокуратуры, наказаны в дисциплинарном порядке.

В № 4 журнала была напечатана корреспонденция Шарковой «Наши претензии к работникам прокуратуры».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что начальнику управления Министерства юстиции по Одесской области предложено принять меры к устранению недостатков в народных судах Красно-Озерского и 1-го участка Сталинского районов г. Одессы при оформлении материалов, направляемых на экспертизу.

В № 1 журнала была опубликована статья т. Колмакова «Связь криминалистических учреждений с прокурорскими и судебными органами».

Следственное управление Прокуратуры СССР сообщило в редакцию, что необходимая связь с научно-исследовательскими учреждениями системы министерства юстиции в виде обмена опытом работы поддерживается Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики Прокуратуры СССР.

В № 1 журнала была напечатана корреспонденция т. Балашова «Повысить ответственность за правильное рассмотрение судами гражданских колхозных дел».

Верховный суд Казахской ССР сообщил в редакцию, что произведено обобщение судебной практики по делам животноводства в колхозах с изучением дел, истребованных из отдельных народных судов одиннадцати областей республики, и это обобщение разослано начальникам управлений юстиции для устранения отмеченных в обобщении нарушений закона при разрешении этой категории дел.

В № 3 журнала была опубликована корреспонденция т. Комарова «Неправильный стиль ревизии».

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что по проверке фактов, изложенных в корреспонденции, этот вопрос будет обсужден на оперативном совещании ревизорского состава.

В № 3 журнала была напечатана корреспонденция тт. Юровского и Шкаленковой «Организация справочной работы по законодательству».

Министерство юстиции РСФСР сообщило в редакцию, что для улучшения справоч-

ной работы по законодательству в управлениях юстиции, министерствах юстиции АССР и судах принимаются меры. В конце 1952 года на коллегии Министерства юстиции РСФСР были обсуждены доклады по результатам изучения актов ревизий в части проверки состояния справочной работы по законодательству в управлениях юстиции, министерствах юстиции АССР и судах. По докладам коллегия приняла постановление, в которых наметила провести ряд мероприятий для улучшения справочной работы по законодательству. На места направлено письмо. Министрам юстиции АССР и начальникам управлений юстиции РСФСР и председателям судов предложено сообщить о выполнении указаний Министерства юстиции РСФСР. Этот материал будет изучен, и доклад о положительном опыте справочной работы по законодательству в управлениях и в судах предполагается обсудить на коллегии Министерства юстиции РСФСР. Отделом кодификации Министерства юстиции РСФСР проведены два семинара о порядке проверки состояния справочной работы по законодательству в судах и управлениях с ревизорами Министерства юстиции РСФСР. Работниками отдела кодификации проверена постановка справочной работы по законодательству и оказана помощь в организации этой работы в некоторых народных судах г. Москвы и в управлении юстиции по

Кировской области. Предполагается проверить постановку справочной работы по законодательству в управлении юстиции и судах Горьковской области и провести в г. Горьком семинар с ревизорами и народными судьями. Коллегией Министерства юстиции РСФСР были обсуждены состояние обеспеченности судебных органов и органов юстиции юридической литературой и предложения работников органов юстиции и судебных работников о переиздании и издании новой юридической литературы. Поставлен вопрос об издании и переиздании юридической и справочной литературы. Управления юстиции и суды регулярно информируются о вновь выходящей юридической литературе. Отделом кодификации проводится работа по составлению ответов справочного характера по законодательству, касающемуся деятельности органов юстиции и судов, на запросы отдельных граждан и учреждений. Подготавливается перечень действующих приказов и инструкций Министерства юстиции РСФСР.

Министерство юстиции СССР сообщило в редакцию, что на необходимость усиления работы отдела кодификации Министерства юстиции Украинской ССР по улучшению постановки справочной работы по законодательству в областных судах было обращено внимание т. Шкаленковой во время ее пребывания на практике в Министерстве юстиции СССР в мае с. г.

**УКРЕПЛЯТЬ СОДРУЖЕСТВО РАБОТНИКОВ НАУКИ
КРИМИНАЛИСТИКИ И РАБОТНИКОВ СЛЕДСТВИЯ**

Всемерное укрепление связи науки и практики — одно из важнейших условий успешного решения стоящих перед ними задач. В неразрывном единстве теории и практики, в тесном содружестве работников науки и практики — источник силы советской науки.

Глубокое изучение и обобщение практики, правильное решение выдвигаемых ею теоретических вопросов и дальнейшее творческое развитие правовой науки с учетом нужд и требований практики являются первостепенной задачей работников правовой науки, в том числе и науки криминалистики. Эта задача приобретает особое значение в связи с тем, что в нашей печати неоднократно указывалось на отрыв правовой науки от требований и нужд государственных органов, на отсутствие надлежащей теоретической разработки актуальных правовых вопросов, возникающих в их практической деятельности.

На решение этой важнейшей проблемы направляется деятельность и Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР, который должен разрабатывать и внедрять в следственную практику научно-технические и лучшие тактические приемы и методы раскрытия и расследования преступлений, а также развивать советскую криминалистику.

Основой для решения этих важных задач является всемерное укрепление связи института с практикой. Формы связи могут быть многообразны, но все они должны преследовать одну цель — поставить следствие в нашей стране на научную основу, поднять его на такой уровень, при котором ни одно преступление не осталось бы нераскрытым и вместе с тем ни один гражданин не был бы неосновательно привлечен к уголовной ответственности, что является важнейшим требованием социалистической законности.

Основной формой связи института с практической следственной работой является обобщение опыта следственной практики и разрешение на базе этого опыта актуальных проблем криминалистики. Изучая и обобщая опыт следственной практики, институт подготовил и издал ряд работ по методике расследования хищений в некоторых отраслях промышленности, на водном транспорте и в системе сберегательных касс, а также по методике расследования выпуска недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции, автотранс-

портных происшествий и иных преступлений. Тематика этих работ методического характера определялась запросами и нуждами практики.

Наряду с этим институт до сих пор не подготовил очень нужных для практических работников пособий по методике расследования таких преступлений, как хищения в торговле, в заготовительных организациях, в колхозах.

Положительный опыт следственной работы регулярно обобщался институтом в сборниках «Следственной практики». На ее страницах уже выступало свыше 160 прокурорско-следственных работников, которые делились опытом своей работы.

К сожалению, не все статьи, помещаемые в «Следственной практике», написаны на высоком уровне. Наряду с хорошими, продуманными статьями, которые могут оказать следователю помощь в расследовании, встречаются заметки легковесные, а иногда и содержащие неправильные рекомендации. Так, в частности, в одном из выпусков «Следственной практики» (№ 7) была опубликована заметка «Умело изъятый след — важное доказательство по делу». В этой заметке неправильно высказывается мысль, что следователь без криминалистической экспертизы может идентифицировать объект по следу.

Важной формой осуществления тесной связи теории с практикой является организация теоретических конференций с широким участием в них работников практики. Такие конференции способствуют поднятию уровня как научной, так и практической работы. Известно, что среди некоторых ученых-юристов долгое время бытовала точка зрения на криминалистику как на вспомогательную, чисто техническую науку. Такая точка зрения только тормозила развитие советской криминалистики, отвлекая ученых-криминалистов от разработки серьезных научных проблем, актуальных для практики. Стремясь положить конец этим схоластическим спорам, Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР организовал специальную теоретическую конференцию о предмете советской криминалистики. К участию в ней были привлечены как ученые-юристы, так и практические работники следствия. Проведение этой конференции сыграло положительную роль.

Свою связь с практикой институт осуществляет и в иных формах. Работники института, выезжая в прокуратуры респуб-

лик, краев и областей, принимают участие в проведении различных учебно-методических семинаров, направленных к повышению деловой квалификации и теоретического уровня следователей, к усвоению ими научно-технических приемов и средств расследования. Кроме этого, научные сотрудники института оказывают помощь прокуратурам республик в проведении ежегодных конференций лучших следователей, выступают на них с докладами, обобщающими положительный опыт следственных работников.

За последние годы институт проделал известную работу по оснащению органов прокуратуры научно-техническими средствами. Научные сотрудники института провели свыше двадцати специальных межреспубликанских и межобластных учебно-методических семинаров, на которых подготовили для прокуратур республик, краев и областей инструкторов по изучению следственного чемодана.

Проверки работы прокуратур республик, краев и областей по внедрению научно-технических средств в практику расследования, систематически проводимые институтом, ставят себе главной целью оказание прокуратурам практической помощи.

На основе изучения опыта этих прокуратур институт выпустил ряд пособий, призванных оказывать следователям помощь в вопросах, связанных с применением техники. К числу таких пособий относятся: «Применение следственного чемодана», «Применение научно-технических средств при расследовании хищений государственного и общественного имущества», «Применение научно-технических средств при расследовании авто-транспортных происшествий», два выпуска «Следственной практики» (№№ 7 и 14).

Работа института по внедрению научно-технических средств в практику расследования преступлений не встречает до сих пор должной поддержки со стороны Следственного управления Прокуратуры СССР и следственных органов прокуратур ряда республик, краев и областей. Именно этим можно объяснить, что, например, в прокуратурах Армянской, Азербайджанской, Таджикской ССР, Хабаровского края, Саратовской, Орловской, Львовской областей и др. работа по внедрению научно-технических средств в следственную практику почти не проводится или проводится явно недостаточно.

Работники Следственного управления Прокуратуры СССР и следственных отделов прокуратур республик, краев и областей должны в первую очередь сами в совершенстве освоить применение научно-технических средств и пропагандировать их широкое внедрение в следственную практику как одно из средств улучшения качества расследования. При ревизиях и проверках подчиненных прокуратур обязательно следует проверять и работу по применению научно-технических средств, кон-

сультивировать следователей по этим вопросам.

Некоторые начинания института, направленные на расширение связи с практикой, до конца не доводились. В апреле 1951 года институт принял решение ежемесячно проводить научно-методические конференции по обмену опытом следственной работы для следователей Москвы. К участию в конференциях привлекались не только практические, но и научные работники институтов и юридических учебных заведений. На конференциях заслушивались доклады следователей, заключения научных сотрудников по докладам, интересные сообщения их экспертной практики, выступления не только следственных работников Москвы, но и следователей периферии. В частности, старший следователь прокуратуры Калужской области т. Верещагин поделился опытом расследования крупных хищений на одном из винодельческих заводов; старший следователь прокуратуры Ярославской области т. Алексеев поделился опытом расследования по делу о хищении в киноплочной промышленности; старший следователь прокуратуры Смоленской области т. Рейнгерц доложил о проведенном им и старшим следователем т. Медведевым расследовании организованных хищений растительного масла на двух маслозаводах и о мерах по предупреждению хищений, принятых в связи с этим делом. Доклады следователей периферии, как и доклады московских следователей, были встречены с большим интересом. Многие следователи, в особенности начинающие, получили на этих конференциях много нового.

Такая форма связи с практикой была безусловно необходимой, но институт необоснованно прекратил проведение методических конференций. Отказавшись от них, институт в отношении связи с практикой сделал шаг назад, тем более, что эти конференции имели значение не только для московских следователей, так как доклады следователей регулярно помещались как самостоятельные статьи в сборниках «Следственной практики», а работа конференций освещалась на страницах журнала «Социалистическая законность».

Хорошая форма связи с практикой — участие научных сотрудников института в проведении конференций лучших следователей. В ежегодных конференциях лучших следователей Прокуратуры СССР, как правило, принимает участие большинство сотрудников института. Трибуна конференции лучшим следователей Прокуратуры СССР по праву считается трибуной передового опыта следственной работы. Выступления лучших следователей страны вносят ценный вклад в разработку тактики, техники и методики расследования преступлений. Именно поэтому материалы конференций ежегодно издаются институтом самостоятельными сборниками.

Положительное значение этих конференций очевидно. Однако их научный уровень

может быть поднят на более высокую ступень. На наш взгляд, пора в программу конференций включить лекции, которые будут широко знакомить лучших следователей с новейшими достижениями советской криминалистики и других наук, широко используемых криминалистикой. Интересно, например, поставить на конференции лекции о новых методах исследования вещественных доказательств, о новейших достижениях химической экспертизы, о применении в криминалистике новейших методов физических исследований и т. п. Такие лекции дадут следователям лучшую ориентировку в специальных вопросах, вооружат их новыми знаниями. Застрельщиком в постановке всех этих вопросов должен быть институт.

Также следует поднять научный уровень и конференций лучших следователей, ежегодно проводимых в прокуратурах союзных республик.

Естественно, что институт не может плодотворно работать без широкого актива прокурорско-следственных работников. В положении об институте прямо записано, что он организует связь с активом из числа практических прокурорско-следственных работников, привлекая их к научно-исследовательской работе. Институт неоднократно привлекал к научно-исследовательской работе ряд практических работников. В подготовке работ института принимали активное участие сотрудники Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР. И сейчас институтом привлечен ряд практических работников для участия в подготовке второго, переработанного издания «Настольной книги следователя». Все шире практикуется направление работ института для предварительного рецензирования практическим работникам.

Серьезным недостатком в деятельности института является то, что институт до сих пор не смог вовлечь в научно-исследовательскую работу прокуроров и следователей периферии. Широко привлекая следователей к обмену опытом по расследованию в сборниках «Следственной практики», институт еще не нашел форм связи с практическими работниками периферии, обладающими значительным опытом, с тем, чтобы поручать им подготовку отдельных работ по актуальным вопросам следствия. В результате богатейший опыт, накопленный многими прокурорско-следственными работниками, не используется всеми прокурорами и следователями. В этом направлении институту нужно еще многое сделать.

Наряду с этим нужно шире практиковать направление работ, подготовленных институтом к печати, для рецензирования практическим работникам периферии.

Все еще недостаточно привлекает институт прокурорско-следственных работников к обсуждению научных работ, подготовленных для издания. Как показала практика, такие обсуждения оказывают

большую помощь авторам работ, способствуя устраниению имеющихся в них недостатков и повышению качества научной продукции института.

Не так давно институтом подготовлено методическое пособие, посвященное вопросам методики расследования хищений в швейной промышленности. Рукопись пособия была направлена для просмотра ряду следственных работников, после чего организовано обсуждение пособия. Обсуждение вскрыло серьезные недостатки, имеющиеся в работе. Выступавшие, ссылаясь на конкретные дела, показали, что в работе не нашли отражения способы хищения, применяемые преступниками, прибравшимися в предприятия местной промышленности и промышленной кооперации. В результате критических замечаний автор внес в работу существенные дополнения. Положительные результаты дало обсуждение работы о методике расследования хищений в мясной и молочной промышленности. Очевидно, что такое обсуждение работ, подготовляемых к печати, нужно практиковать чаще.

За период своей деятельности Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР издал свыше сорока работ по вопросам тактики, техники и частной методики следствия. Кроме этого, в 1952 году вышел в свет подготовленный институтом учебник криминалистики (часть вторая) для юридических учебных заведений. Эти работы должны оказать прокурорско-следственным работникам практическую помощь в правильном решении различных вопросов, возникающих в их повседневной деятельности, содействовать обучению следователей искусству следственной работы. Эти же пособия оказывают немалую помощь студентам-юристам в изучении криминалистики.

Однако далеко не во всех прокуратурах организовано надлежащее пользование литературой, рассылаемой институтом. Прокуратуры республик, краев и областей, как правило, ограничиваются только направлением полученной литературы в подчиненные прокуратуры, не интересуясь, доходит ли она до следователей и изучается ли ими. Проверки, проводимые институтом, показывают, что в ряде прокуратур поступающая литература не учитывается, сохранность ее не обеспечивается, условий для использования ее следователями не создается. Так, например, в прокуратурах Алма-Атинского района Казахской ССР, Сталинабада и Сталинабадского района Таджикской ССР при проверке удалось обнаружить лишь несколько книг института, а в беседах со следователями этих прокуратур выяснилось, что они видели только одну-две работы, изданные институтом. В результате такого ненормального положения институт чрезвычайно редко получает от прокурорско-следственных работников критические замечания на свою продукцию. А ведь критика изданий института

со стороны практических работников помогла бы институту поднять его научную работу на более высокий уровень.

Стремясь получить широкие отзывы на свои издания, институт организовал проведение читательских конференций в прокуратурах Украинской, Латвийской и Эстонской ССР. Однако, ввиду отсутствия надлежащей организационной подготовки этих конференций со стороны института и следственных отделов, не все из них прошли активно и на высоком теоретическом уровне. Так, конференция в прокуратуре Украинской ССР была проведена экспромтом. Практические работники не были предварительно оповещены о конференции и ее целях, в результате чего не смогли к ней подготовиться как следует. Неправильная организация этого мероприятия справедливо критиковалась участниками конференции. Правда, при проведении конференций в прокуратурах Латвийской и Эстонской ССР были учтены ошибки, допущенные в организации первой конференции. В работе этих трех конференций приняли участие 110 прокурорско-следственных работников, высказавших много ценных критических замечаний и пожеланий.

Институт должен чаще проводить читательские конференции, привлекая к участию в них практических работников, а следственным отделам нужно организовать правильное использование литературы, обеспечивая ее изучение работниками следствия. В частности, в каждой прокуратуре нужно создать «Библиотечку следователя» и завести строгий учет поступающей литературы. В связи с этим важно высылать в прокуратуры республик, краев и областей большее количество экземпляров книг, издаваемых институтом. Как показывает практика, немногочисленные экземпляры, остающиеся в аппарате прокуратур после рассылки книг по районным прокуратурам, не доходят до всех работников следственных отделов.

Известно, что до последнего времени еще не все прокуратуры одинаково хорошо выполняют стоящие перед ними задачи в борьбе с преступностью. Поднять работу всех прокуратур на более высокий уровень — важная задача в целом Прокуратуры СССР, задача, в решении которой должен оказать посильную помощь и Институт криминалистики. В своих изданиях институт освещает опыт отдельных следователей по расследованию преступлений. Передача этого опыта всем следователям

занимает важное место в его работе. Однако нам представляется, что не это является главным. Важно передать положительный опыт работы отдельной прокуратуры в целом, показать, как данная прокуратура достигла высоких показателей следствия. Это можно сделать, обобщив на научной основе всю в целом работу прокуратуры по борьбе с наиболее опасными преступлениями, в первую очередь с хищениями социалистической собственности, и сделать этот опыт достоянием всех прокуратур. Важно, например, показать, как эта прокуратура осуществляет связь с контрольно-инспекторскими органами, как организуется проверка сигналов и материалов о хищениях, как следователь обеспечивает розыск похищенного имущества и возмещение материального ущерба, причиненного преступными действиями расхитителей, какие научные приемы применяются следователями при расследовании хищений, как организуется розыск скрывшихся преступников, какие меры, направленные к предупреждению хищений, принимает прокуратура и т. д. Издание работы, обобщающей опыт такой прокуратуры, сыграло бы серьезную роль в улучшении следствия в органах прокуратуры. Конечно, одному институту эта задача не по силам. Она может быть успешно решена, если в ее исполнение включится Следственное управление Прокуратуры СССР.

Задача разработки актуальных для прокурорско-следственной практики вопросов стоит отнюдь не только перед Всесоюзным научно-исследовательским институтом криминалистики Прокуратуры СССР. Это — задача всех криминалистических учреждений, в том числе и кафедр криминалистики в юридических факультетах университетов и в юридических институтах.

Советские ученые-криминалисты, работающие в этих учреждениях и учебных заведениях, должны стать ближе к практике прокурорско-следственной работы, включать в тематику своей работы актуальные для практики проблемы, оказывать практике более действенную помощь.

Широкая связь науки криминалистики с практикой следственной работы будет способствовать дальнейшему улучшению качества следствия, успешной борьбе с преступностью и искоренению преступности в нашей стране.

Г. Кочаров

С. Степичев

НОВЫЕ КНИГИ ПО ВОПРОСАМ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

(Март—апрель 1953 г.)

Анисимова Т. Б. Избирательная система СССР. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, М., 1953, 31 с. (Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Кафедра государственного права и советского строительства).

Основные принципы советской избирательной системы. Порядок организации и проведения выборов в Советы депутатов трудящихся. Руководящая роль Коммунистической партии в организации и проведении выборов органов государственной власти.

Власов В. А. Высшие и центральные органы государственного управления СССР, союзных и автономных республик. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, М., 1953, 70 с. (Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Кафедра государственного права и советского строительства).

В первой лекции автор останавливается на сущности советского государственного управления. Вторая и третья лекции — основные принципы и система органов советского государственного управления.

Аксененок Г. А. Право землепользования совхозов, МТС и подсобных хозяйств. Госюриздат, М., 1953, 142 с.

В первых четырех главах анализируется основное законодательство, регулирующее землепользование совхозов, МТС и подсобных хозяйств, а также рассматриваются вопросы, связанные с правомочиями совхозов и других предприятий и организаций по наделению земельными участками рабочих и служащих. Глава пятая: охрана прав землепользования совхозов, МТС и других предприятий, учреждений и организаций.

Иоффе О. С. Обязательства по возмещению вреда. Изд. 2-е. М.—Л., Издательство Ленинградского университета имени А. А. Жданова, 1952, 125 с.

Изложение основ советского законодательства, регулирующего обязательства по возмещению вреда. Материал расположен по главам: значение и область применения обязательств по возмещению вреда; общие условия ответственности за причинение вреда; условия ответственности по специальным видам обязательств из причинения вреда; объем ответственности; ответственность за причинение увечья и смерти; исковая давность по делам о возмещении вреда.

Пашерстник А. Е. Соблюдение социалистической дисциплины труда — долг каждого советского гражданина. Издательство «Знание», М., 1953, 39 с. (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний).

Автор показывает, что «высокая сознательная дисциплина труда, твердый внутренний трудовой распорядок на предприятиях, дальнейшее развертывание социалистического соревнования, мобилизация производственной активности и всемерное использование творческой инициативы широких масс трудящихся являются важнейшими условиями осуществления задач пятого пятилетнего плана, являющегося новым крупным шагом по пути к коммунизму».

Остроумов С. С. Советская судебная статистика. Часть общая и специальная. Под ред. А. А. Угрюмова. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений. Госюриздат, М., 1952, 286 с. (Московский юридический институт).

Учебник составлен применительно к программе по судебной статистике для юридических вузов, утвержденной Министерством высшего образования СССР, и представляет собой изложение двух ее частей — общей и особенной.

Поправка

В № 5 журнала «Социалистическая законность», на стр. 93, левой колонке, в ответе прокурору Либкнехтовского района Ставропольского края первую фразу следует читать: «Колхоз не вправе заключать трудовые договоры с лицами, не состоящими членами колхоза, на условиях оплаты их труда по трудовым дням».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Передовая — Забота Коммунистической партии об укреплении социалистической законности	1
С. Зайцев — Больше заботы о молодых специалистах	6
Г. Бахаров — За дальнейшее укрепление социалистической законности в советской Литве	13
Я. Мотовиловкер — Роль мотивировки приговоров в обеспечении их законности и обоснованности	21
А. Цыпкин — Частные определения суда в борьбе с нарушениями закона	30
Н. Хохлов — Суд на охране жилищных прав граждан	36
К. Седунов — Правовые вопросы, связанные со спорами о строениях	43
А. Ширшиков — Порядок пользования земельным участком совладельцами строения	48
М. Буня — О судейской беспристрастности	51

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК	56
--	-----------

Трибуна Читателя	
В. Пчелин — Изменить стиль руководства по уголовно-судебному надзору	66
Х. Юсупов — В Министерстве юстиции Башкирской АССР не поддерживают критику снизу	68
П. Липатников — Больше внимания работе по делам несовершеннолетних	71
Я. Яновский — Неуклонно соблюдать законность в работе прокуратуры по гражданско-судебному надзору	72
Е. Арефьева — Строго выполнять процессуальные гарантии	75
Г. Давыденко — Порочная практика органов расследования Омской области	76
Ю. Поморцев — Нарушение прав представителя гражданского истца в уголовном процессе	78
А. Хорхори — Поднять значение экспертизы как доказательства по уголовному делу	79

Обмен опытом	
Р. Сачиян — Как народный суд борется с пережитками капитализма в сознании людей	85
В. Тетерюк — Лучший народный судья	86

ПО СЛЕДАМ ЗАМЕТОК И ПИСЕМ	89
ВО ВСЕСОЮЗНОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРОКУРАТУРЫ СССР	

Г. Кочаров, С. Степичев — Укреплять содружество работников науки криминалистики и работников следствия	91
Новые книги по вопросам государства и права	95

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С. А. Бордонов,
С. В. Бакшеев, А. Ф. Волчков, С. И. Зайцев,
Д. С. Карев, С. П. Митричев, В. С. Тадевосян

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Пушкинская, 15а. Тел. К 6-93-06
Издатель: ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67

Технический редактор *Е. Н. Косарева*

А02796. Сдано в производство 17/VI 1953 г. Подписано к печати 23/VII 1953 г. Уч.-изд. л. 9,85
Тираж 35.750 экз. Бумага 70×108¹/₁₆—3 бумажных, 8,22 печатных листов. Заказ 285. Цена 3 руб.

13-я журнальная типография Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Гарднеровский пер., 1а.